

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

МЕЖДУНАРОДНАЯ АНАЛИТИКА

2017

№ 1 (19)

**Москва
ИМИ МГИМО МИД РОССИИ**

The Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation”

Institute for International Studies

INTERNATIONAL ANALYTICS

2017

№. 1 (19)

**Moscow
IIS MGIMO-University**

Научно-экспертный совет:

*А. В. Торкунов (председатель), В. Б. Кириллов, Е. М. Кожокин, Н. Б. Кузьмина,
А. В. Мальгин, С. А. Орджоникидзе, А. Н. Панов, А. И. Подберезкин,
Н. А. Симония*

Главный редактор

А. А. Орлов

Редакционный совет:

*И. М. Бусыгина, Н. П. Грибин, В. В. Дегоев, А. А. Казанцев, А. В. Лукин,
В. А. Морозов, В. М. Муханов, А. И. Никитин, Л. С. Окунева, П. Б. Паршин,
В. В. Попов, В. М. Сергеев, А. В. Федорченко, С. И. Чернявский,
А. Л. Чечевишников*

Редакторы номера:

П. Б. Паршин, Н. А. Самойловская, А. Л. Чечевишников

Scientific advisory council:

*A. Torkunov (chairman), V. Kirillov, Ye. Kozhokin, N. Kuzmina, A. Malgin,
S. Ordzhonikidze, A. Panov, A. Podberezkin, N. Simoniya*

Editor-in-chief:

A. Orlov

Editorial board:

*I. Busygina, N. Gribin, V. Degoyev, A. Kazantsev, A. Lukin, V. Morozov,
V. Mukhanov, A. Nikitin, L. Okuneva, P. Parshin, V. Popov, V. Sergeyev,
A. Fedorchenko, S. Chernyavskiy, A. Chechevishnikov*

Editors of the issue:

P. Parshin, N. Samoilovskaya, A. Chechevishnikov

Содержание

Мировая политика: факторы интеграции и дезинтеграции

Чернявский С. И.

Евразийский экономический союз –
реалии текущей ситуации 7

Воробьев В. Я.

Россия и Китай – дружеское партнёрство 14

Алексеев Е. С.

Сравнительный анализ деятельности
созданных в Центральной Азии форматов «5+1»
(с участием США, Южной Кореи, Японии и ЕС) 29

Зинин Ю. Н.

Берберский фактор в Северной Африке:
некоторые аспекты 42

Кудряшова Ю. С.

Курдский вопрос на фоне войны в Сирии 52

Модели энергетической политики

Артюшкин В. Ф., Паршин П. Б.

Подходы Индии к обеспечению энергобезопасности 58

Исторические ракурсы

Волхонский М. А.

Роль специальных классов Лазаревского института
в развитии «практического востоковедения»
в России во второй половине XIX – начале XX в. 76

Муханов В. М.

Советизация Армении в 1920 г. и Серго Орджоникидзе. 89

Крылов А. В.

Еврейские экстремистские и террористические
организации в Израиле. 99

Share M.

Trump, Russia, and China: The First 100 Days 116

In memoriam

Виталий Яковлевич Воробьев (1944–2017) 123

Contents

World Politics: Factors of Integration and Disintegration

Stanislav Chernyavskiy

Eurasian Economic Union - Realities of the Current Situation 7

Vitaly Vorobyov

Russia and China: Building a Trustful Partnership. 14

Elena Alekseenkova

A Comparative Analysis of the Activities of “5+1” Formats’ Launched
in Central Asia with Participation of the US, Republic of Korea,
Japan, and the EU. 29

Yuri Zinin

The Berber Factor in North Africa: Common Features and Local Peculiarities 42

Yulia Kudryashova

The Kurdish Problem against the background of the War in Syria. 52

Models of Energy Policy

Victor Artyushkin, Pavel Parshin

India’s Approaches to the Problem of Energy Security 58

Looking into the Past

Mikhail Volhonskiy

The role of the special classes of Lazarev Institute in the development
of “practical Oriental studies” in Russia in the second half
of 19th – beginning of 20th centuries 76

Vadim Mukhanov

Sovietization of Armenia in 1920 and Sergo Ordzhonikidze 89

Alexander V. Krylov

Jewish Extremist and Terrorist Organizations in Israel..... 99

Michael Share

Trump, Russia, and China: The First 100 Days..... 116

In memoriam

Vitaly Vorobyov (1944–2017). 123

Мировая политика: факторы интеграции и дезинтеграции

С. И. Чернявский

Евразийский экономический союз – реалии текущей ситуации

Чернявский Станислав Иванович, д-р ист. наук, профессор,
директор Центра постсоветских исследований
Института международных исследований МГИМО МИД РФ.
E-mail: chernyavskiy.stanislav@gmail.com

***Аннотация.** Евразийская интеграция является важнейшим внешнеполитическим проектом России. В условиях экономических санкций она сталкивается с дополнительными трудностями. Весьма болезненной проблемой является преодоление тенденции снижения взаимного товарооборота, поскольку резервы роста взаимной торговли, связанные с устранением административных барьеров, исчерпаны, а номенклатура товаров остаётся практически неизменной. Развитию торговли внутри ЕАЭС мешает падение мировых цен на товарных рынках, что привело к снижению платежеспособности внутри союза. Побороть эту негативную тенденцию можно лишь путём значительной диверсификации товарообмена. Несмотря на отмену таможенных границ между участниками союза, устранить все изъятия и ограничения на предыдущих этапах развития ЕАЭС не удалось.*

Санкционный режим, введённый Евросоюзом, и ответные меры России создали дополнительные проблемы в развитии внутреннего рынка ЕАЭС. Одним из тормозов евразийской интеграции является недостаточная активность взаимной инвестиционной деятельности. Поставленные евразийской интеграцией цели должны быть чёткими, конкретными, а главное – достижимыми, а результаты – осязаемыми не только для правительств и деловых кругов, но и для населения заинтересованных стран.

***Ключевые слова:** Евразийская интеграция, снижение товарооборота, торговые барьеры, санкционный режим, прямые иностранные инвестиции.*

Евразийская интеграция является важным и перспективным проектом обеспечения российских интересов. Однако его реалии в условиях экономических санкций ставят Россию перед сложным выбором между инициативной и пошаговой тактикой продвижения интеграционных планов. Логика первого варианта основана на желательности активного регулирования экономического развития в странах ближайшего регионального окружения и предотвращения раскола пространства СНГ. Привлекательность второго варианта обусловлена необходимостью экономии материальных ресурсов на фоне завышенных ожиданий стран-партнёров.

Особенностью евразийской интеграции является то, что решающими в наиболее важных сферах сотрудничества остаются не экономические, а политические соображения. Амбиции политических лидеров стран-партнёров, недоверие части национальных элит к проектам регулирования экономического развития под российским руководством существенно ограничивают темпы интеграционного движения. Неблагоприятные настроения такого рода носят устойчивый характер, поскольку заметная часть бизнеса и административного аппарата ориентируется на приоритеты за пределами ЕАЭС, либо стремится повысить своё влияние на принятие российских стратегических решений.

Эта реальность отчетливо проявилась в ходе первого в 2017 г. заседания Межправительственного совета ЕАЭС, состоявшегося 7 марта в Бишкеке. На фоне традиционного обсуждения интеграционных достижений главами правительств стран-участниц диссонансом прозвучала критика в адрес России и ЕАЭС, высказанная премьер-министром Белоруссии А. В. Кобяковым. Белорусский премьер заявил, что «проблемы в двусторонних отношениях [Белоруссии и России – *Прим. авт.*] фундаментально влияют на наше участие в многосторонних интеграционных процессах. Мы не разделяем эти два трека»¹. Кобяков обвинил Евразийскую экономическую комиссию в «бездействии», говоря о проблемах в нефтегазовой сфере². Он также указал на «эскалацию ограничений» в ЕАЭС, а именно – появление новых барьеров в торговле и национальные программы импортозамещения, «в которых товары, произведённые в других странах ЕАЭС, почему-то оказываются чужеродными». Ранее ещё резче по этому вопросу высказался президент Белоруссии А. Г. Лукашенко.

Проблемы снижения взаимного товарооборота

Весьма болезненной проблемой является преодоление тенденции снижения взаимного товарооборота, поскольку резервы роста взаимной торговли, связанные с устранением административных барьеров, исчерпаны, а номенклатура товаров остается практически неизменной. Развитию торговли внутри ЕАЭС мешает падение мировых цен на товарных рынках, что привело к снижению платежеспособности внутри союза. Появилась реальная угроза того, что каждая из стран – участниц ЕАЭС будет стремиться защитить свой внутренний рынок, ограничивая импорт из стран-партнёров, и в итоге проиграют все.

В структуре взаимной торговли государств – членов ЕАЭС наибольший удельный вес занимают минеральные продукты (28,7 % объёма взаимной торговли), из которых 86,3 % на рынок ЕАЭС поставляет Российская Федерация. Существенны поставки машин, оборудования и транспортных средств (17 % объёма взаимной торговли, из которых 53,8 % приходится на Российскую Федерацию и 43 % – на Республику Беларусь). Доля продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья составила 16,7 % объёма взаимной торговли, из которых 54,7 % приходится на Республику Беларусь и 34,8 % – на Российскую Федерацию. На долю продукции химической промышленности пришлось 12,6 % объёма взаимной торговли, из которых 62,3 % поставлено Российской Федерацией. В январе – сентябре 2016 г. зафиксирован рост экспортных поставок Республики Армения на рынок ЕАЭС по всем товарным группам, по отношению к январю – сентябрю 2015 г. их объём вырос в 1,6 раза. Увеличились продажи продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья на 38,2 % (65,5 % общего объёма экспорта Республики Армения во взаимной торговле), текстиля, текстильных изделий и обуви – в 2 раза (13,9 %). Экспорт товаров Республики Беларусь снизился на 2,7 %. Поставки продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья уменьшились на 8 % (33,4 % общего объёма экспорта Республики Беларусь во взаимной торговле), металлов и изделий из них – на 1,9 % (6,7 %), в то время как по машинам, оборудованию и транспортным средствам зафиксировано увеличение показателя на 8,6 % (26,7 %), по продукции химической промышленности – на 3,6 % (12,6 %), по текстилю, текстильным изделиям и обуви – на 19,8 % (8,3 %).

Объём экспорта Республики Казахстан на общий рынок снизился на 31,6 % за счёт сокращения поставок минеральных продуктов в 2 раза (33,4 % общего объёма экспорта Республики Казахстан во взаимной торговле), продукции химической промышленности – на 7,2 % (13,4 %), продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья – на 16,7 % (10,2 %) в то время как по металлам и изделиям из них зафиксирован рост на 5,9 % (24,9 %), по текстилю, текстильным изделиям и обуви – в 1,7 раза (4,8 %). По сравнению с январем – сентябрем 2015 г. объём экспорта Кыргызской Республики в государства – члены ЕАЭС сократился в 1,9 раза. Снизились объёмы поставок машин, оборудования и транспортных средств в 2,4 раза (7,4 % общего объёма экспорта Кыргызской Республики во взаимной торговле), минеральных продуктов – в 3,9 раза (5,4 %). По текстилю, текстильным изделиям и обуви зафиксирован рост показателя на 36,8 % (42,8 %), продовольственным товарам и сельскохозяйственному сырью – на 20,5 %

¹ URL: <http://www.government.by/ru/content/7089>

² Конфликт возник в начале 2016 г., когда белорусская сторона в одностороннем порядке пересмотрела цены на российский газ и стала платить 73 долл. США за 1 тыс. кубометров вместо 132 долл., как прописано в контракте. Причём аргументирует это Минск именно тем, что в рамках ЕАЭС Белоруссия должна получать газ по внутрироссийской цене. Белоруссия неоднократно обещала выплатить задолженность (на февраль 2017 г. она составила 600 млн долл.) – при условии пересмотра цены, но ни того, ни другого сделано не было.

(30,9 %). Экспорт Российской Федерации на рынок ЕАЭС уменьшился на 15,6 % за счёт сокращения поставок минеральных продуктов на 21,1 % (40 % общего объёма экспорта Российской Федерации во взаимной торговле), машин, оборудования и транспортных средств – на 19,3 % (14,8 %), металлов и изделий из них – на 16 % (11,7 %), продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья – на 3,7 % (9,4 %).

Во взаимной торговле государств – членов ЕАЭС преобладают товары промежуточного назначения (63,2 %), из которых 38,9 % приходится на прочие промежуточные товары и 24,3 % – на энергетические товары. Потребительские товары занимают 26,6 % взаимного товарооборота, 8 % приходится на товары инвестиционного назначения. По сравнению с январем – сентябрем 2015 г. объём взаимной торговли промежуточными товарами снизился на 16,1 %, инвестиционными товарами – на 6,7 %, потребительскими товарами – на 4,3 %³.

Очевидно, что побороть эту негативную тенденцию можно лишь путём значительной диверсификации товарообмена, максимального снижения удельного веса углеводов и другого сырья, подъёма обрабатывающей промышленности. Для этого было бы целесообразно пойти по пути реализации «евразийских мегапроектов». Должен быть создан широкий «коридор развития», способный дать большой мультипликативный эффект. Например, строительство по всей территории Евразийского союза высокоскоростных дорог, вложения в существующие инфраструктурные проекты нефте- и газопроводы. Это потребует задействовать многие производства. К позитивным результатам привело бы и совместное расширение жилищного строительства.

Торговые барьеры и таможенные ограничения

2016 г. прошёл для ЕАЭС под знаком ликвидации торговых барьеров и ограничений, что должно привести к созданию подлинно единого рынка. Однако, несмотря на отмену таможенных границ между участниками союза, устранить все изъятия и ограничения на предыдущих этапах развития ЕАЭС не удалось, поскольку они являлись одним из способов адаптации национальных экономик к новым рыночным условиям. В общей сложности было выявлено 269 различных барьеров и ограничений. В течение 2016 г. ликвидировано 5 барьеров и ещё 10 находятся в проработке. Параллельно продолжается работа и по созданию единых рынков⁴. В начале июля 2016 г. коллегия ЕЭК утвердила 18 планов либерализации отдельных секторов услуг, которая затронет строительство, инжиниринг, градостроительное проектирование, аренду и лизинг прогулочных судов, услуги в сфере недвижимого имущества, картографию, метеорологию, рекламу, туризм, производство и демонстрацию кино- и видеофильмов, научно-исследовательскую работу. Планируется завершить формирование общих рынков лекарств, медицинских и ювелирных изделий.

Есть надежда, что в 2017 г., наконец, заработает новый Таможенный кодекс ЕАЭС, введение которого несколько раз откладывалось из-за длительных согласований (президент А. Г. Лукашенко отсутствовал 26 декабря на заседании Евразийского межправительственного совета и, соответственно, не подписал этот документ).

Санкционный режим, введённый Евросоюзом, и ответные меры России создали в развитии внутреннего рынка ЕАЭС дополнительные проблемы.

Россия приступила к созданию правовой базы для ограничения реэкспорта из третьих стран, не соответствующего общим таможенным правилам внутри ЕАЭС, а также ограничения оборота внутри РФ продукции из Евросоюза, в отношении которой Россия ввела ответные санкции. 3 февраля 2017 г. в Государственную думу был внесён правительственный законопроект о запрете на оборот на территории РФ ряда товаров из других стран Евразийского экономического союза⁵. Новый законопроект запрещает оборот на территории России «санкционной» продукции, а также товаров, которые были ввезены в ЕАЭС через другие страны по более низким таможенным ставкам, чем установленные в рамках ЕАЭС.

Так, Казахстан уже после присоединения к ЕАЭС вступил в ВТО. В результате средняя таможенная ставка в 2017 г. на ввозимый в страну импорт составляет 6,5 %, тогда как в ЕАЭС в целом – 10,4 %. Фактически сниженные ставки в Казахстане действуют для более 1 900 товаров, вво-

³ Взаимная торговля товарами. Статистика Евразийского экономического союза. Январь – сентябрь 2016 г. Статистический бюллетень; Евразийская экономическая комиссия. – М.: Издательство ООО «Сам Полиграфист», 2016. С.15–17.

⁴ URL: <http://eurasia.expert/evraziyskiy-ekonomicheskiy-soyuz-itogi-2016/>

⁵ Законопроект № 114141-7 О внесении изменений в Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации» (о запрете оборота отдельных категорий товаров) [Электронный ресурс]. – URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=114141-7&02>

зимых из-за рубежа (продовольственные продукты, оборудование, средства транспорта и т. д.)⁶. Это приводит к тому, что через территорию Казахстана в ЕАЭС попадает китайская продукция по более низким пошлинам, мешая развитию отечественных производителей. Кроме того, законопроект касается реэкспорта на западном направлении. Так, через территорию Белоруссии в РФ продолжается реэкспорт продовольственных товаров из Украины и ЕС, подпадающих под ответные санкции России.

Введение Россией односторонних санкций рядом экспертов рассматривается как нарушение договора о ЕАЭС, а именно принципа единого таможенного пространства. Фактически санкции ЕС и ответ на них России действительно ограничивают свободу передвижения части товаров внутри ЕАЭС, но лишь в том случае, если эти товары пытаются ввести на территорию России.

Для решения проблемы реэкспорта (полностью она решена не будет, но может быть снижена до приемлемых масштабов) в ЕАЭС требуется повышение эффективности системы определения страны происхождения товаров и критериев глубины переработки, чтобы считать товар произведенным в ЕАЭС.

Недостаточная активность взаимной инвестиционной деятельности

Одним из тормозов евразийской интеграции является недостаточная активность взаимной инвестиционной деятельности. Набирает обороты отрицательная динамика взаимных прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Рост показателя в 2009–2012 гг. (с 36,9 млрд долл. до 57,2 млрд) с 2013 г. сменился понижательным трендом. По итогам 2015 г. падение объёма накопленных ПИИ составило 2,2 млрд долл., или 5 %⁷.

Основной причиной снижения ПИИ стала девальвация национальных валют. Сказались и такие негативные факторы, как неблагоприятная экономическая конъюнктура в целом, последствия украинского кризиса, а также переоценка компаниями ранее осуществлённых инвестиций (в том числе, в силу девальвации национальных валют).

Почти 80 % взаимных ПИИ приходятся на российских инвесторов. На втором месте – Казахстан (11,6 % экспортированных ПИИ).

Несмотря на непредсказуемость внутривнутриполитического развития первой среди крупнейших реципиентов взаимных ПИИ по-прежнему выступает Украина – 20,2 % объёма всех привлечённых ПИИ, на втором месте – Белоруссия (19,8 %), на третьем – Казахстан (16,8 %).

Ведущие секторы взаимных ПИИ в ЕАЭС – топливный комплекс и цветная металлургия. Лидерство топливного сектора обеспечено двумя крупнейшими проектами в странах ЕАЭС – это газотранспортное дочернее предприятие ПАО «Газпром» в Белоруссии и проекты по добыче углеводородного сырья ПАО «ЛУКОЙЛ» в Казахстане. Велика роль взаимных ПИИ в транспортном и агропродовольственном комплексах.

Российская пятерка инвесторов-лидеров – «Газпром», «ЛУКОЙЛ», «МТС», «ВымпелКом» и группа «ВТБ». В конце 2015 г. на них пришлось 18,3 млрд долл. накопленных ПИИ. Это 43 % всех накопленных взаимных прямых капиталовложений в СНГ и Грузии (или почти 54 % от всех российских ПИИ на постсоветском пространстве).

В сравнении с отрицательной динамикой взаимных прямых иностранных инвестиций стран ЕАЭС заметно контрастирует рост многомиллиардных инвестиций многими азиатскими странами в самые разные отрасли.

Особое место принадлежит Китаю⁸, который активно реализует продуманную долгосрочную стратегию по укреплению своих позиций в этом регионе. Для достижения этой цели Пекин использует комплексный подход, включающий льготные кредиты (в том числе, «связанные»), подрядные работы, ПИИ, торговый прессинг, а в соседних с Китаем странах – и трудовую миграцию.

Такой подход ведёт к обострению проблемы занятости местного населения и вытеснению с рынка местных фирм в странах – партнёрах Китая. Кроме того, резко растёт задолженность

⁶ «За открытие рынков стран-партнёров мы должны заплатить снижением пошлин». Министр торговли ЕЭК В. Никишина о планах по расширению свободной торговли [Электронный ресурс]. – URL: <http://kommersant.ru/doc/3214431>

⁷ Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ. 2016. – СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2016. С. 6–8.

⁸ ЕАЭС и страны Евразийского континента: мониторинг и анализ прямых инвестиций – 2016. – СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2016. С. 42–44 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.eabr.org/r/research/centre/projectsCII>

стран перед Китаем, как это происходит в Таджикистане, Украине, Белоруссии. Характерный пример: в конце 2015 г. восемь солнечных электростанций в Украине перешли в собственность компании — застройщика CNBM в счёт уплаты долга по товарному кредиту.

Наибольшая доля китайских ПИИ сосредоточена в Казахстане. Главной отраслью для китайских инвесторов остается ТЭК, где по разным оценкам сосредоточено от 50 до 90 % всех накопленных китайских инвестиций. Вторым по значимости направлением остаётся транспортная отрасль Казахстана.

Всего в 2015 г. в рамках совместной китайско-казахстанской инвестиционной программы было отобрано 52 проекта, в случае реализации которых общий объём инвестиций может составить около 22 млрд долл.

Активность китайских инвесторов на российском рынке сократилась по нескольким причинам. Во-первых, большинство крупных сделок были заключены в 2011–2014 гг., и сейчас они ждут своей окончательной реализации. Во-вторых, китайские компании, опасаясь попасть под действие санкций со стороны ЕС и США, заняли выжидательную позицию (Китай не присоединился к режиму санкций, но китайские компании, работающие на рынках США и ЕС, могут попасть под них). В-третьих, некоторые китайские инвесторы, предполагая ухудшение экономической ситуации в России, ждут более выгодных предложений.

Как представляется, в отношениях с ЕАЭС Китай выходит на принципиально новый инвестиционный уровень: от своей заинтересованности в сырьевых ресурсах к заинтересованности других стран в его технологиях, кредитах и инвестициях, что впоследствии может перерасти в зависимость⁹.

Повестка дня на ближайшую перспективу

События на Украине и вокруг неё стали подтверждением радикальных перемен на постсоветском пространстве. «Ближнее зарубежье» как политико-экономическое понятие кануло в Лету, а бывшие союзные республики окончательно превратились в конкурирующих между собой «партнёров».

Евразийский интеграционный тренд продолжает оставаться «проектом элит», поэтому его дальнейшая реализация зависит в первую очередь от политической воли лидеров и их желания искать соответствующие компромиссные решения по наиболее спорным вопросам. Личностные факторы играют в продвижении интеграции ключевую роль. На данном этапе стабильность властной вертикали в странах ЕАЭС обеспечена преобладанием пропрезидентских сил в парламентах, административном аппарате и силовых структурах. Однако это преобладание во многом зависит от персональных изменений в высших звеньях государственного управления. На внешне стабильном фоне нарастает турбулентность политической среды. Приход во власть представителей молодого поколения с новыми взглядами на роль своей страны в мировом сообществе может радикально изменить нынешние внешнеполитические векторы. В подобных условиях евразийской интеграции необходима более активная поддержка «снизу» — со стороны малого бизнеса, среднего класса, научно-технической интеллигенции и молодёжи.

Очевидно, что поставленные евразийской интеграцией цели должны быть чёткими, конкретными, а главное, достижимыми, а результаты — осязаемыми не только для правительств и деловых кругов, но и для населения заинтересованных стран. Наши совместные шаги целесообразно направить на создание общей политической базы, предполагающей господство права и правового государства. В этих целях важно было бы выдвинуть на передний план гуманитарную составляющую интеграции, поставить знак равенства между экономической интеграцией и реализацией полномасштабной программы защиты прав широких масс трудящихся. Интеграция должна восприниматься обществом как процесс, облегчающий и улучшающий уровень жизни каждого гражданина.

Потенциальным резервом поддержки евразийской интеграции «снизу» является взаимодействие между малыми производственными предприятиями, возможности которых пока используются в очень слабой степени. Без образования вокруг крупных транснациональных структур разветвлённой сети малых предприятий в сопряжённых отраслях и производствах, без налаженной системы стабильных и прочных связей между малыми предприятиями крупные транс-

⁹ См. *Ghiasi R., Zhou Jiayi*. The Silk Road Economic Belt: Considering security implications and EU-China cooperation projects. Stockholm: SIPRI, 2017 [Electronic resource]. — URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/The-Silk-Road-Economic-Belt.pdf>

национальные объединения останутся анклавами, лишёнными реальных каналов воздействия на интеграционные процессы.

Слабость производственного сектора малого предпринимательства стран ЕАЭС; переживаемые им трудности; отсутствие налаженной системы информации, финансовых и организационных инструментов для поиска потенциальных партнёров; фактическое самоустранение госструктур от помощи малому бизнесу – всё это препятствует развитию сотрудничества между этими субъектами хозяйствования.

Одновременно важно повысить роль государства в ресурсном обеспечении малого бизнеса. Разработать и осуществить систему мер, направленных на стимулирование инвестиционной деятельности в этом секторе предпринимательства; включить малый бизнес в национальные инвестиционные программы; предоставить льготные условия для проектов, связанных с расширением взаимодействия малых производственных предприятий, особенно в создании инновационных технологий и в агроиндустрии.

Хотя благоприятные перспективы и значительный экономический эффект интеграционного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза обусловлены объективными характеристиками многостороннего взаимодействия, форсировать интеграцию, абсолютизируя идеальные принципы экономического союза, не следует. На практике идеальные принципы если и внедряются полностью, то нередко со значительными жертвами. Долгосрочным будет лишь тот союз, который строится постепенно, по мере формирования институтов. Реализация комплексного интеграционного проекта на постсоветском пространстве, как и движение по траектории Евразийского Союза, решающим образом зависят от политической координации усилий России и её партнёров, укрепления политических институтов наднационального регулирования объединительных тенденций. Россия – локомотив интеграции, и нам необходимо постоянно помнить об этом.

Eurasian Economic Union – Realities of the Current Situation

Stanislav Chernyavskiy, PhD (History), Director, Center for Post-Soviet Studies,
Institute for International Studies, MGIMO University, 119454, 76 Vernadsky Ave.
E-mail: chernyavskiy.stanislav@gmail.com

***Summary.** Eurasian integration is Russia's most important foreign policy project. In the face of economic sanctions, it faces additional difficulties. A very painful problem is overcoming the tendency to reduce mutual trade, since the reserves for the growth of mutual trade associated with the removal of administrative barriers have been exhausted, and the range of goods remains virtually unchanged. The development of trade within the EEU is hampered by a drop in world prices on commodity markets, which has led to a decrease in solvency within the Union. To overcome this negative trend can only be through a significant diversification of commodity exchange. Despite the abolition of customs borders between the members of the union, it was not possible to eliminate all exemptions and restrictions at the previous stages of the development of the EEU.*

The sanctions regime introduced by the European Union and Russia's response measures created additional problems in the development of the internal market of the EEU. One of the obstacles to Eurasian integration is the lack of activity of mutual investment activities. The goals set by the Eurasian integration should be clear, concrete, and, most importantly, achievable, and the results - tangible not only for governments and business circles, but also for the population of the countries concerned.

Keywords: Eurasian integration, reduction of trade turnover, trade barriers, sanctions regime, foreign direct investment.

Литература / References

1. ЕАЭС и страны Евразийского континента: мониторинг и анализ прямых инвестиций – 2016. – СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2016. – 70 с. (URL: <http://www.eabr.org/r/research/centre/projectsCII>) [EAEU and the Countries of Eurasian Continent: Monitoring and Analysis of Direct Investments – 2016. Saint Petersburg: EDB Centre for Integration Studies, 2016. – 70 p.; EAES i strany Evrazijskogo kontinenta: monitoring i analiz pryamykh investitsij – 2016. – SPb.: TSII EABR, 2016. 70 s.]
2. *Борিশполец К. П.* Евразийская интеграция как тренд международной политической практики // Ежегодник ИМИ. 2014. Вып. 3–4 (9–10) – М.: МГИМО-Университет, 2014. С. 45–57 [*Borishpolets K. P.* Eurasian

- Integration as a Trend of International Political Practice // IIS Yearbook, 2014, issue 3–4 (9–10). – М.: MGIMO-University, 2014, s. 45–57; *Borishpolets K. P.* Evrazijskaja Integratsija kak Trend Mezhdunarodnoi Politicheskoi Praktiki // Ezhegodnik IMI, 2014, vyp. 3–4 (9–10). – М.: MGIMO-Universitet, 2014, s. 45–57.]
3. *Васильева Н. А., Лагутина М. Л.* Формирование Евразийского союза в контексте глобальной регионализации // Евразийская экономическая интеграция. 2012. № 3 (16); [*Vasilyeva N. A., Lagutina M. L.* The Formation of Eurasian Unit in the Comtexts of Global Regionalisation // Eurasian Economic Integration, no. 3 (16), 2012; *Vasil'jeva N. A., Lagutina M. L.* Formirovanije Evrazijskogo Sojuza v konyekste global'noj regionalizatsii // Evrazijskaja Ekonomicheskaja Integratsija, no. 3 (16), 2012].
 4. *Кротов М. И., Мунтян В. И.* Евразийский экономический союз: история, особенности, перспективы // Научно-практический журнал «Управленческое консультирование». 2015. № 11 (83). С. 33–47 [*Krotov M. I., Muntyan V. I.* Eurasian Economic Union: History, Features, Prospects // Administrative Consulting. Eurasian Theoretical and Practical Journal. 2015, no.11 (83) p. 33–47; *Krotov M. I., Muntyan V. I.* Nauchno-prakticheskij zhurnal “Upravlencheskoe konsul'tirovanije”, 2015, no.11 (83) p. 33–47].
 5. *Нарышкин С. Е.* Опыт и перспективы евразийской экономической интеграции // Проблемы современной экономики. 2014. № 4 (52). С. 7–8 [*Naryshkin S. E.* Experience and Prospects of the Eurasian Economic Integration // Problems of Modern Economics. 2014, no. 4 (52). p. 7–8; *Naryshkin S. E.* Opyt b perspektivy evrazijskoj ekonomicheskoy integratsii // Problemy sovremennoi ekonomiki. 2014, no. 4 (52). p. 7–8].
 6. *Чернявский С. И.* Евразийский Союз – от дезинтеграции к консолидации и взаимодействию // Ежегодник ИМИ. 2014. Вып. 3–4 (9–10) – М.: МГИМО-Университет. С. 75–90 [*Chernyavskiy S. I.* Eurasian Union – from disintegration to consolidation and interaction. // IIS Yearbook. 2014, issue 3–4 (9–10). – М.: MGIMO-University, 2014, s. 45–57; *Chernyavskiy S. I.* Evrazijskij Sojuz – ot dezintegratsii k konsolidatsii i vzaimodejstvuju // Ezhegodnik IMI, 2014, vyp. 3–4 (9–10). – М.: MGIMO-Universitet, 2014, s. 75–90].

В. Я. Воробьев

Россия и Китай – дружеское партнёрство

Воробьев Виталий Яковлевич (1944–2017),
ст. науч. сотр. Центра исследования Восточной Азии и ШОС
Института международных исследований МГИМО МИД России,
Чрезвычайный и Полномочный Посол.
119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: ktsmi@mgimo.ru

***Аннотация.** Кратко изложена история отношений между КНР и Советским Союзом (Россией), эволюционировавших от откровенной вражды и идеологизированной полемики в 1960-е гг. к нормализации в эпоху Горбачева, доверительному партнёрству и стратегическому взаимодействию на рубеже XXI в. при Б. Н. Ельцине и В. В. Путине.*

Подробно рассмотрена основная проблематика длившихся с 1964 г. по 2004 г. переговоров о делимитации восточного и западного участков границы между Россией и Китаем, завершившихся подписанием и ратификацией документов, обозначивших окончательное разрешение всех пограничных споров и установивших границу на всём её протяжении. Отмечена приоритетность налаживания приграничного сотрудничества России и Китая по максимально широкому кругу вопросов, учитывая тот факт, что вся территория России, включая её Дальний Восток и Крайний Север, является территорией, на которую распространяется новейшая китайская инициатива – «Один пояс, один путь». Разбирается содержание этой стратегической инициативы КНР, её внутриэкономические и внешнеэкономические смыслы. Освещена история военно-технического сотрудничества, укрепления мер доверия и военной разрядки по обе стороны границы, вкратце изложена история создания ШОС и основные концепции её деятельности. В статье поставлен ряд дискуссионных вопросов, касающихся возможных направлений развития российско-китайского сотрудничества в современных внешнеполитических реалиях.

***Ключевые слова:** Россия, КНР, ШОС, стратегическое партнёрство, договора о границе, меры доверия, Новый шёлковый путь, приграничное сотрудничество.*

Инициативы КНР относительно постепенного реформирования международного политического и экономического порядка означают расставание Китая с региональными рамками и выход на глобальный простор.

Такие две соседние ракетно-ядерные державы, как Россия и Китай, сами по себе, характер и масштаб их отношений, уровень и плотность взаимодействия – являют собой один из определяющих факторов современной международной жизни, оказывают ощутимое воздействие на глобальный расклад и соотношение политических сил в мире.

Российская Федерация, обретшая полный суверенитет в 1991 г. после самоупразднения СССР, и КНР, тогда ещё встававшая на траекторию экономического взлёта, наследовали лучшее из опыта нормализации советско-китайских отношений, происходившей в 1980-е гг. после более чем 20-летнего периода острого взаимного противостояния, и ставшей во многом продуктом сотворчества М. С. Горбачева и Дэн Сяопина.

Завершением процесса нормализации советско-китайских отношений принято считать визит советского лидера М. С. Горбачева в Китай и, прежде всего, его встречу с Дэн Сяопином в мае 1989 г. — первым «теневым» лицом в китайском руководстве.

Именно на этой символической встрече формально была принята формула «подведём черту под прошлым и будем торить дорогу в будущее». Впервые она была высказана Дэн Сяопином в феврале того же года в беседе с министром иностранных дел СССР Э. А. Шеварнадзе в Шанхае. М. С. Горбачев сказал Дэн Сяопину, что советское руководство рассмотрело предложенную им формулу и полностью согласно с ней. Эта формула и сегодня служит одним из краеугольных камней в основании нынешнего партнёрского формата российско-китайских отношений.

Первые попытки вывести советско-китайские отношения из тупикового и глубоко «промерзшего» состояния, в котором они находились более 20 лет, стали появляться в начале 1980-х гг. Где-то в 1983–1984 гг. был запущен в этих целях специальный двусторонний механизм политических консультаций между СССР и КНР. Две страны прибегли к тактике «малых шагов», приступая к налаживанию контактов и связей, которые довольно скоро превратились в крупные и весомые. Встречи министров иностранных дел на полях сессии Генассамблеи ООН в Нью-Йорке, стартовавшие в 1984 г., всё явственнее показывали обоюдную заинтересованность в преодолении негативных последствий последних десятилетий и в переходе к новым отношениям между двумя странами.

Советско-китайские отношения начали ухудшаться ещё в середине 1950-х гг. из-за выявившихся разногласий между двумя компартиями касательно оценки основных тенденций развития обстановки в мире (главным образом, по вопросам войны и мира) и методов социалистического строительства (в первую голову — о роли и степени учёта национальной специфики). Сфера разногласий расширялась, они разрастались, усугубляемые личной неприязнью между двумя первыми лицами — Мао Цзэдуном и Н. С. Хрущевым. К началу 1960-х гг. они приняли форму острой и бескомпромиссной межпартийной полемики (в те времена её именовали идеологической), в которую было втянуто всё международное коммунистическое и рабочее движение, что в конечном счете способствовало его резкому ослаблению и с течением времени уходу с исторической сцены.

Взаимные упреки, своей непримиримостью напоминавшие войны религиозных догматов, нарастание разобщённости в межгосударственных отношениях, отягчаемое как бы «неожиданным» выходом на поверхность темы границы, переросли к середине 1960-х гг. в прямое противостояние по всем линиям, при этом участились инциденты на границе. Инициированная в 1966 г. лично Мао Цзэдуном «культурная революция», своей массовостью и разрушительностью охватившая всю страну, показала, что ухудшение отношений с СССР, разрыв с КПСС были целенаправленным курсом «великого кормчего». Путём конфронтационного отдаления от Советского Союза и выхода из тени КПСС он решил не только по-своему преобразовать Китай, но и сделать его абсолютно самостоятельной и независимой международной величиной, ведущей собственную политическую игру. Наиболее показательным стало предание Китаем забвению союзного договора с СССР, заключённого по настоянию Мао в январе 1950 г. (денонсирован КНР в 1979 г.), и признание КНР со стороны США, повлекшее за собой резкое усиление роли и значения Китая в глазах Запада, подыгрывавшего амбициям Мао и его антисоветскому курсу. Такой внешний маневр-разворот, надо признать, удался Мао, что по сей день ставят ему как заслугу в Китае, хотя его внутрикитайские «культурно-революционные» замыслы подвергаются суровой критике.

Советское партийно-государственное руководство, стараясь в рамках «холодной войны» не допускать фатальных обострений с Западом, посчитало, что основная опасность от Китая, уже располагавшего первоэлементами ракетно-ядерного оружия и, казалось, непоправимо дезорганизованного «культурной революцией», состоит не только и не столько в идеологическом вызове, сколько в непосредственной угрозе безопасности СССР. Опираясь и на пропаганду, Москва стала создавать столь же бездонно-затратную систему предупредительного противодействия на востоке, как и на западном направлении. В Пекине подобного рода военную активность приняли за действительную подготовку к «усмирению» Китая силовыми методами и ещё более усилили антисоветскую пропаганду, начали спешно наводить порядок в армии, но воздержались от массивной переброски войск к границе с СССР.

Советско-китайская ссора и полный разлад выглядели неутешительно устойчивыми, не открывающими практически никаких оптимистических шансов для исправления ситуации. Тем не менее уход из жизни Мао Цзэдуна в сентябре 1976 г. и связанное с этим быстрое свертывание

«культурной революции» обозначили переход к новому этапу в жизни Китая — этапу успокоения, раздумий о будущем и выбора путей дальнейшего жизнеустройства. На передний план были выдвинуты созидательные задачи осуществления всесторонней модернизации страны с широким привлечением опыта, инвестиций и передовых технологий извне. За основу организации экономики была взята ленинско-бухаринская схема новой экономической политики, которая в основных чертах остаётся фундаментом и поныне. Её адаптировали к китайским реалиям в дэнсяопиновском ключе — «не важно, какого цвета кошка, лишь бы она ловила мышей». Новый внутренний курс подразумевал, во-первых, постановку во главу угла внешней политики принципа мирного сосуществования, большую сбалансированность связей с ведущими державами мира, выравнивание отношений с соседними странами, что потребовало деидеологизации внешней политики.

Так складывались предпосылки для нормализации советско-китайских отношений, чему способствовали в свою очередь устранение идеологических факторов в советской внешней политике, её рационализация в середине 1980-х гг., особенно с утверждением на первых ролях М. С. Горбачева.

Нормализация означала перевод отношений в чисто межгосударственную плоскость, что избавляло их от искусственных критериев и оценок, открывало значительное пространство для гибкости, позволяло легче «развязывать весьма тугие узлы» проблем. Нормализация двусторонних отношений также означала и целенаправленное изменение общей атмосферы в каждой из стран, формирование в них благоприятного общественного климата для расставания с наследием прошлого.

Проявив высокую прозорливость и большое государственное чутьё, руководители новой России и Китая осознанно и последовательно осуществляли курс на сближение двух стран во всех сферах, на углубление доверия и укрепление добрососедства. В процессе предпринимаемых совместных усилий, по мере динамизации связей и контактов, наполнения их всё большей содержательностью, между Россией и Китаем начали складываться отношения нового типа. Официально в 1996 г. они были квалифицированы как отношения всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, каковыми они остаются и поныне.

Эта формула в первоначальном виде была предложена президентом России Б. Н. Ельциным в 1996 г., направлявшимся в Пекин с официальным визитом. На борту самолёта при просмотре уже подготовленных документов он высказался за то, что было бы уместным зафиксировать ёмкую и чёткую характеристику складывавшихся отношений с прицелом на будущее. Он утвердил составленную тут же фразу — «доверительное партнёрство и стратегическое взаимодействие, обращенные в XXI век», которая была направлена в Москву для экстренной передачи в Пекин по дипломатическим каналам. До начала переговоров в очень короткий промежуток времени руководство КНР успело рассмотреть эту инициативу и поддержала её. С течением времени формула несколько видоизменилась, но содержательно только обогатилась.

Эта новаторская межгосударственная конструкция получила системное оформление и юридическое закрепление в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, подписанном президентом России В. В. Путиным и председателем КНР Цзян Цзэмином 16 июля 2001 г. Его историческая значимость состоит в том, что он фиксировал контуры нового типа российско-китайских отношений и при этом создавал заделы на будущее, стимулировал постоянное наращивание многопрофильного взаимовыгодного сотрудничества двух стран, открывал пути не только для учёта, но и для состыковки потребностей и интересов России и Китая, координации их внешнеполитической активности.

Практика последующих лет, опирающаяся на Договор, сделала взаимоотношения России и Китая ещё более стабильными и устойчивыми, добавила им новые серьёзные качественные параметры в вопросах доверия и поддержки друг друга с прицелом на реализацию фундаментальной установки — «навсегда друзья, никогда — враги»¹.

Партнёрская конструкция отношений согласно обоюдным представлениям не является слепком и не предусматривает эволюционирование в сторону военно-политического союза в его традиционно-классическом понимании. Безусловно, характер и качество отношений между странами могут меняться в зависимости от изгибов ситуации в каждой из них или от колебаний внешнеполитической конъюнктуры, прежде всего, от совпадений или различий

¹ Фраза принадлежит бывшему в то время председателю КНР Цзян Цзэмину, она лапидарно и выразительно передает стратегический ориентир взаимных отношений.

в интерпретации партнёрами одних и тех же обстоятельств, оценок благоприятности или опасности их воздействия.

В отличие от классического политического союза, создаваемого государствами подчас искусственно, со строго очерченными целями противодействия и подчинённого таким целям, партнёрство в случае России и Китая формировалось естественно, постепенно создавая основу для сотрудничества, имеющего мирнонаправленную природу, а потому по своей логике оно не повернуто против какой-либо страны или группировки. Вместе с тем партнёрская модель содержит в себе значительный потенциал гибкости, допускает возможность достижения очень высокой степени согласованности партнёров, вплоть до элементов оперативной совместимости, никак не умаляя полного равноправия участников, ни в чём не ущемляя их независимость и самостоятельность во внутренних и внешних делах.

Российско-китайское партнёрство имеет две мощные фундаментальные политические опоры. Причём обе они несут в себе сугубо мирную субстантивную нагрузку. Без них оно просто не могло бы состояться, тем более обрести современный облик, позволяющий обеим сторонам называть достигнутое состояние российско-китайских отношений «наилучшим периодом их существования».

Урегулирование пограничных вопросов

Прежде всего, речь идёт о полном урегулировании пограничных вопросов, доставшихся в наследство от истории. Это далось обеим странам далеко не просто, будь то политически или эмоционально-психологически. Формирование границы, начавшееся еще в XVII веке, было длительным и сложным процессом, наполненным событиями и явлениями, до сих пор неодинаково, зачастую полярно воспринимаемыми и трактуемыми в России и Китае.

Итогом сорокалетних (1964–2004 гг.) переговоров между Россией (Советским Союзом до 1991 г.) и КНР стали три бессрочных межгосударственных документа: Соглашение 1991 г. о границе на её Восточной части, Соглашение 1994 г. о границе на её Западной части и Дополнительное соглашение 2004 г. о границе в районе островов близ Хабаровска. После процедуры ратификации в каждой стране они обрели силу высшего законодательного акта.

Переговоры проходили в три приёма. Первая фаза заняла несколько месяцев в 1964 г. на фоне ухудшения отношений между странами и участившихся стычек на границе, начавшихся в 1960 г. Формально она не была завершена, но после пекинской сессии продолжения в Москве не последовало. По существу переговоры в Пекине носили консультационно-зондажный характер с целью выявления намерений и позиций сторон, поскольку до того тема границы между СССР и КНР не обсуждалась. В этом смысле пекинскую сессию, несмотря на её полемическую заострённость, можно считать достаточно результативной – многие достигнутые тогда рабочие договорённости и методологические приёмы были потом в полной мере использованы сторонами.

Фундаментальный характер имело определение цели переговоров – уточнение прохождения линии государственной границы на всём её протяжении на основе подписанных в прошлом, в основном в XIX в., договоров, хотя стороны квалифицировали их по-разному. Иными словами, существовавшая граница не подлежала коренной переделке, что означало официальное подтверждение признания территориальной целостности обеих стран в тех параметрах, которыми они обладали ко времени начала переговоров. Предметом переговоров была не принадлежность тех или иных территорий, а конкретное рассмотрение положения линии границы на местности, чего не делалось почти 100 лет, прежде всего на участках, где обнаружились явные разночтения (таковых оказалось свыше 30). Было определено, что итогом переговоров должны стать новые договорные документы о границе.

Стороны условились, что на судоходных пограничных реках Амур и Уссури граница будет в дальнейшем проходить по середине их главных фарватеров, что отвечало современной международной практике и принятому несколькими годами ранее в СССР «Закону о государственной границе». На рабочей карте, составленной в 1964 г. переговорщиками, она была в предварительном порядке нанесена красным цветом, правда, следовала линии судового хода, которая не всегда совпадает с серединой главного фарватера.

Эта принципиальная предварительная договорённость убирала двусмысленность толкования и неудобства исполнения Пекинского договора 1860 г., пересмотревшего в пользу Российской империи пограничные статьи Нерчинского договора 1689 г., впервые установившего

границу между Русским государством и Китайской (Цинской) империей. Текст Пекинского договора предписывал вести отчёт земель двух государств от коренных берегов Амура и Уссури, то есть принимал за границу всё полотно реки от берега до берега, не определяя принадлежность многочисленных островов (таким было распространённое тогда правило разграничения по рекам). На приложенной к договору карте, подготовленной российской стороной, граница была показана только одной красной чертой, прижатой к китайскому берегу. Это означало показ пределов соседнего государства – приём, применяемый и в современной картографии. Однако подобное начертание внешне могло создавать впечатление, будто границей является не сама река, а её китайский берег, особенно если закрыть глаза на принципиальное юридическое положение, гласящее, что текст и буква договора имеют однозначно преобладающее значение над любыми приложениями. Карты же всегда служат приложениями, причём их наличие обязательно при подписании договорного акта о границе.

Однако, когда Советский Союз перед лицом опасности японского продвижения к границе с китайского Северо-Востока в начале 1930-х гг. вынужден был взять под контроль и охрану большинства из речных островов, он апеллировал к карте. Со временем эта ссылка «прижилась» и легла в основу советской позиции относительно принадлежности островов, а также отношения к красной черте как к «исторической границе». С таким подходом никогда не соглашались китайские власти, хотя после образования КНР в 1949 г. до начала 1960-х гг. своего мнения они публично не высказывали.

Принятие середины главного фарватера за линию границы – крайне важное решение само по себе, означало не пересмотр, а уточнение прохождения уже существовавшей границы, так как все её базовые ориентиры оставались прежними. Эта договорённость оказалась «подвешенной», подобно другим на переговорах 1964 г., что, как считают, стало одной из причин кровопролитных боестолкновений на границе в 1969 г.

Методологически стороны согласились условно, в целях удобства рассмотрения, разделить границу на две части: Восточную – от Монголии до КНДР и Западную – от Монголии до Афганистана. Более детально успели рассмотреть Восточную часть и совместно подготовить проект описания, а также упомянутую выше рабочую карту, за исключением района островов при впадении Уссури в Амур близ Хабаровска. Недоговорённость по данному району стала предлогом для отказа советского лидера Н. С. Хрущева санкционировать результаты пекинской сессии, что оказалось на руку Мао Цзэду, вынашивавшему уже тогда планы радикального антисоветского разворота под маркой «культурной революции».

Другим приёмом был взаимный обмен топографическими картами согласованного масштаба на Восточную и Западную части границы с нанесённым каждой стороной пониманием прохождения её линии, что позволило составить наглядное представление о реальных контурах разночтений на отдельных участках границы. Подобного рода методологические приёмы применялись и впоследствии.

Вторая фаза переговоров началась в октябре 1969 г. и длилась до 1978 г., причём все заседания собирались в Пекине. Основная часть этой фазы проходила на фоне «культурной революции» с её подчёркнуто антисоветской направленностью. Переговоры возобновились согласно договорённости двух премьеров – А. Н. Косыгина и Чжоу Эньлая – при их встрече в пекинском аэропорту в сентябре 1969 г., когда двусторонние отношения достигли беспрецедентно острой конфронтационности, вызванной во многом спровоцированными китайской стороной боестолкновениями на восточной и среднеазиатской границах весной и летом того года. В силу сложившихся тогда обстоятельств и условий вторая фаза переговоров не могла и не дала каких-либо ощутимых позитивных результатов. Тем не менее переговоры оказались в роли практически единственного на тот момент канала политического диалога между двумя государствами и позволили несколько успокоить ситуацию на границе, выявить вопросы, которые стали темами предметного обсуждения впоследствии, например о военной разрядке на границе.

Третья, заключительная фаза переговоров продолжалась с 1987 по 2004 гг. Она отличалась стремлением сторон к конструктивному рассмотрению вопросов, благожелательному учёту интересов каждой из них, нацеленностью на поиск взаимоприемлемых развязок. Став одним из весомых и зримых показателей нормализации двусторонних отношений, переговоры как бы давали позитивную подпитку процессу нормализации и в то же время получали положительные импульсы от этого процесса.

Сценарно и субстантивно они во многом перекликались с первой фазой переговоров, в значительной мере взяв её позитивное наследие. Общая атмосфера отношений стимулировала вы-

ведение из повестки дня тем, прямо не связанных с деловым и реалистическим рассмотрением вопросов уточнения линии границы, таких как квалификация старых договоров, касающихся установления границы.

К 1991 г. сторонам удалось прийти к единому мнению почти по всей Восточной части границы (исключением опять оказался «хабаровский узел») и условиться подписать соглашение с «окном» или «дыркой», что и было сделано.

Поиск выхода на соглашение по Западной части оказался затруднительным и был продолжен, ибо там обнаружилась большая группа сложностей, главной из которых был вопрос о Памире, где граница ранее не была установлена в договорном порядке, а представляла собой временно определённую линию соприкосновения двух государств.

После самоупразднения СССР в конце 1991 г. среднеазиатские союзные советские республики одновременно стали независимыми государствами, и Западная часть единой советско-китайской границы распалась на четыре сектора: от Монголии до Казахстана (получил название Западной части российско-китайской границы), казахстанский, киргизский и таджикостанский. В целях продолжения переговоров, в чем проявили заинтересованность все три новообразовавшиеся государства, был найден оригинальный выход: сформирована совместная делегация, в которой на равноправной основе участвовали представители всех четырёх из них. Хотя эта делегация выступала на переговорах в качестве одной стороны, каждый участник самостоятельно вел диалог с Китаем, при этом три среднеазиатских государства пользовались документальной базой и консультационной помощью российской стороны как более опытной и компетентной. Подобного рода уникальная конфигурация позволила России в 1994 г. заключить соглашение с Китаем о Западной части границы, а всем другим полностью закрыть все пограничные вопросы с ним на протяжении 1990-х гг., найдя взаимоприемлемые решения по всем самым сложным вопросам.

Проблема прохождения границы в районе островов при слиянии Уссури и Амура была наиболее болезненной на всех фазах переговоров. Их государственная принадлежность, равно как и всех других речных островов на пограничных реках, не была установлена, исходя из текста Пекинского договора. Красная черта на приложенной к нему карте ясно показывала, что они не китайские. В России их долгое время называли «ничейными». В конце 1920-х гг. они были взяты под советскую охрану и им дали русские названия, а красную черту стали толковать как договорную линию границы. В Китае их издавна включали в контур имперской территории, они имели свои китайские названия. По Нерчинскому договору 1689 г. Амур и Уссури считались не пограничными, а внутренними китайскими реками со всеми расположенными на них островами. Кроме того, стороны по-разному «читали» местный ландшафт, не сходясь во взглядах на месторасположение устья Уссури, упоминавшегося в Пекинском договоре в качестве одного из ориентиров прохождения границы.

В новой обстановке развивающихся и укрепляющихся отношений стратегического партнёрства Россия и Китай смогли найти нестандартное решение, которое не противоречит договорным установлениям, принципу середины главного фарватера и максимально принимает в расчёт интересы обеих стран. Таким образом, в 2004 г. был успешно завершён 40-летний переговорный марафон. К 2008 г. российско-китайская граница была демаркирована (совместно обозначена на местности) по всей её длине.

Историческая память — феномен устойчивый в объективно сложившихся или преднамеренно навязанных стереотипных воззрениях и весьма консервативный, то есть настороженно, если не враждебно, встречающий иные, поначалу непривычные суждения, новые подходы и ракурсы. Историческая память медленно и трудно поддаётся трансформации. Полная чёткость и взаимно признаваемая определённость относительно прохождения границы, ставшие результатом сорокалетних упорных скрупулезных переговоров (1964—2004 гг.), возникла, пожалуй, впервые за последние 170 лет. В сочетании с зафиксированным в Договоре 2001 г. Совместном заявлении об отсутствии у сторон территориальных претензий друг к другу достигнутые договорённости о границе выступают не только конструктивным вкладом в современные российско-китайские отношения. Это, по существу, новый весомый фактор во всей истории двусторонних отношений в целом, новое позитивное явление в исторической памяти России и Китая, масштабность и значимость которого осознаётся с течением времени.

Три ратификационных соглашения (соответственно, 1991, 1994 и 2004 гг.), уточняющие прохождение линии границы между Россией и Китаем на всем её протяжении примерно на 4 300 км, создают юридически крепкую и достаточную основу для того, чтобы обе стороны

могли на деле превращать российско-китайскую границу из линии, разделяющей две страны, в полосу, соединяющую их, а люди, проживающие по обе стороны границы, могли строить свою жизнь, будучи уверенными в своём мирном завтрашнем дне, налаживать и расширять между собой дружественное общение. Состояние дел на границе всегда уподобляется барометру, чутко реагирующему на любые изменения в общей ситуации двусторонних отношений. Современную картину развивающегося на практике добрососедства можно назвать не просто показателем, а лицом российско-китайского партнёрства.

Проводимая в последние несколько лет первая совместная проверка прохождения границ подтверждает стабильность её положения на местности, как это было определено в ходе демаркационных работ 1994–1998 гг., и спокойную атмосферу на границе, высокий уровень взаимопонимания и эффективность рабочего взаимодействия пограничников, осуществляемого буквально в ежедневном режиме.

Российско-китайское пограничное урегулирование привело к радикальной разрядке в атмосфере двусторонних отношений, содействовало становлению мирного облика самой границы, развитию дружественного взаимодействия и добрососедства между сопредельными регионами, развитию отношений партнёрства между двумя странами в целом. Оно создало прецедент в международном плане и показало пример осуществимости взаимоприемлемого решения на абсолютно равноправной основе самых сложных, чувствительных и болезненных проблем, каковыми обычно являются вопросы границы, при наличии реальной политической воли и обоюдных шагов, нацеленных на формирование обстановки, позволяющей это сделать. Служа одной из основных опор российско-китайского стратегического партнёрства, оно имеет геополитический эффект, добавляя России и Китаю прочности в их международных позициях и уверенности в конкретных действиях на мировой арене.

Приграничное сотрудничество

Уже первые договорённости начала 1990-х гг., приведшие в итоге к снятию с политической повестки дня российско-китайских отношений такого «раздражителя», как споры о прохождении границы, сразу же открыли шлюзы и дали мощный толчок для налаживания и быстрого преумножения связей и контактов между сопредельными российскими и китайскими регионами для преобразования длительное время господствовавших там настроений опаски и острой предубеждённости в доброжелательный интерес, стимулирующий укоренение взгляда друг на друга как на дружественного партнёра [7].

Приграничное сотрудничество уже приобретает для обеих стран стратегически значимый характер. И в России, и в Китае растёт понимание, что без подобного рода широкомасштабного, отлаженного взаимодействия вряд ли можно рассчитывать на успешное выполнение программных долгосрочных задач по модернизационному подъёму и развитию российских восточносибирских и дальневосточных регионов и китайского Северо-Востока.

Конечно, было бы странно уповать только на китайское участие в российских проектах, поэтому, безусловно, необходимо стремиться к страновой диверсификации. Но все же, китайское направление было бы оправданным сохранять в качестве приоритетного. Представляется взаимовыгодным сопряжение упомянутых выше российских и китайских планов, имеющих также политический контекст, для создания весомых активов партнёрских отношений. При осуществлении таких российских экономических проектов, как формирование на Дальнем Востоке «зон опережающего развития», стоит обратить внимание на уроки китайского богатого и постоянно совершенствуемого опыта создания и функционирования разного рода «экономических зон».

Случившееся в 2013 г. беспрецедентное по масштабам наводнение на пограничном Амуре и вызванные в этой связи сложности по охране границы, хотя никаких инцидентов в этот период не происходило, ещё раз убедительно показали, что реки, по которым пролегают границы, являются общим достоянием двух стран и требуют к себе обоюдного согласованного внимания, а также большой слаженности в деле регулирования и их использования.

Дополнительные возможности для развития приграничных регионов двух стран содержит в себе перспектива деятельного включения России в реализацию китайской идеи создания новых современных пространств международного сотрудничества под лозунгом возрождения сухопутного и морского «шёлковых путей». С ними и сейчас продолжают экспериментировать в Китае, изобретают или заимствуют все новые льготные послабления ради привлечения ин-

вестиций и особенно технических инноваций извне с целью ускорения технологической и индустриальной революции страны. Согласно пекинским разъяснениям, вся территория России рассматривается в качестве полноценного участника этой идеи, включая её Дальний Восток и Крайний Север.

Среди прочего, китайская идея ориентирована на улучшение инфраструктурной соединённости разных частей евроазиатского континента, модернизацию имеющихся и прокладку новых скоростных авто- и железнодорожных магистралей на базе суперсовременных технологий и оборудования, интенсификацию использования трассы Северного морского пути для перевозки грузов по маршруту Восточная Азия – Западная Европа и обратно.

Один пояс, один путь

КНР всё явственнее и активнее позиционирует себя как держава с глобальными интересами и целями, на что указывает глобалистско-мессианское философское оформление идеи нового Шёлкового пути, географический ареал её осуществления, охватывающий практически весь Земной шар. Усиление военного строительства Китая обосновывается актуализацией «защиты заморских интересов», которые только возрастают, необходимостью не ограничиваться обороной собственно территории страны. В этой связи примечательно создание первой военной зарубежной базы в Джибути (Северная Африка), чего ранее никогда не делалось в китайской практике, мотивируемое поддержкой участия военных кораблей КНР в международной миссии в Индийском океане для борьбы с сомалийским пиратством.

Глобалистские подходы пронизывают инициативы КНР относительно постепенного формирования международного порядка (Пекин отвергает идею его слома), демократизации процесса и институтов мирового управления, в чем КНР теперь претендует на ведущие роли. Отношения с США всё больше приобретают глобальную проекцию. КНР не скрывает амбиций занять ведущее место в диалоге с США в мировом масштабе, но не пытается убрать США с позиций «сверхдержавы номер один» и заменить собою.

Выдвинутые осенью 2013 г. председателем КНР Си Цзиньпином идеи построения двух «поясов экономического сотрудничества» вдоль древних маршрутов Великого Шёлкового пути (пролегал между Китаем и Западной Европой) и восстановления экспедиций средневековых китайских мореплавателей (через Юго-Восточную Азию до североафриканского побережья Индийского океана), стали одним из лейтмотивов современной китайской внешней политики, символизируя её расставание с региональными рамками и выход на глобальный простор [1].

В философском смысле заявленные идеи призваны показать миролюбивый характер дипломатии «всё более возвышающегося» Китая, его стремление к утверждению повсюду принципов равноправия, открытости, взаимоуважения, общей выгоды.

В практическом плане эти идеи несут в себе двойное значение. Во-первых, внутреннее – социально-экономическое подтягивание северо-западных и юго-западных регионов страны (откуда, как считается, начинались оба пути), заметно отстающих в развитии от модернизационно продвинутой восточной части Китая, и снятие остроты накопившихся экономических проблем в целом. Во-вторых, внешний – дополнительный политический импульс для расширения торгово-экономического взаимодействия Китая с соответствующими странами на фоне вялотекущих процессов в мировой экономике и сокращения объёмов внешнеторгового оборота Китая. Одним из главных посылов называется инфраструктурно-коммуникационное строительство, в котором китайцы заметно преуспели [подр. см. 6].

Китайские руководители в целом продолжают генеральный курс последних тридцати с лишним лет на внутренние реформы экономики с акцентом на расширение рыночных механизмов и внешнюю открытость, учитывая глубокую вовлечённость Китая, занимающего вторую позицию в мире по валовому объёму производства, в глобальные экономические процессы и разделение труда. Такие новшества нацелены в основном на нейтрализацию накопившихся опасных негативных моментов в экономике, возникших в значительной мере из-за увлечения в предыдущие годы сверхвысокими темпами развития, способными повлиять на социальную стабильность в стране.

В центре внимания – обеспечение оптимальных средних темпов (не ниже 6 % в год), оптимизация производственных мощностей в базовых отраслях промышленности, где накопились излишки, повышение производительности труда, которая остаётся в целом весьма низкой. Цель – удержание высокой международной конкурентоспособности китайских изделий и товаров, чего уже по многим позициям не наблюдается.

Китай далек от официального провозглашения политики импортозамещения, хотя на практике такое происходит как бы автоматически. Ему совершенно невыгодны торговые ограничения и санкции (он выступает решительно против). Заинтересованный в притоке иностранных инвестиций в самые передовые отрасли, он предлагает всё новые льготы, продолжает линию на формирование обширных специальных экономических зон внутри страны, поощрительно относится к созданию зон свободной торговли с другими странами.

В этой связи уместно подчеркнуть, что Россия и Китай, их сопредельные регионы, всё ещё весьма слабо соединены наземными транспортными коммуникациями. Достаточно сказать, что на пограничных участках таких крупных рек, как Амур и Уссури, до сих пор нет ни одного серьёзного капитального авто- и железнодорожного мостового перехода. Такая ситуация выделяется на фоне укрепления отношений стратегического партнёрства, стремления обеих стран идти всё дальше по пути наращивания потенциала взаимного общения.

Меры доверия

Другой основной политической опорой российско-китайского партнёрства справедливо можно считать осуществление военной разрядки в районах общей границы. Исторически переговоры по данному кругу вопросов вышли из обсуждений пограничной тематики, но были выделены в отдельное направление в самом конце 1980-х гг. как имеющие своё специфическое содержание, одновременно оставаясь связанными с прогрессом в урегулировании вопросов о прохождении границы.

Существует несколько проектов возведения мостов через Амур. Один из них почти завершён, но пока не доведён до конца российской стороной (Нижнеленинское – Тунцзян, чуть ниже впадения Сунгари в Амур). Подобная ситуация выглядит противоречащей общей тенденции на уплотнение приграничных связей, начинает сказываться на их расширении и вообще на грузоперевозках между двумя странами, особенно в свете идеи президента России В. В. Путина, поддерживаемой в Китае, о поднятии роли Транссибирской железнодорожной магистрали в российско-китайском взаимодействии в рамках реализации концепции нового Шёлкового пути.

Начало переговоров по военной разрядке стало одним из зримых показателей полномасштабности нормализации двусторонних отношений. Они во многом послужили налаживанию стратегического партнёрства. Впервые вопрос о военной разрядке на границе прозвучал в ходе второй фазы переговоров по урегулированию пограничных вопросов (1969–1978 гг.). Тогда это носило форму обвинительных инвектив китайской стороны в адрес Советского Союза, который, по мнению руководства КНР, на тот момент сосредоточил «миллионное войско» вдоль границы, расположил танковые части в Монголии, чем создал «непосредственную опасность для Пекина», нацелил свое ракетно-ядерное оружие на Китай (готовил «ядерную кастрацию» Китая).

Действительно, Москва в годы «культурной революции» (1966–1976 гг.) была вынуждена пойти на значительное укрепление безопасности страны на восточном и среднеазиатском направлениях в сугубо оборонительных целях перед лицом провозглашения Китаем СССР своим «врагом номер один», его резкого крена в сторону Запада на антисоветской платформе, обостренной конфликтной ситуации на границе, нагнетания враждебности к СССР среди населения, сопровождавшегося призывами «готовиться к войне», и полуанархического состояния китайского общества.

Попытки советских переговорщиков начать диалог относительно военной разрядки не увенчались успехом. Иного и быть не могло в той атмосфере политического разрыва с СССР, которая тогда господствовала в Китае (по этой причине и пограничное урегулирование не могло состояться).

В начале 1980-х гг. новые подходы Москвы по вопросам военной разрядки стали восприниматься Пекином несколько по-иному, хотя конкретный разговор стартовал только в 1989 г. К тому времени нормализация двусторонних отношений стала зримой реальностью, а переговоры о границе набрали конструктивную динамику. В рамках пограничных переговоров имел место первый прецедент мирного сотрудничества между оборонными ведомствами двух стран, который оказался весьма успешным и показал возможность установления продуктивных рабочих контактов в военной сфере. Речь идёт о реализации инициативы китайской делегации на пограничных переговорах о совместном проведении аэрофотосъёмки приграничной мест-

ности, что в те годы осуществлялось в обеих странах только военными ведомствами (эта акция предусматривала залёты специальных самолётов на территорию соседнего государства).

На переговорах по военной разрядке довольно быстро удалось согласовать руководящие принципы будущего соглашения и перейти к детализированной части диалога. Самоупразднение Советского Союза в 1991 г. создало совершенно новую ситуацию. Модель дальнейшего продолжения переговоров была взята такой же, как и на пограничных – совместная делегация России, Казахстана, Киргизии и Таджикистана, с одной стороны, и с другой – Китай. Многие важные подробности мониторинга в развитии обстановки в зоне ответственности будущего соглашения и контроля за его выполнением стали для среднеазиатских государств и для Китая совершенно новым этапом. В конечном счете эту сложность преодолели, как и многие другие большие трудности, естественно присущие переговорам по столь чувствительной проблематике, как военная открытость. По договорённости сторон было решено подписать не один, а два подлежащих ратификации договорных документа: Соглашение 1996 г. о мерах доверия в военной области в районе границы (Шанхай) и Соглашение 1997 г. о взаимном сокращении вооружённых сил в районе границы (Москва).

Формально меры по военной разрядке подразумевают две группы вопросов, а именно: меры по укреплению доверия и меры по сокращению вооружений и вооружённых сил в стокилометровых по ширине зонах, тянущихся по обе стороны границ. Фактически же обе группы можно отнести содержательно к вопросам доверия. Отличие просматривается в том, что вторая группа непосредственно касается технически более конкретной детализации цифровых привязок и целевых объектов.

Термин «сокращение» в названии Соглашения 1997 г. имеет как бы инерционный характер, идущий из более раннего советского периода отношений с Китаем. «Разрежение» военного присутствия с обеих сторон происходило на этапе ведения переговоров само по себе. Однако в конечном названии документа оно сохранилось, хотя в тексте речь о сокращениях не идёт и само это слово не используется. Заключённые в 1996 и 1997 гг. два соглашения о военной разрядке дали импульс зарождению пятистороннего сотрудничества («Шанхайская пятёрка»), которое показало востребованность в создании подходящего для таких целей постоянно действующего механизма. В 2000 г. в Душанбе началось оформление соответствующих идей, а в 2001 г. в Шанхае было принято решение о создании Шанхайской организации сотрудничества.

Согласованные верхние количественные пределы численности военных контингентов в зонах ответственности Соглашения 1997 г. остаются неизменными по сей день. Они таковы, что на практике с самого начала не вызвали необходимости уменьшения имевшихся наличных составов, наоборот, они позволяли их увеличивать в оговорённых случаях. То же касалось военной техники, которая может заменяться на новые, более современные, образцы с информированием участников Соглашения. Подобного рода порядок распространяется на перемещения войсковых частей и проведение манёвров. Таким образом, ни отвода войск от границы, ни её «оголения» не требовалось и не проводилось.

Речь шла и идёт о согласовании и поддержании элементов упорядочения и предсказуемости военной деятельности с обеих сторон, обеспечении её большей прозрачности для каждой из них, в том числе путём введения в обиход регулярных встреч представителей на разных уровнях, постоянных каналов связи между соответствующими военными структурами. Всё это призвано не только гарантировать от случайностей, на деле происходит укрепление добрососедских начал и взаимного доверия на местах и в столицах.

Опыт свидетельствует, что уже сам по себе процесс согласования становится своего рода инкубатором и демонстрацией доверия, если, конечно, стороны политически действительно на это настроены.

Военная составляющая всегда является показательным моментом двусторонних отношений, придаёт им ту или иную окраску. В 1980-е гг. процесс нормализации, особенно переговоры по решению пограничных вопросов и по военной разрядке, постепенно, но относительно быстро развернули эту сферу практически на 180 градусов – от привычки военных смотреть друг на друга через прицельные устройства к налаживанию широкого взаимопонимания, получившего уже в начале 1990-х гг. материальное выражение в первых конкретных акциях серьёзного долгосрочного сотрудничества по военно-технической линии. В силу сложности рельефа местности с российской (северной) стороны границы войсковые части объективно могут дислоцироваться на относительно узком пространстве, нередко только вблизи границы. С китайской стороны иная картина местности, позволяющая войскам дислоцироваться более рассредоточено.

Подобное положение сохраняется, что подтверждает ежегодный обмен информационными данными о численности, дислокации и вооружениях военных сил в зоне ответственности упомянутых Соглашений и проведение регулярных взаимных инспекций военных объектов военных сторон, осуществляемых на плановой основе. Общее наблюдение за выполнением двух Соглашений ведёт Совместная группа дипломатических и военных экспертов, которая состоит из представителей пяти стран – подписантов Соглашений. За годы, прошедшие после их заключения, никаких нарушений установленных режимов не отмечалось.

Выработка системы мер доверия на российско-китайской границе, практика их реализации, подобно пограничному урегулированию, имеет не только принципиальное значение для России и Китая. Такая система мер доверия стала образцом перенацеливания военных машин и образов мышления с конфронтационных клише на партнёрский лад. Вместе с тем она подчёркивает важность самой идеи применения мер доверия. Сегодня этот вопрос представляется актуальным для многих мест в мире, в том числе в АТР. При этом очевидно, что меры доверия могут и будут иметь различные модальности и комплексность конкретных обстоятельств.

В настоящее время взаимодействие в оборонной области, включая ВТС, стало мощной составной частью всей конструкции российско-китайского стратегического партнёрства, что в значительной мере определяет её субстантивную часть и позволяет судить о степени политической близости Москвы и Пекина.

Уже на рубеже 1990-х гг. обозначились первые контакты, приведшие к быстрому налаживанию военно-технического сотрудничества между двумя странами на коммерческой основе. Китайская сторона вела себя в этом деле весьма инициативно, даже напористо, что во многом способствовало заключению первого крупного контракта о закупке истребителей Су-27, включавшего подготовку в России китайских пилотов. Большую активность проявлял один из влиятельнейших ветеранов китайской армии генерал-полковник Лю Хуацин (высшее воинское звание в КНР), в начале 1950-х гг. обучавшийся в Военно-морской академии в Ленинграде. С его именем связывают формирование современных авиации и флота, ракетно-космического потенциала Китая. О масштабности его личности свидетельствует заседание в связи со столетием со дня рождения, прошедшее в конце сентября 2016 г. в Пекине, на котором с большой речью выступил председатель КНР Си Цзиньпин.

Шанхайская организация сотрудничества

Разработки и первые шаги по осуществлению соглашений относительно военной разрядки 1996–1997 гг. с равноправным участием Казахстана, Киргизии и Таджикистана наряду с Россией и Китаем породили у пяти государств осознание потребности в слаженных усилиях в целях рассмотрения и решения проблемы региональной безопасности и развития, представляющих общий интерес. Этому способствовало сложившееся у них к тому времени ясное представление (чего не было на Западе до печально известных событий в Нью-Йорке в 2001 г.) о том, что быстро нараставшие нетрадиционные вызовы и угрозы безопасности, такие как международный терроризм, экстремизм, наркотрафик, транснациональная преступность, не имеют и не признают государственных границ и национальной принадлежности, что парировать и справиться с ними можно только коллективно и скоординированно.

На такой платформе совпадающих точек зрения зарождалось новое международное объединение, официально оформившееся в 2001 г. в Шанхайскую организацию сотрудничества (в качестве учредителя выступил также Узбекистан, не имеющий общей границы с КНР). ШОС – одна из немногих международных структур универсального типа, то есть предназначенных для многопрофильного сотрудничества, выстроена на основе неинтеграционного партнёрства, иными словами, не предполагает формирования наднациональных директивных органов.

Такая «несоюзническая» и «неинтеграционная» особенность ШОС выражает общее мнение шести стран-основателей. Заключенный ими в 2007 г. Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве юридически кристаллизует и наглядно демонстрирует сильные стороны партнёрского формата ШОС [5]. Принятая в 2015 г. Стратегия развития ШОС до 2025 г. ставит его дальнейшее развитие и укрепление в качестве своего смыслового ориентира, что воспринимается членами ШОС как преимущество. Высказывания на экспертном уровне о возможности и даже полезности решительной трансформации ШОС в разновидность союза раздаются и в России, и в Китае. Мотивируется такая точка зрения обычно не только внутренними потребностями саморазвития ШОС. Акцент делается на сильном давлении внешних сил

на Россию и Китай, особенно со стороны США, и активизацию деятельности Запада на среднеазиатском пространстве.

ШОС в подобной логике предстает не долгосрочным проектом, исходящим из реализации осознанного желания ряда государств соединить усилия для парирования конкретных угроз нетрадиционного характера и развития многогранного сотрудничества в мирных целях, а, главным образом, как вынужденный конъюнктурный шаг – форма реагирования на военно-политический шантаж извне. В этом контексте реагирование до сих пор носит недостаточный, пассивный характер, но должно стать главным стержнем всей деятельности ШОС, для чего в ней надо целенаправленно и спешно создавать полноценную военную составляющую, ставить эту задачу во главу угла. Иными словами, ШОС следует развиваться не эволюционно, как это было до сих пор, а совершить радикальное субстантивное перевоплощение, стать неким подобием НАТО.

Такие мнения подразумевают полную ревизию всей философии ШОС, заложенной в её базовых документах. Они также не принимают в расчёт политические воззрения и практику ряда государств-членов, считающих форму противостоящих союзов «устаревшей», видящих в них «наследие холодной войны» и ограничение свободы своей внешнеполитической деятельности, принятия важных самостоятельных решений (официальная позиция Китая).

Кроме того, сторонники этой точки зрения словно не замечают, что основной состав ШОС уже вскоре может пополниться такими крупными государствами, как Индия, Пакистан, Иран, а это ставит под сомнение даже саму постановку вопроса о превращении ШОС в военно-политический союз.

Именно формула партнёрства добавляет ШОС авторитетности, обеспечивает инклюзивность организации и привлекательность для внешнего мира, подвигая растущее число государств к тому, чтобы подключаться к её деятельности, вплоть до вступления в основной состав. Странами – учредителями ШОС являются Казахстан, Киргизия, Китай, Россия, Таджикистан и Узбекистан, в число наблюдателей входят Афганистан, Белоруссия, Индия, Иран, Монголия и Пакистан, партнёры по диалогу – Азербайджан, Армения, Бангладеш, Камбоджа, Непал, Турция и Шри-Ланка.

В какой-то мере в идеологии ШОС просматривается воспроизведение многих моментов, характерных для российско-китайского партнёрства, что неудивительно (показательно, что подписание Договора между Россией и Китаем и создание ШОС произошло в одном и том же 2001 г.). Россия и КНР обоюдно и равно заинтересованы в мире, стабильности и процветании региона Центральной Азии, считающегося геополитической сердцевиной («хартлэндом») всего гигантского пространства Евразии. Подобное совпадение подходов не содержит в себе намерений установить посредством ШОС российско-китайский дуумвират в регионе. Такой образ действий противостоял бы шосовским базовым принципам, соавторами которых были Россия и Китай, философии отношений партнёрства между двумя странами. Он просто обречён на неуспех в силу уже оформившихся внешнеполитических воззрений у центральноазиатских государств, мыслящих категориями самостоятельности и открытости, их многоазимутной поведенческой модели в международном общении.

Центральную Азию отдельные эксперты склонны рассматривать в качестве поля обостряющейся конкуренции России и Китая за господствующее влияние, а ШОС как своего рода дипломатическое прикрытие. В рамках такого подхода подчёркивается логика колониально-гегемонистского типа, которая внешнеполитические намерения стран толкует исключительно как жёсткую взаимную борьбу, а всё остальное выдаёт за внешнее декорирование. Такой подход отбрасывает или, по крайней мере, не учитывает саму возможность того, что каждая страна Центральной Азии, независимо от её политического и экономического веса в мировом измерении, имеет свой голос, хочет и будет отстаивать его, а другие, особенно близлежащие, – уважительно к нему относиться. Конечно, в некоторых экономических проектах Россия и Китай, их деловые и финансовые круги могут оказываться конкурентами, соревноваться за получение того или иного контракта, в том числе сталкиваясь с бизнес-предложениями от других государств. Здесь было бы полезнее думать в направлении того, как и где можно комбинировать и соединять интересы и усилия, в том числе превращать ШОС в площадку для содействия подобного рода начинаниям.

То обстоятельство, что Россия и Китай были и остаются несущими элементами всего «здания» ШОС, идёт только на пользу Организации, является её достоянием, которое важно сохранять. Ведь ШОС по своему происхождению вполне можно считать одним из осязаемых прояв-

лений позитивной эволюции российско-китайских отношений — зримым плодом координации их международной деятельности [2].

Координация точек зрения по международным и региональным делам, включая подготовку совместных или параллельных акций, может быть очень тесной в системе отношений стратегического партнёрства. Совпадение и созвучие мнений России и Китая по преобладающему большинству животрепещущих мировых проблем рельефно проступает в крупных двусторонних и многосторонних (например, по линии ШОС) документах, принимаемых на высшем политическом уровне, в итоговых резюме аппаратных консультаций, регулярно проводимых между заинтересованными ведомствами и структурами, а также имеет место в ООН и в дискуссиях на разного рода международных и двусторонних экспертных и научных конференциях.

Показателен в этом плане ежегодно организуемый Министерством обороны КНР Сяншаньский форум [Xiangshan Forum official site [Electronic resource]. — URL: <http://www.xiangshanforum.cn>]. На последнем его заседании в октябре 2016 г. в Пекине обозначился публичный российско-китайский тандем по многим темам, обсуждавшимся представителями военных ведомств, в том числе на уровне министров и их заместителей, а также научно-экспертного сообщества из нескольких десятков стран. Схожесть позиций ясно проявилась по вопросам, касающимся ситуации на Корейском полуострове и намерении США разместить в Южной Корее антиракетные системы под предлогом сдерживания ракетно-ядерных амбиций КНДР, руководство которой демонстративно не хочет считаться ни с мировым общественным мнением, ни с решениями Совета безопасности ООН.

Вместе с тем партнёрской модели, даже в её самой продвинутой фазе, каковой является российско-китайская в настоящее время, присуща именно сопоставительная координация (она может и должна вбирать в себя прогностические выкладки, становиться всё более развернутой в сторону профилактики и упреждения негативных явлений). Актуальность и острота отдельных проблем, их специфика могут восприниматься и оцениваться каждым из партнёров под своим углом зрения, в чём вовсе не следует усматривать какие-то «подводные течения». Не исключены спорные моменты при согласовании тех или иных формулировок: в переговорной практике такое встречается постоянно. Здесь нередко вперед выступает не содержательная сторона достигнутого взаимопонимания, а лингвистическая и фразеологическая нюансировка её передачи, ибо в любом языке присутствуют своя внутренняя логика и богатство внешних оттенков. Подобные коллизии надо принимать как естественные, не выискивать в них надуманности и преднамеренности «подковёрной борьбы».

Полное слияние мнений, дисциплина единого строя, обязательная и безоговорочная поддержка везде и всюду, даже предположительно, вряд ли возможны между Россией и Китаем с их глобальным размахом интересов, твёрдым пониманием самостоятельного пути в мировом раскладе сил. Попытки искусственно сдвигать российско-китайские отношения в подобное русло могут только бросать тень на характер и качество партнёрских отношений, наносить вред позиционированию двух стран на международной арене.

Эффективность внешнеполитической координации в конечном счёте зависит от глубины политического доверия, транслируемого сверху лидерами стран-партнёров и подпитываемого снизу общественной поддержкой проводимого курса касательно страны-партнёра. Эти два фактора не могут существовать изолированно друг от друга. В России и Китае эти факторы сегодня присутствуют в их постоянно растущем позитивном измерении, что делает российско-китайское взаимодействие стратегически весомым и значимым стабилизирующим элементом в переменчивой международной ситуации.

Перспективы российско-китайского партнёрства

Комплекс отношений партнёрства как единое целое не имеет свойств монолита, он не является конструкцией раз и навсегда заданной и застывшей в неподвижности. Он словно живой организм, который обладает внутренними стимулами к постоянному саморазвитию и самоукреплению, адаптационными способностями к различного рода воздействиям изнутри и извне.

Будучи новым форматом взаимодействия государств, особенно крупных мировых держав, партнёрство естественно становится предметом анализа в экспертной среде, стимулирующим большое количество различных оценок и суждений как в России, так и в Китае, где модель партнёрства официально используется в современной внешнеполитической атрибутике. Более того, одной из центральных выдвинута задача формирования Китаем всемирной сети партнёр-

ских отношений (на сегодня КНР формализовала подобного рода отношения почти с 80 государствами мира).

Российско-китайское партнёрство вызывает в этом контексте повышенный интерес как с точки зрения упрочения его консолидирующих начал и перспектив соразвития двух стран, так и в силу его серьёзного влияния на мировую ситуацию сегодня и в будущем [3; 4]. Наиболее заметные темы, привлекающие к себе аналитическое внимание в дискуссионном порядке, касаются самых существенных аспектов содержательной наполненности отношений партнёрства.

Следует ли считать российско-китайское партнёрство естественно-логичным состоянием эволюции двусторонних отношений или в нём всё же превалирует фактор внешнего давления,двигающий две страны навстречу друг к другу, иными словами, насколько тактические соображения определяют стратегический смысл партнёрства? Насколько далеко может зайти момент совместности противостояния США, если и Россия, и Китай считают себя главными объектами политики Вашингтона, но видят своё положение визави США не во всем одинаково, имеют различающиеся цели и задачи в том, что касается конкретики практических отношений с этой страной (КНР прогнозирует себя в качестве основного глобального конкурента США, называя отношения с ними синтезом сотрудничества и соперничества, где второе не должно мешать первому)? Каким может быть оптимальное соотношение общности и отличий во взглядах и подходах с тем, чтобы свобода действий партнёров во внутренних и внешних делах не переросла в недомолвки, недопонимание или скрытое соперничество? Какими могут быть роль и место торгово-экономического сотрудничества в системе отношений партнёрства и каким может быть его разумно-рациональная структура и объёмы, если в 2015 г. ВВП России составлял 1/8 от ВВП Китая, и похожая картина может сохраниться на долгий период? Сколь крепкой и надёжной можно считать первооснову партнёрских отношений — деидеологизированную внешнюю политику двух стран на фоне роста в них (в каждой по-своему) проявлений идеологического порядка? Какими могут быть суть и направления эволюции стратегического партнёрства, коль скоро оно является динамичной, а не статичной конструкцией, и нужно ли ставить какие-то крупные подталкивающие движение ориентиры, то есть вносить элементы субъективности, или следует отдать предпочтение объективному процессу совершенствования того, что уже достигнуто?

Приведённые в вопросительной постановке тезисы отражают основные моменты тщательного анализа в Китае российско-китайского партнёрства, которое обычно выделяется как наиболее продвинутое, «образцовое», имеющее «особый характер». В КНР подробно и под разными углами зрения исследуются вопросы, связанные с моделью партнёрских отношений в целом. Предлагается различать несколько типов таких отношений — стратегическое, политическое, деловое. Для каждого типа партнёрства пытаются определить критерии, но в этой работе просматривается больше утилитарный подход, идущий от реальной практики состояния отношений Китая с той или иной страной, что девальвирует и размывает новаторский смысл самого понятия. Показательно, что не исключается перспектива установления партнёрства и с США, отношения с которыми на данном этапе квалифицируются как «сопоставительность», что, по нынешним китайским меркам, не может быть свойственно реальному партнёрству.

В том, что тема российско-китайского партнёрства стала предметом активного обсуждения, не следует усматривать какой-то тревожный сигнал, тем более скрытый смысл. Во-первых, такой ход вещей показывает большой теоретический интерес к теме как к серьёзной новации в международной практике общения национальных государств, на глазах становящейся «новой реальностью». Во-вторых, таким образом формируется возможность составить объёмное и многоцветное представление о понятии и практике партнёрства, позволяющего лучше и чётче разглядеть его сущность, подмечать и подсвечивать те моменты, которые следует обдумывать для учёта в реальных политических процессах, их прогнозирования и выстраивания.

Важно, чтобы российско-китайское стратегическое партнёрство только укрепляло свой дружеский добрососедский характер, ощущалось российским и китайским народами как потребность, воспринималось и ценилось ими как один из решающих факторов обеспечения мирных условий для жизни и созидательного развития, понималось как проявление мощи России и Китая, их авторитета в мире и конструктивного влияния на ход международных событий.

Russia and China: Building a Trustful Partnership

Vitaly Vorobyov (1944–2017),

Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Senior Researcher at the Centre for East Asian and Shanghai Cooperation Organization Studies, Institute for International Studies, MGIMO-University.
76 Vernadsky Ave., 119454. Moscow. E-mail: ktsmi@mgimo.ru

Summary. *This brief history of relations between the PRC and the Soviet Union (Russia) traces their evolution, starting with open hostility and ideology-driven debates of the 1960's through normalization during the Gorbachev era, ending with trustful partnership and strategic cooperation at the turn of the 21st century under Yeltsin and Putin.*

The central topic is the negotiations of 1964–2004 for the delimitation along the western and eastern parts of the boundary between China and Russia, which ended with signing and ratifying an agreement resolving all territorial disputes and demarcating the boundaries at their full length. Establishment of cross-border cooperation on a broad range of issues is described as the main priority for both countries, taking into consideration the fact that large territory of Russia including its Far East and Far North is in the scope of the newest Chinese 'One Belt, One Road' initiative. The article analyses contents of this strategic initiative, its domestic and foreign economic implications. The history of military détente between China and Russia and confidence-building measures are described. Brief outline of the history of the SCO as well as the main concepts of its activities are also addressed. Several controversial questions concerning the possible trends of Sino-Russian cooperation in the current international situation are raised in the article.

Keywords: *Russia, China, Shanghai Cooperation Organization, strategic partnership, border treaties, confidence building measures, new silk road, cross-border cooperation.*

Литература/References

1. *Денисов И. Е. Эволюция внешней политики Китая при Си Цзиньпине // Международная жизнь. — 2015. № 5. — С. 40–54. [Denisov I. E. Jevoljucija vneshnej politiki Kitaja pri Si Czin'pine // Mezhdunarodnaja zhizn'. — 2015. № 5. — S. 40–54; Denisov I. E. Evolution of China's foreign policy under Si Czin'pine // International affairs. — 2015. № 5. — P. 40–54].*
2. *Конаровский М. А. Россия — ШОС: некоторые элементы стратегии // Вестник международных организаций. — 2016. Т. 11. № 4. — С. 149–161. [Konarovskij M. A. Rossija — ShOS: nekotorye jelementy strategii // Vestnik mezhdunarodnyh organizacij. — 2016. Т. 11. № 4. — S. 149–161; Konarovskij M. A. Russia — SCO: some elements of strategy // Bulletin of international organizations. — 2016. Т. 11. No. 4. — P. 149–161].*
3. *Лукин А. В. Китай: Опасный сосед или выгодный партнер? // Pro et Contra. — 2007. № 6. — С. 72–94. [Lukin A. V. Kitaj: Opasnyj soсед ili vygodnyj partner? // Pro et Contra. — 2007. № 6. — S. 72–94; Lukin A. V. China: a Dangerous neighbor or a great partner? // Pro et Contra. — 2007. No. 6. — P. 72–94].*
4. *Лукин А. В. Российско-китайские отношения: не ослаблять усилий // Международная жизнь. 2009. № 11. — С. 89–105. [Lukin A. V. Rossijsko-kitajskie otnoshenija: ne oslabljat' usilij // Mezhdunarodnaja zhizn'. — 2009. № 11. — S. 89–105; Lukin A. V. Russian-Chinese relations: to maintain momentum // International affairs. — 2009. No. 11. — P. 89–105].*
5. *Лукин А. В. ШОС: Итоги российского председательства // Международная жизнь. — 2009. № 9. — С. 23–37. [Lukin A. V. ShOS: Itogi rossijskogo predsedatel'stva // Mezhdunarodnaja zhizn'. — 2009. № 9. — S. 23–37; Lukin A. V. the SCO: Results of the Russian presidency // International affairs. — 2009. No. 9. — P. 23–37].*
6. *Лукин А. В., Лузянин С. Г., Ли Синь, Денисов И. Е., Сыроежкин К. Л., Пятачкова А. С. Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи (аналитический доклад). — М.: Научный эксперт, 2016. 130 с. [Электронный ресурс]. — URL: <http://centero.ru/wp-content/uploads/2016/11/111-avtor-logo-CHINA2-01.pdf> [Lukin A. V., Luzjanin S. G., Li Sin', Denisov I. E., Syroezhkin K. L., Pjatachkova A. S. Kitajskij global'nyj projekt dlja Evrazii: postanovka zadachi (analiticheskij doklad). — М.: Nauchnyj jekspert, 2016. 130 s.; Lukin A. V., Luzjanin S. G., Li Sin', Denisov I. E., Syroezhkin K. L., Pjatachkova A. S. China's global project for Eurasia: the problem statement (an analytical report). — М.: Scientific expert, 2016. 130 p.].*
7. *Lukin A. B. The Image of China in Russian Border Regions // Asian Survey. 1998. Vol. 38. No. 9. P. 821–835.*

Е. С. Алексеенкова

Сравнительный анализ деятельности созданных в Центральной Азии форматов «5+1» (с участием США, Южной Кореи, Японии и ЕС)

Алексеенкова Елена Сергеевна, канд. полит. наук,
науч. сотр. Центра глобальных проблем
Института международных исследований МГИМО МИД России.
Менеджер по аналитической работе
Российского совета по международным делам.
119454, Москва, просп. Вернадского, 76.
E-mail: elena-alekseenkova@yandex.ru

***Аннотация.** Центральная Азия стала рассматриваться как самостоятельный регион не так давно. Сложный исторический контекст, в рамках которого государства Центральной Азии выстраивали свое взаимодействие с соседними государствами, отложил серьезный отпечаток на формирование собственной субъектности государств региона. В результате после распада СССР в регионе начался сложный и длительный период выстраивания странами региона собственной системы внешнеполитических и внешнеэкономических отношений как с непосредственными соседями, так и с ведущими мировыми и региональными державами. В итоге за более чем 25 лет независимости государства Центральной Азии накопили большой опыт взаимодействия с США, Россией, Китаем, Европейским союзом, Южной Кореей, Японией и другими государствами, заинтересованными во взаимодействии со странами региона в соответствии с собственными национальными интересами.*

Помимо выстраивания отношений с каждой из стран региона на двусторонней основе, ряд перчисленных выше государств пытаются развивать многосторонние форматы сотрудничества в Центральной Азии. С учетом различий в социально-экономическом и политическом развитии государств Центральной Азии, разности их национальных интересов, отражающихся на взаимодействии с третьими странами, успешность работы данных форматов нельзя оценить однозначно. В настоящее время такие многосторонние форматы, обозначаемые формулой «5+1», в регионе развивают США, ЕС, Япония, Южная Корея. Форматы отличаются по заявленным целям, содержанию наполнению, механизмам сотрудничества и позволяют реализовывать различные интересы стран-участниц.

В рамках данной работы проводится анализ данных форматов с целью выделения ключевых интересов участников и определения векторов последующего развития отношений обозначенных государств со странами региона, что представляется необходимым для наиболее эффективного планирования выстраивания отношений России с государствами Центральной Азии.

***Ключевые слова:** Центральная Азия, многостороннее сотрудничество, формат «5+1», региональное развитие, США, Япония, Южная Корея, ЕС, ЭПШП, сопряжение, ЕАЭС.*

Центральная Азия – регион, отличающийся значительным разнообразием возможностей и вызовов. Большие запасы природных ресурсов, серьезный демографический потенциал, транзитные возможности в центре Евразии сочетаются со слабостью политических институ-

тов, высоким конфликтным потенциалом, слабо диверсифицированной и высокорискованной экономикой, а также серьёзным набором внешних и внутренних вызовов безопасности. К первым относятся близость к очагам нестабильности в Афганистане и на Ближнем Востоке при крайне низкой степени защищенности границ, ко вторым – проблемы социально-экономической устойчивости, угрозы роста религиозного экстремизма, этнических конфликтов. Обозначенные возможности делают регион привлекательным для внешних игроков, ищущих дополнительные возможности для развития собственных экономик, будь то ресурсы или дополнительные рынки. Обозначенные риски и угрозы, которые в случае хаотизации региона способны провоцировать дестабилизацию в соседних странах, в сочетании с неспособностью государств региона справиться с данными рисками самостоятельно, делают вовлечение внешних акторов не только желательным, но и необходимым.

С целью реализации имеющихся возможностей и преодоления возникающих рисков ряд государств сформировали такие многосторонние форматы сотрудничества со странами региона, как «5+1». В рамках данной работы мы попытаемся охарактеризовать эти форматы, выделить их общие и отличительные черты, обозначить их перспективы и ограничения.

США: между «С5+1» и “Make America great again”

В период с 30 октября по 3 ноября 2015 г. состоялся первый масштабный визит госсекретаря США в Центральную Азию, охвативший все пять государств региона. В рамках данного визита в Самарканде прошёл первый саммит госсекретаря и пяти министров иностранных дел Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии и Туркмении¹, ознаменовавший старт формата «С5+1» и оформленный подписанием «Самаркандской декларации»².

Документ подчёркивает приверженность сторон принципам суверенитета, независимости и территориальной целостности и декларирует стремление развивать сотрудничество во многих областях: в региональной торговле, транспорте и развитии транзитного потенциала, энергетике, улучшении бизнес-климата и стимулировании инвестиций, формировании устойчивой среды, борьбе с изменением климата, развитии энергоэффективных технологий и пр. В конце списка оказались сотрудничество в преодолении трансграничных вызовов безопасности (терроризм, трафик оружия и наркотиков и др.); поддержка развития в Афганистане и признание его фактором, влияющим на стабильность в регионе; создание в Центральной Азии зоны, свободной от ядерного оружия и гуманитарное сотрудничество (“people-to-people contacts”, культурное сотрудничество и расширение обменов в сфере образования и бизнеса). Таким образом, сам документ не несёт в себе чего-то существенно нового – новым в данном случае является лишь формат сотрудничества.

Предполагается, что первая встреча в формате «С5+1» лишь положила начало развитию сотрудничества в многостороннем формате³ и зафиксировала: во-первых, готовность всех стран-участниц к взаимодействию и кооперации и, во-вторых, обозначила общий (самый широкий) круг общерегиональных проблем, по которым может вестись многосторонний диалог. Предполагается, что в ходе последующих встреч будет создано несколько рабочих групп по конкретным направлениям сотрудничества.

В чём же смысл создания нового формата? Ведь ещё с 2001 г. США были довольно глубоко вовлечены в дела региона в связи с проведением антитеррористической операции в Афганистане и созданием «Северной сети снабжения». США довольно тесно сотрудничали с Узбекистаном по афганской проблеме, в Киргизии функционировала авиабаза Манас, закрытая лишь в 2014 г., в Таджикистане – авиабаза Айни. В Центральной Азии масштабно работает американское агентство содействия развитию USAID, и США являются одним из крупнейших доноров Киргизии. С 2011 г. США реализуют в регионе программу «Новый шёлковый путь», в рамках которой предполагается внедрение проекта CASA-1000 с целью продажи электроэнергии, выработанной на ГЭС Киргизии и Таджикистана, в Афганистан и Пакистан, в также строительство газопровода ТАПИ (Туркмения – Афганистан – Пакистан – Индия) с целью обеспечения Южной Азии центральноазиатскими ресурсами и одновременно с целью развития Афганистана.

¹ РИА Новости [Электронный ресурс]. – URL: <http://ria.ru/world/20151223/1347476906.html#ixzz4B3yU7dYx>

² Joint Declaration of Partnership and Cooperation by the Five Countries of Central Asia and The United States of America, Samarkand, Uzbekistan. // Media Note, Office of the Spokesperson, Washington, DC. - November 1, 2015 [Electronic resource]. – URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2015/11/249050.htm>

³ As Kerry Leaves, What's Next For U.S. In Central Asia? // Eurasianet.org, November 4, 2015 [Electronic resource]. – URL: <http://www.eurasianet.org/node/75901>

Однако в связи с выводом основной части войск коалиции из Афганистана отпадает необходимость в столь масштабном присутствии внерегиональных держав в государствах региона. Проекты CASA-1000 и ТАПИ буксуют вот уже несколько лет по причине того, что никто не готов и не способен гарантировать их безопасность на территории Афганистана, что ставит под вопрос всю концепцию «Нового шёлкового пути». В то же время к региону Центральной Азии всё больший интерес проявляет Китай, который в 2013 г. выступил с масштабной инициативой «Экономического пояса Шёлкового пути» и становится чрезвычайно активным инвестором в странах региона. С 2015 г. два государства Центральной Азии – Казахстан и Киргизия – являются членами Евразийского экономического союза, демонстрируя таким образом готовность развивать более тесное сотрудничество с Россией и Беларусью. Очевидно, что США рискуют остаться аутсайдером в процессах, происходящих в регионе. И хотя никаких прямых экономических интересов у США в Центральной Азии нет, попадание в статус аутайдера явно противоречит неизменному стремлению США «диверсифицировать» отношения государств региона с внешним миром и препятствовать возрастанию роли в регионе Китая и России. Создание формата «C5+1», как представляется, призвано прежде всего показать пяти государствам, что помощником в решении их региональных проблем могут быть не только Россия и Китай, но и США, которые на данном этапе не преследуют никаких конкретных интересов, кроме как содействие развитию региона. Примечательно, что в ходе своего турне Джон Керри не акцентировал внимания на ситуации с правами человека в регионе и не выразил публичного порицания запрету Партии исламского возрождения Таджикистана, а также ситуации с независимыми СМИ в Туркмении, Узбекистане и др. Это может свидетельствовать о том, что США утратили веру в возможность повлиять на внутривосточную ситуацию в странах региона, признав поражение своего почти 30-летнего курса на содействие демократизации региона и решив сконцентрироваться на поддержании своего присутствия в регионе, пусть даже без какого-либо содержательного наполнения.

Отсутствие со стороны США каких бы то ни было конкретных инициатив и программ в сфере региональной безопасности свидетельствует о том, что в последние годы пребывания у власти администрации Б. Обамы Вашингтон не был готов существенно вкладываться в решение проблем региона – будь то проблемы экономического развития, изменения политических режимов и даже роста угрозы терроризма, религиозного экстремизма и пр., отдавая их на откуп наиболее вовлечённым соседям – России и Китаю. Формат «C5+1», инициированный Дж. Керри, вероятно, имел целью прежде всего прояснение позиций руководства государств региона и текущего положения дел, а также продемонстрировать центральноазиатским правительствам наличие альтернативного России и Китаю «незаинтересованного» союзника в решении проблем развития.

Новая администрация Д. Трампа ещё не сформулировала какой бы то ни было конкретной повестки в отношении Центральноазиатского региона. Динамики в отношении развития формата «C5+1» пока тоже не наблюдается. На первый взгляд напрашивается вывод о том, что вовлечение в дела Центральной Азии никак не вписывается в концепцию «Make America great again» («Сделаем Америку снова великой») и выглядело бы в логике нынешнего дискурса администрации США как распыление ресурсов в условиях необходимости решения гораздо более важных внутренних и внешних задач. Однако риторика нового президента США, а также ряд «новых веяний» в регионе (прежде всего вступление в должность нового президента Узбекистана Ш. Мирзиёева и объявленные реформы в Казахстане) позволяют сделать некоторые предположения относительно возможного направления развития центральноазиатской политики США.

Прежде всего, необходимо отметить отсутствие акцента на вопросах соблюдения прав человека и сущности политических режимов центральноазиатских государств в выступлениях Д. Трампа и представителей американской администрации. Так, известные американские правозащитные организации недавно отметили отсутствие госсекретаря Р. Тиллерсона на презентации ежегодного отчёта Госдепартамента о правах человека⁴, вероятно, также будет сокращено финансирование Совета ООН по правам человека со стороны США, что многими экспертами было оценено как пренебрежение новой администрацией вопросами прав человека. Очевидно, что в ближайшее время мы вряд ли услышим какую-либо существенную критику в адрес цен-

⁴ Tillerson skips release of annual human rights report // CNN. March 3, 2017. URL: <http://edition.cnn.com/2017/03/03/politics/tillerson-state-department-human-rights-report/> Rex Tillerson threatens to withdraw from UN Human Rights Council to improve human rights // The Independent. March 15, 2017 [Electronic resource]. – URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/americas/rex-tillerson-un-human-rights-council-us-secretary-state-china-saudi-arabia-egypt-a7630531.html>

тральноазиатских правительств по данному вопросу. Более того, в связи с намечающимся «потеплением» политического климата в Узбекистане с приходом к власти Ш. Мирзиёева⁵, объявленными реформами и попытками налаживания контактов с соседями⁶ со стороны США могут последовать некоторые позитивные сигналы в адрес Узбекистана, в том числе в виде интереса к стране американского бизнеса. В случае развития такого сценария прямая зависимость между политическими изменениями и объёмом полученных инвестиций продемонстрирует экономический интерес к Узбекистану со стороны США и сможет послужить наглядным примером для остальных государств региона. Представляется, что этот пример будет более убедительным и эффективным, чем многократно применяемая ранее критика со стороны США в адрес политических режимов и по поводу ситуации с правами человека. Реформы, провозглашённые в Казахстане, также дают повод США задуматься о возможности наращивания экономических контактов с данным государством. Вероятность такого сценария, впрочем, напрямую зависит от того, насколько реальное развитие событий в Узбекистане и Казахстане будет соответствовать провозглашённому курсу.

В то же время администрация Д. Трампа довольно серьёзно настроена в отношении борьбы с терроризмом и сохраняет свою активность в этом направлении в Афганистане, Сирии, Ираке. По мнению бывшего директора Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ) Е. Карина, это, пожалуй, главная точка пересечения интересов США и центральноазиатских государств [8]. По данным Soufan Group, около 2 000 боевиков – выходцев из центральноазиатских государств – воюют на стороне ИГИЛ [8]. Очевидно, что интересы предотвращения дальнейшей радикализации Центральной Азии могут стать основой для углубления сотрудничества США и государств региона. При этом последние будут рады получению со стороны США финансирования на осуществление соответствующих мер, а также возможности балансирования влияния России и Китая в вопросах безопасности. Для США, в свою очередь, это может стать эффективным методом влияния на руководство государств региона и формирования альтернативы сотрудничеству с КНР и Россией.

Безусловно, на развитие сотрудничества в борьбе с терроризмом прямое влияние будет оказывать динамика ситуации внутри стран региона, и в случае её резкого обострения мы сможем наблюдать весьма неожиданные сценарии.

Таким образом, при наличии желания новой администрации США и далее развивать формат «C5+1» для этого, очевидно, будут использованы две основные возможности: наращивание экономических контактов со странами региона и осуществление таким образом влияния на политическую ситуацию внутри них, а также развитие сотрудничества по линии борьбы с радикализмом и экстремизмом. Не стоит сбрасывать со счетов также донорскую активность США в регионе и довольно существенное влияние USAID на гражданское общество и общественную среду в некоторых странах региона. Так, например, в Киргизии с помощью финансирования из средств USAID проводятся проектные исследования при министерствах и ведомствах, в том числе касающиеся, например, вопросов евразийской экономической интеграции. Представляется, что данная активность США в регионе будет поддерживаться независимо от развития формата «C5+1».

ЕС: на пути к собственной евразийской стратегии

В 2015 г. ЕС в четвертый раз подверг пересмотру свою Стратегию в Центральной Азии 2007 г.⁷ Как признаётся в докладе Генерального директората Европарламента по вопросам внешней политики (Directorate General for External Policies)⁸, несмотря на выработку за последние десятилетия многочисленных механизмов сотрудничества с правительствами государств региона, ЕС на сегодняшний день в Центральной Азии является игроком с наименьшим влиянием. По мнению аналитиков ведомства, регион становится всё более нестабильным, прогно-

⁵ Узбекистан: Политзаключенных выпускают на свободу // Kloop.kg. 23.02.2017. URL: <https://kloop.kg/blog/2017/02/23/uzbekistan-politzaklyuchennyh-vypuskayut-na-svobodu/>

⁶ Шавкат Мирзиёев: 100 дней в должности главы Узбекистана // CA-News. 24.03.2017 [Electronic resource]. – URL: <http://ca-news.org/news:1372003>

⁷ The European Union and Central Asia: The New Partnership in Action [Electronic resource]. – URL: http://eeas.europa.eu/central_asia/docs/2010_strategy_eu_centralasia_en.pdf

⁸ Implementation and review of the European Union-Central Asia Strategy: Recommendations for EU action // Directorate-General for External Policies, European Parliament. January 2016 [Electronic resource]. – URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2016/535019/EXPO_IDA\(2016\)535019_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2016/535019/EXPO_IDA(2016)535019_EN.pdf)

зируемая ранее переориентация ресурсов региона (прежде всего газа) до сих пор не состоялась (примечательно, что в Туркмении, на газовые возможности которого так рассчитывал ЕС, до сих пор нет даже представительства европейской делегации). Торговля европейских государств с регионом минимальна (за исключением, пожалуй, Казахстана), демократия рассматривается региональными лидерами как угроза выживанию, коррупция тормозит экономическое развитие и «размывает» существенную часть международной экономической помощи региону, ситуация с правами человека не меняется к лучшему.

В этих условиях ЕС признает, что конкурировать с Россией и Китаем в регионе ЕС не может и не должен, и призывает сконцентрироваться на конкретных проектах, в которых можно достичь конкретных результатов. Помимо ограниченного количества проектов экономического характера и сотрудничества в сфере безопасности [2], ЕС должен фокусироваться на образовании, продолжать настаивать на улучшении ситуации с правами человека и усилить политическую и финансовую поддержку гражданского общества.

Влияние ситуации в Афганистане на центральноазиатскую стратегию ЕС с 2012 г. существенно снизилось, уступив место охлаждению отношений Россия – ЕС и украинскому кризису. В целом регион не относится к числу геополитических приоритетов ЕС. В этой связи ЕС предпочитает ориентироваться на долгосрочные, а не краткосрочные стратегии и результаты. Снижение внимания к региону было продемонстрировано в 2014 г., когда ЕС отменил должность Специального представителя по Центральной Азии. Однако в 2015 г. она была введена вновь.

Проблема безопасности, хотя она и является одной из наиболее острых для региона и всерьёз беспокоит ЕС в связи с проблемой терроризма и участия граждан центральноазиатских государств в военных действиях на стороне ИГИЛ и «Аль-Каиды» [4], стать основой сотрудничества ЕС со странами региона не смогла. В 2013 г. ЕС попытался наладить «Диалог по вопросам безопасности высокого уровня», однако попытка провалилась, поскольку некоторые государства Центральной Азии направили лишь участников на уровне послов, в 2014 г. эта инициатива и вовсе не была поддержана государствами региона. В 2015 г. вопросы безопасности обсуждались на встрече высокого уровня в Таджикистане, однако Туркмения и Узбекистан снова прислали лишь «представителей». Главной программой ЕС по содействию безопасности границ является ВОРСА (Border Management Programme in Central Asia, перевод не устоялся, букв. «Программа по управлению границами в Центральной Азии») – на ближайшие три года (с 2015 г.) на реализацию этой программы выделено 5 млн евро. И даже здесь отмечается разница приоритетов: страны региона заинтересованы в получении оборудования, в то время как ЕС хотел бы больше инвестировать в обучение персонала. EU Central Asia Drug Action Programme (Программа действий ЕС по борьбе с наркотиками в Центральной Азии, CADAP) была передана из ПРООН в Немецкое агентство развития (GIZ). Таким образом, ЕС пытается больше вовлекать государства-члены в конкретную работу в регионе. В ближайшее время, очевидно, сотрудничество ЕС с государствами Центральной Азии в сфере безопасности останется весьма ограниченным и будет включать в себя продолжение работы программы ВОРСА и ряд проектов по предотвращению конфликтов.

ЕС намерен продолжать активно отстаивать проблематику прав человека в Центральной Азии. Инструментом, который призван этому содействовать, являются «Семинары гражданского общества» в странах региона под эгидой ЕС, а также Европейский инструмент в области демократии и прав человека (European Instrument for Democracy and Human Rights, EIDHR), который обеспечивает финансирование организаций, чья деятельность связана с защитой прав человека. Также свою активность в регионе наращивает Европейский фонд за демократию (European Endowment for Democracy). В отличие от, например, Японии, ЕС намерен в дальнейшем «прагматично» увязывать вопросы экономической помощи и гуманитарного сотрудничества с политическими условиями и поддержкой политических изменений в Киргизии и Таджикистане. Этой же цели поддержки демократических преобразований в Казахстане, по мнению европейцев, служит и «Соглашение о расширенном партнёрстве и сотрудничестве между Европейским Союзом и Республикой Казахстан»⁹, подписанное 21 декабря 2015 г. и нацеленное на существенное углубление торговых и экономических связей. Казахстан является первой страной Центральной Азии, подписавшей соглашение второго поколения с Евросоюзом, который

⁹ Соглашение о расширенном партнёрстве и сотрудничестве между Европейским Союзом и Республикой Казахстан // Европейская служба внешней связи. [Электронный ресурс]. – URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/19156/soglashenie-o-rasshirennom-partnerstve-i-sotrudnichestve-mezhdu-evropeyskim-soyuzom-i_ru

является главным торговым и инвестиционным партнёром республики¹⁰.

В качестве помощи развитию (Development Cooperation Instrument – Инструмент сотрудничества в целях развития) [6] за период 2007–2013 гг. ЕС выделил 750 млн евро, из которых одна треть распределялась на региональном уровне, а две трети – по двусторонним каналам. По 1 млрд евро в год запланировано тратить в период 2014–2020 гг. При этом если в предыдущий период данная помощь распределялась по большому спектру проектов, то в новом периоде решено сосредоточиться:

- в Киргизии – на верховенстве закона, образовании и развитии сельских территорий;
- в Узбекистане – на развитии сельской местности;
- в Туркмении – на образовании.

Казахстан признан страной, не нуждающейся в помощи развитию, так же, как и Туркмения (с 2017 г.). Практически вдвое было увеличено финансирование для Узбекистана, для чего не было никаких зримых оснований в виде достигнутого в предыдущий период прогресса.

На региональном уровне у ЕС существовало три программы – верховенство закона (программа развивалась под руководством Франции и Германии), проблема доступа к воде и окружающая среда (руководили Италия и Румыния), образование (руководить данной программой не захотела ни одна страна ЕС). В настоящий момент идёт глубокая ревизия достигнутых результатов и в случае признания их неудовлетворительными программы могут быть свернуты. Очевидно, что вести диалог в рамках первой программы не заинтересованы сами государства региона, проблематика водопользования также является чрезвычайно чувствительной и вызывает напряжение между сторонами, поэтому добиться здесь в обозримой перспективе каких-то результатов также не представляется возможным. Возрождение программы по образованию вроде бы изъявляют желание взять на себя Латвия и Польша. В ЕС присутствует понимание, что оказать влияние на развитие региона, по-видимому, можно только через образование. Причём признаётся, что только одной лишь успешно действующей программы Erasmus не достаточно. Вероятно, в ближайшее время последует увеличение программ стажировок и обменов. Кроме того, в регионе продолжают работу большое количество европейских фондов и организаций, осуществляющих финансирование научных исследований, прикладных проектов и образовательных программ.

В целом ЕС в последние годы был намерен выстраивать отношения с государствами региона скорее на двустороннем, чем в многостороннем формате. Поэтому говорить о существовании формата «5+1» в отношении ЕС и Центральной Азии фактически не приходится.

Однако в настоящее время наблюдается существенная трансформация европейского подхода. Несмотря на то, что ЕС в данный момент в большей степени сосредоточен на внутренних вызовах, в Брюсселе происходит постепенное формирование собственной стратегии в отношении евразийского региона. Этот тезис подтвердил в своем выступлении 14 февраля с.г. Специальный Представитель Европейского союза по вопросам Центральной Азии Посол Петер Бурриан на «круглом столе» в г. Тутцинге (Германия), на котором обсуждался совместный доклад Фонда им. Фридриха Эберта (ФРГ) и Стокгольмского института исследования проблем мира (SIPRI, Швеция) «Экономический пояс шёлкового пути: проекты сотрудничества ЕС и КНР и последствия для безопасности» [9].

По мнению чиновника и авторов доклада, ЕС и другим ключевым державам континента стоит всерьёз задуматься над созданием общей зоны безопасности для Европы и Азии, причём обеспечение этой безопасности возможно исключительно посредством развития государств региона и формирования общей экономической «связности» (“connectivity”) евразийского пространства. Государства Центральной Азии занимают ключевое положение на этом пространстве. Кроме того, в Брюсселе не могут не замечать, что регион становится всё более нестабильным.

Появление на этом пространстве китайской инициативы «Один пояс – Один путь», предполагающей комплексное развитие транспортной и инфраструктурной связности евразийского региона, не снижает европейской тревожности в отношении будущего региона. В центре китайского проекта по понятным географическим причинам оказались Центральная Азия и Южная Азия. Обещанные под реализацию проектов «Экономического пояса Шёлкового пути» гигантские финансовые ресурсы Фонда Шёлкового пути, Азиатского банка развития, Азиат-

¹⁰ Казахстан и Евросоюз подписали Соглашение о расширенном партнёрстве и сотрудничестве // International Center for Trade and Sustainable Development. 25 December 2015 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ictsd.org/bridges-news>

ского банка инфраструктурных инвестиций, стремление Китая «вынести вовне» избыточную рабочую силу и строительные мощности — всё это в комплексе демонстрирует международной общественности решимость Китая реализовать намеченное. В этих условиях в ЕС закономерно возникает озабоченность относительно того, *как* это будет реализовано. Европейцы нервничают из-за скудности информации о конкретных экономических проектах, которые предполагает инициатива ЭПШП. Поэтому в ЕС настаивают на необходимости многосторонних форматов для обсуждения инициативы ЭПШП, прозрачности и публичности предполагаемых проектов. Говорится и о необходимости соответствия проекта Целям в области устойчивого развития ООН, и о перспективах взаимодействия всех заинтересованных участников на площадках ОБСЕ, ШОС, СВМДА, и о необходимости многосторонней координации всех ключевых региональных доноров и финансовых структур. Очевидно, что в ЕС попытаются «связать» ЭПШП по рукам и ногам, чтобы максимально институционализировать все форматы сотрудничества, процедуры финансирования и процессы переговоров в рамках проекта.

Чего же бояться в ЕС? Ни для кого не секрет, что Центральная и Южная Азия — регионы со значительным сектором «серой» экономики, большой ролью неформальных практик и непрозрачно принимаемых решений — как в политике, так и в экономике. Понятно, что двусторонние переговоры элит и лёгкий доступ к финансовым потокам из Китая, заложенным под финансирование ЭПШП, — наиболее очевидный путь развития событий. Последствиями этого могут стать усиление коррупции, дальнейшее социальное расслоение и рост социальной напряжённости в обществах, где и без того преобладает молодое население, наиболее подверженное влиянию вербовщиков экстремистских организаций.

Ещё один немаловажный фактор: обеспечение экономического развития невозможно без развития человеческого капитала. Казалось бы, на уровне риторики это понимают не только в ЕС, но и в Китае. Однако никаких конкретных предложений в сфере образования, повышения квалификации и профессионального обучения с китайской стороны пока не прозвучало. А это означает, что есть вероятность развития сценария, когда Китай возводит инфраструктуру на китайские деньги китайской рабочей силой, выгоды от использования этой инфраструктуры получает правительство, а для местного населения ничего не меняется.

Другая опасность — формирование сильной экономической зависимости государств региона от Китая. Китайские кредиты, как известно, отнюдь не дешёвы и в перспективе могут обернуться непосильными для центральноазиатских экономик долгами. Это, вероятно, повлечёт за собой и политическую ориентацию центральноазиатских и южноазиатских государств на Китай. А Европейскому союзу, который так долго пытался «оторвать» Центральную Азию от России после распада СССР, очевидно, очень не хотелось бы полностью отдавать регион во власть Китая. Также в ЕС опасаются и геополитических последствий реализации китайской инициативы, в частности усиления конфликта между Пакистаном и Индией и соперничества между Индией и Китаем. И самое главное — в ЕС не видят почти никакой пользы от китайской инициативы для Афганистана. Действительно, южный маршрут «Пути», выходящий на порты Пакистана («Экономический коридор Китай — Пакистан», СРЕС), большой выгоды Афганистану не сулит. А это значит, что тяжесть проблемы экономического развития Афганистана, скорее всего, останется «лежать на плечах» США и ЕС.

Таким образом, в ЕС появляется понимание того, что противостоять реализации инициатив Китая невозможно, поэтому Союзу предстоит задача «встраивания» в текущую ситуацию с тем, чтобы затем попытаться повлиять на её развитие изнутри. С этой целью ЕС будет пытаться создать максимально институционализированный и многосторонний формат реализации инициативы ЭПШП, чтобы снизить потенциальные риски и извлечь максимум пользы. Очевидно, что это повлечет за собой усиление взаимодействия ЕС со странами Центральной Азии, которые являются ключевым звеном транспортных проектов на пути из Китая в ЕС. Вероятно, одним из форматов этого взаимодействия будет работа европейских фондов, экспертных структур и международных организаций с экспертным сообществом стран Центральной Азии, а также, возможно, создание двусторонних и многосторонних (с учётом специфики отношений стран региона между собой) площадок для обсуждения инициативы Китая и готовящихся к реализации проектов.

Ещё одной основой будущей евразийской стратегии ЕС может стать сотрудничество со странами региона в предотвращении распространения радикализма и экстремизма. Ряд авторитетных аналитических центров стран ЕС уже довольно серьёзно вовлечён в изучение рисков радикализации в Центральной Азии. В ЕС понимают, что предотвращение «расползания» экс-

тремизма с Ближнего Востока в Центральную Азию требует прежде всего серьёзных исследований социальных, религиозных, экономических и политических предпосылок радикализации и системной работы с обществами, экспертными структурами, общественными и религиозными организациями стран региона. Очевидно также, что если такого рода работа не будет начата в ближайшее время, то весьма вероятно, что в скором времени ЕС – так же, как и Россия – может столкнуться с серьёзнейшими вызовами собственной безопасности, исходящими уже не только с Ближнего Востока, но и из центральноазиатского региона.

Япония: прагматика без геополитики?

Диалог «Центральная Азия плюс Япония» стартовал ещё в 2004 г. Основными принципами Диалога стали «уважение многообразия», «конкуренция и координация» и «открытое сотрудничество». Пожалуй, из всех форматов «5+1», действующих в Центральной Азии, диалог с Японией находится в наиболее проработанной и активной фазе. В рамках Диалога развивается несколько форматов сотрудничества: «Совещание министров иностранных дел» (СМИД), которое проходит каждые два года, «Совещание старших должностных лиц» (СДЛ), «Интеллектуальный диалог» («Токийский диалог»), «Встречи экспертов» и «Обмен между министерствами иностранных дел».

Помимо этого, Япония активно оказывает Официальную помощь развитию стран региона; активно работает в регионе и Японское агентство международного сотрудничества (JICA). По отдельным сферам сотрудничества работа ведётся также с международными структурами, такими как ПРООН (предотвращение стихийных бедствий) и Управление ООН по наркотикам и преступности (UNODC). Япония совместно с ЕС участвует в работе Совещания по управлению границами, регулярно участвует в Конференциях Центральноазиатской Инициативной Группы по безопасности Границ (CABSI), в проведении стажировок на базе Института ООН Азии и Дальнего Востока по предупреждению преступности и борьбе с правонарушителями (UNAFEI), оказывает поддержку Программе применения мер по уменьшению спроса на наркотические средства стран Центральной Азии (FAST program) и др.

В ходе пятого Совещания на уровне министров иностранных дел в рамках Диалога в 2014 г. министр иностранных дел Японии Ф. Кисида обозначил основной курс практического сотрудничества на последующие 10 лет развития Диалога – содействие развитию сельскохозяйственного сектора экономик стран Центральной Азии на основе применения технологий и опыта Японии в сельскохозяйственной сфере. Помимо этого, особо отмечены были борьба с наркоторговлей и контроль государственных границ региона, в аспекте устойчивого развития – предотвращение стихийных бедствий, а также положение женщин. Что касается сельского хозяйства, то в ходе 5-го юбилейного СМИД была принята Дорожная карта регионального сотрудничества в области сельского хозяйства, которое было признано пилотной сферой регионального сотрудничества в рамках Диалога. В вопросах сотрудничества по проблеме контроля границ, министры иностранных дел пяти государств выразили благодарность Японии за предоставление пограничным органам досмотрового оборудования и реализацию проекта по созданию офисов пограничного взаимодействия. Тогда же было объявлено о запуске японской «Программы стипендий для развития человеческих ресурсов JDS» (1,97 млн долл. США) и «Проекта по улучшению содержания дорог в Ошской, Джалал-Абадской и Таласской областях» (24 млн 910 тыс. долл. США)¹¹. Как видно из вышесказанного, Япония отдаёт предпочтение весьма конкретным областям сотрудничества и прикладным проектам, направленным на решение проблем региона.

В 2015 г. развитие партнёрских отношений Японии с государствами Центральной Азии получило новый мощный стимул в виде первого в истории турне в государства региона первого лица Японии. Визит Синдзо Абэ завершился подписанием соглашений на общую сумму в 27 млрд долл. США. Крупнейшие из обнародованных сделок (18 млрд долл.) были заключены с Туркменией, где Япония поможет в строительстве «заводов по переработке природного газа, заводов сжижения природного газа и газохимических заводов с использованием богатых природных ресурсов»¹². Второй по размеру пакет договорённостей (около 8,5 млрд долл.) был

¹¹ Бюллетень Посольства Японии в Кыргызской Республике [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kg.emb-japan.go.jp/culture/Япония%20s%20vami/Byulliten_let_2014.pdf

¹² Япония пытается потеснить Китай в Центральной Азии // Коммерсант. 28.10.2015 [Электронный ресурс]. – URL: <http://kommersant.ru/doc/2842166>

заклѹчен с Таджикистаном, где Япония вложится в логистику, химические и добывающие отрасли, а также телекоммуникации. Крупные контракты на строительство завода удобрений в стране получили компании Mitsubishi Heavy Industries и Mitsubishi Corporation. Контракты на меньшие суммы (до 100 млн долл.) удалось подписать и с другими государствами региона. Также в ходе визита было объявлено, что Япония в ближайшие пять лет направит на оказание помощи развитию стран региона порядка 25 млрд долл. По мнению Абэ, в ближайшие пять лет японский бизнес получит до 250 млрд прибыли с проектов Центральной Азии [5].

В ходе визита пять японских корпораций договорились с Туркменгазом об участии в обустройстве газового месторождения Галкыныш, откуда будет брать начало газопровод ТАПИ (в данный проект Япония инвестирует 10 млрд долларов США). Япония инвестирует и в инфраструктуру – модернизацию Ташкентской ТЭЦ, аэропорта Манас, строительство АЭС в Казахстане, и в производство – Mitsubishi планирует построить завод по производству аммиака и карбамида в Навои, в Казахстане будет сборочное производство Toyota. В Таджикистане Япония участвует пока в основном в гуманитарных проектах. Основной интерес Японии лежит, конечно же, в нефтегазовой сфере, причиной чему является турбулентность на Ближнем Востоке. Япония, как и Корея, интересуется также ураном. С 2015 г. эксперты говорят о готовности Японии участвовать не только в социальных и экономических проектах в регионе, но и осуществлять экспорт технологий, развивать финансовый сектор. Так, японские банки выдают низкопроцентные кредиты для содействия развитию, в мае 2015 г. было заявлено об увеличении капитала Азиатского банка развития (АБР) и JICA на 110 млрд долл. США с целью финансирования инфраструктурных проектов в Азии, что свидетельствует о наличии серьёзных намерений Японии в регионе. Не пренебрегает Япония и проецированием своей «мягкой силы»: так, в Туркмении был создан Технологический университет, в Узбекистане – построен молодѣжный центр инноваций.

Подписанное по итогам визита 6–9 ноября 2016 г. совместное заявление между Казахстаном и Японией «О расширенном стратегическом партнѣрстве в век процветания Азии»¹³ повысило статус Токио до уровня ключевых стратегических партнѣров Казахстана, коими до тех пор были лишь Москва и Пекин. Данный документ, продолжая проводимую Казахстаном политику многовекторности, расставил новые акценты сотрудничества Казахстана и Японии, выделив среди традиционных сфер сотрудничества: инфраструктуру, технологии, торговлю, медицину и образование, – сферу безопасности. Речь идёт об активизации «обмена взглядами по региональной ситуации» и «противодействию терроризму». Таким образом, данное соглашение демонстрирует расширение количества потенциальных партнѣров Казахстана в сфере безопасности и готовность Японии (хотя бы потенциальную) к вовлечению в региональный дискурс по вопросам безопасности. Документ также демонстрирует возрастающую озабоченность Токио нарастающей нестабильностью в регионе, где присутствуют сотрудники японских компаний, куда приходит японский капитал и технологии.

В отличие от США Япония не увязывает свои проекты и программы в регионе с выполнением каких бы то ни было политических условий, но в то же время обладает большими финансовыми возможностями, что делает её более привлекательным партнѣром для стран региона, особенно в условиях тяжѣлого экономического кризиса. Кроме того, Японию едва ли можно заподозрить в том, что в основе её политики в Центральной Азии лежат геополитические соображения¹⁴. В целом ожидается, что экономическое влияние Японии в регионе в ближайшие годы будет только возрастать.

Республика Корея: предложение «модели развития» в обмен на ресурсы?

Форум сотрудничества «Республика Корея – Центральная Азия» существует с 2007 г. и на 2016 г. пришлась юбилейная дата – 10-я встреча в рамках данного формата¹⁵. Традиционно форум проводится на уровне заместителей министров, с участием чиновников отраслевых ведомств, представителей бизнеса и гражданского общества. В рамках данного формата были созданы условия для многостороннего и двустороннего обсуждения сотрудничества в самых

¹³ Совместное заявление Японии и Республики Казахстан «О расширенном стратегическом партнѣрстве в век процветания Азии» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kz.emb-japan.go.jp/files/000202021.pdf>

¹⁴ Япония в Центральной Азии – мнения экспертов [Электронный ресурс]. – URL: <http://caa-network.org/archives/5899>

¹⁵ URL: <http://news.tj/ru/node/215829>

разных областях политического, социально-экономического и культурного взаимодействия: в сфере энергетики и природных ресурсов, инфраструктуры, IT, сельского хозяйства, науки и технологий, медицины и здравоохранения, финансов, легкой промышленности, образования и др.

С 2008 г. сотрудничество Республики Корея с государствами Центральной Азии получило оформление в рамках концепции «Глобальной Кореи» тогдашнего президента страны Ли Мён Бака, согласно которой Южная Корея стала позиционировать себя как держава средней величины [10], которой удалось в относительно короткий период сделать большой рывок в политическом и экономическом развитии и которая на основании полученного опыта может претендовать на статус «моста» между развитым и развивающимся миром. Применительно к Центральной Азии эта концепция получила дополнительное звучание в рамках оформившейся в 2009 г. «Новой Азиатской Инициативы» (NAI). Южная Корея, продолжительное время находившаяся в орбите влияния «великих держав», но тем не менее за короткий период сумевшая совершить большой скачок в развитии, с точки зрения корейских лидеров, может стать достойным примером для центральноазиатских государств в качестве некой «модели развития».

Серьёзность корейских намерений в отношении Центральной Азии ознаменовало обширное турне Ли Мён Бака по региону в 2011 г. С тех пор Южная Корея является одним из ключевых экономических партнёров стран Центральной Азии, интенсивно инвестирующим в стратегические сектора, такие как добыча урана, добыча нефти, газа и другого сырья, транспорт и инфраструктура и др.¹⁶. Главный экономический интерес, который стоит за корейским интересом к Центральной Азии и вовлечённостью в неё, — это доступ к ресурсам и ослабление зависимости от их поставок с Ближнего Востока. Корея на 97 % зависима от импорта энергоресурсов. 40 % потребностей Кореи в нефти до санкций обеспечивал Иран, однако под давлением США РК была вынуждена присоединиться к санкциям и искать альтернативных поставщиков. Растущая зависимость от атомной энергетики делает Корею зависимой и от поставок урана, чем объясняется большой интерес к отрасли и инвестиции РК в добычу урана, которым богаты Узбекистан и Казахстан [7]. Киргизия с точки зрения ресурсов интересен для Кореи большими запасами редких металлов, используемых в сфере производства высокотехнологичной продукции, Туркмения — обширными запасами нефти и газа. Государства Центральной Азии в свою очередь заинтересованы в инвестициях и технологическом развитии, которым может способствовать сотрудничество с РК. Странами региона, с которыми у РК налажено наиболее тесное сотрудничество, являются Узбекистан и Казахстан. С обоими государствами РК связывают прочные историко-культурные связи, вследствие которых в данных странах присутствуют довольно большие корейские диаспоры. Казахстан, кроме того, является самым развитым государством региона.

В целом сотрудничество Республики Корея с государствами Центральной Азии развивается в рамках нескольких форматов. Помимо обозначенного выше Форума по сотрудничеству «Республика Корея — Центральная Азия» и содействия развитию, которое осуществляет РК через участие в Комитете содействию развитию (DAC) ОЭСР, существует официальное корейское агентство помощи — Korea International Cooperation Agency (Корейское агентство международного сотрудничества, KOICA), которое занимается обучением и стажировками в Сеуле чиновников центральноазиатских государств. Однако в основном сотрудничество РК со странами региона концентрируется вокруг взаимных экономических интересов и подпитывается наличием историко-культурных связей.

В ноябре 2016 г. было объявлено об учреждении в Сеуле Секретариата Форума по сотрудничеству «Республика Корея — Центральная Азия»¹⁷. Секретариат, который должен начать работу во второй половине 2017 г., будет на регулярной основе проводить международные конференции по расширению сотрудничества в сфере медицины, туризма и др.; перед ним также стоит задача работы с молодым поколением и формирование сети молодых лидеров. По словам заместителя министра иностранных дел Южной Кореи, секретариат будет играть роль «инкубатора перспективных проектов сотрудничества»¹⁸ между Кореей и государствами Центральной Азии.

¹⁶ Абдурасулова Д. Южная Корея в Центральной Азии [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1327655040>

¹⁷ Outcome of the 10th Korea-Central Asia Cooperation Forum // Ministry of Foreign Affairs of Republic of Korea [Electronic resource]. — URL: http://www.mofat.go.kr/ENG/press/ministrynews/20161114/1_76635.jsp?menu=m_10_10

¹⁸ S. Korea, Central Asian countries to launch secretariat for tighter cooperation // Yonhap News Agency. 16.11.2016 [Electronic resource]. — URL: <http://english.yonhapnews.co.kr/national/2016/11/16/0301000000AEN20161116004900315.html>

Россия и Китай: медленное сопряжение

Богатые природные ресурсы, большой транзитный потенциал, наличие серьёзных вызовов безопасности, многовекторная внешняя политика делают регион Центральной Азии предметом интереса для многих внешних акторов. Существующие форматы сотрудничества «5+1» отличаются друг от друга как по форме институциональной организации и по их содержательному наполнению, так и по степени эффективности и удовлетворённости участников результатами. Тем не менее все обозначенные выше внешние игроки намерены продолжать и развивать своё присутствие в регионе.

Россия и Китай, в отличие от всех обозначенных выше внешних игроков, не пытаются создать таких форматов взаимодействия, как «5+1». Вместо этого Россия и часть государств региона (Казахстан и Киргизия) интегрируются в Евразийский экономический союз. Китай в свою очередь пока что предпочитает выстраивать отношения со странами региона на двустороннем уровне, предлагая государствам Центральной Азии масштабные инвестиции, крупные инфраструктурные и транспортные проекты, которые могут дать региону возможность реализации своего транзитного потенциала и участия в международных торговых маршрутах. В 2013 г. все потенциальные и действующие китайские проекты в регионе были объединены китайским руководством в рамках одной инициативы «Экономического пояса Шёлкового пути» (ЭПШП), а в 2015 г. между Владимиром Путиным и Си Цзиньпином было подписано соглашение о сопряжении ЕАЭС и ЭПШП.

Спустя почти два года с момента подписания данного соглашения евразийская экономическая комиссия отчиталась о согласовании порядка 40 совместных проектов в рамках сопряжения ЕАЭС и ЭПШП. Директор Департамента транспорта и инфраструктуры ЕЭК Ержан Нурахметов сообщил¹⁹, что выработаны критерии проектов, по которым они будут включаться в проект «дорожной карты» взаимодействия с КНР. Совместно с министерствами транспорта государств Союза определены сферы взаимодействия в части нормативного, технологического, тарифного регулирования, согласован перечень Евразийских транспортных маршрутов и перечень приоритетных проектов, 39 из них касаются строительства новых и модернизации существующих дорог, создания транспортно-логистических центров, развития ключевых транспортных узлов²⁰. В частности, близится к завершению реализация международного транспортного маршрута Западная Европа – Западный Китай, протяжённостью 8 445 км. Кроме того, должна быть построена высокоскоростная железнодорожная магистраль Москва – Казань, поезда по ней должны следовать со скоростью до 400 км/ч, время в пути от Москвы до Казани составит 3,5 часа. Однако возведение данной магистрали затягивается вот уже несколько лет. В условиях экономического кризиса в России прорабатывается вопрос механизмов привлечения китайских инвестиций в этот проект.

Помимо этого, предполагается проложить железную дорогу Китай – Киргизия – Узбекистан, а также соединить действующую железнодорожную систему Ирана и Армении, позволив тем самым Армении преодолеть транспортную изоляцию и выйти через Иран в Казахстан, Китай и далее.

Вероятно, сотрудничество со странами региона в рамках сопряжения будет развиваться как на многостороннем, так и на двустороннем уровнях. *Однако, пожалуй, основной проблемой сотрудничества в треугольнике Россия – Центральная Азия – Китай (или ЕАЭС-ЭПШП) является по-прежнему низкая степень интеграции и сотрудничества на уровне малого и среднего бизнеса, а также на уровне гражданского общества.* Несмотря на высокий уровень политического диалога в рамках треугольника и согласование амбициозных масштабных проектов, интеграция на более низких уровнях происходит медленно и незаметно для бизнес-сообществ и гражданских обществ стран-участниц. В соответствии с обновленной «Концепцией внешней политики Российской Федерации»²¹ приоритетными направлениями внешней политики Российской Федерации являются «развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами

¹⁹ Сопряжение ЕАЭС и ЭПШП приобретает реальные очертания: согласован список инфраструктурных проектов // Евразийская экономическая комиссия. 01.03.2017 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/2-03-2017-1.aspx>

²⁰ Там же.

²¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 г.) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248

— участниками Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнейшее укрепление действующих на пространстве СНГ интеграционных структур с российским участием» (раздел IV, п. 49–51). Однако необходимо отметить, что отнюдь не все государства Центральной Азии являются членами ЕАЭС и могут принимать участие в проектах КНР под эгидой ЕАЭС. Кроме того, не все потенциальные форматы сотрудничества исчерпываются повесткой ЕАЭС и повесткой сопряжения. В этих условиях России необходимо сформулировать собственное стратегическое видение взаимоотношений с государствами региона, наполнив его позитивной повесткой практического взаимодействия на уровне малого и среднего бизнеса, а также гражданского общества. Представляется, что ключевой проблемой центральноазиатских государств в настоящее время является нехватка компетенций и недостаточное для осуществления экономического рывка качество человеческого капитала. Конкурентоспособность товаров и рабочей силы стран Центральной Азии на едином рынке ЕАЭС, а также возможность обеспечить занятость и извлекать в будущем выгоду из построенной Китаем инфраструктуры зависят исключительно от способности государств региона подготовить квалифицированные кадры, обладающие необходимым уровнем компетенций. В то же время обеспечение занятости молодого населения [3]²² центральноазиатских государств является необходимым условием для предотвращения его радикализации и распространения экстремизма. Конкретные практические шаги по созданию в регионе производств и рабочих мест и повышению уровня образования, прежде всего среднего профессионального, улучшению качества человеческого капитала должны стать необходимым дополнением к проектам интеграции (ЕАЭС) и создания инфраструктуры (ЭПШП).

Очевидно, что в обозримой перспективе Китай станет главным экономическим партнёром региона, а Россия будет преимущественным гарантом региональной безопасности [1], задействовав многосторонние механизмы ОБСЕ и ШОС. Другие внешние игроки, выстраивая свои отношения со странами региона, так или иначе будут вынуждены учитывать эту реальность. Однако России важно понимать, что большинство стран региона проводят многовекторную внешнюю политику и очевидно не упустят возможности развивать отношения с теми государствами, которые могут обеспечить экономикам региона дополнительные возможности развития.

A Comparative Analysis of the Activities of “5+1” Formats’ Launched in Central Asia with Participation of the US, Republic of Korea, Japan, and the EU

Elena Alekseenkova, PhD (Cand. of Political Science)
Research Fellow, Center for Global Problems

Institute for International Studies, MGIMO University.
119454, 76 Vernadsky Ave. E-mail: elena-alekseenkova@yandex.ru

Summary. Central Asia as a region has become a subject of scientific research not so long ago. Complicated historic background that includes the long period of being a part of another states influenced rather seriously the feeling of subjectivity of the countries of the region. As a result, after the collapse of the USSR in 1991 a difficult period commenced when the countries of the region started to construct their own political and economic relations with foreign counterparts including their neighbors, regional and global powers. During this more than 25-years long period of independence countries of Central Asia have accumulated rich experience of interaction with the US, China, Russia, the EU, Japan, South Korea and other states interested in the region in terms of their own national interests.

Besides bilateral relations with Central Asian states some of these countries are trying now to develop multilateral formats of interaction with the region. Divergent national interests, peculiarities of socioeconomic and political development of Central Asian states inevitably influence their relations with other countries and the efficiency of multilateral formats. “5+1” dialogues with Central Asian states are being developed by the US, the EU, Japan and South Korea. These formats differ in their goals, mechanisms, areas of cooperation and give participants possibilities to realize different national interests.

²²Население региона сравнительно молодое, средний возраст жителей — около 26 лет. Трудоспособная его часть (в возрасте от 15 до 64 лет) и в обозримом будущем будет составлять в среднем 65–67 %.

The paper presents an analysis of these formats aiming to reveal the principal interested actors, preliminary results and possibilities for further development. The analysis could be helpful for strategic planning of Russia's approaches to relation with Central Asian states.

Keywords: *Central Asia, multilateral cooperation, format 5+1, regional development, US, Japan, South Korea, EU, SREB, EAEU.*

Литература / References

1. Алексеенкова Е. С., Тимофеев И. Н. Евразийское направление внешней политики России: интересы, возможности и ограничения // *Russie nei Visions*, № 89. Декабрь 2015. Французский институт международных отношений (ИФРИ). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifri_rnv_89_timofeev_alexeeenkova_rus_dec_2015_protege_0.pdf [Alekseenkova E., Timofeev I. Eurasia in Russian Foreign Policy: interests, possibilities and constraints // *Russie nei Visions*, № 89. December 2015. French Institute of International Relation [Electronic resource]. – URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifri_rnv_89_timofeev_alexeeenkova_rus_dec_2015_protege_0.pdf; Alekseenkova E., Timofeev I. Evraziiskoe napravlenie vneshnei politiki Rossii: interesy, vozmozhnosti i ogranicheniya // *Russie nei Visions*, № 89. Dekabr 2015. Franzuzskiy institute mezhdunarodnykh otnosheniy (IFRI) [Electronic resource]. – URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifri_rnv_89_timofeev_alexeeenkova_rus_dec_2015_protege_0.pdf]
2. Гусев Л. Ю. Возможности и пределы осуществления политики ЕС в Центральной Азии // *Международная аналитика*. Вып. 3 (17), 2016. – М., МГИМО МИД России. С. 27–36. [Gusev L., Possibilities and limits of EU policy implementation in Central Asia // *International Analytics*, Vol. 3 (17), 2016. – М., МГИМО. P. 27–36; Gusev L. Vozmozhnosti i predely osuschestvleniya politiki ES v Centralnoy Azii. Vyp. 3 (17), 2016. – М., МГИМО МИД России. S. 27–36].
3. Данков А. Центральная Азия через 100 лет: после «Большой трансформации». 14 августа 2013 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2226#top-content [Dankov A. Central Asia after 100 years: After the “Great Transformation”. August 14, 2013 [Electronic resource]. – URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2226#top-content; Dankov A. Centralnaya Aziya cherez 100 let: posle “Bolshoy Transformatsii”. 14 avgusta, 2013 [Electronic resource]. – URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2226#top-content]
4. Казанцев А. А. Проблема роста исламского радикализма в странах Центральной Азии // *Международная аналитика*. Вып. 3 (17), 2016. – М., МГИМО МИД России. С. 97–111. [Kazantsev A. A. The problem of the Islamic Radicalization in Central Asia // *International Analytics*, Vol. 3 (17), 2016. – М., МГИМО. P. 97–111; Kazantsev A. A. Problema rosta islamskogo radicalism v Centralnoy Azii. Vyp. 3 (17), 2016. – М., МГИМО МИД России. S. 97–111].
5. Мордвинова А. Э. Синдзо Абэ посетил Центральную Азию // *Российский институт стратегических исследований*. [Электронный ресурс]. – URL: <http://riss.ru/analitics/22667/> [Mordvinova A. E. Shinzō Abe has visited Central Asia // *Russian Institute for Strategic Research*. URL: <http://riss.ru/analitics/22667/>; Mordvinova A. E. Shinzō Abe posetil centralnuyu Aziyu // *Rossiiskiy institut strategicheskikh issledovaniy* [Electronic resource]. – URL: <http://riss.ru/analitics/22667/>]
6. Содействие развитию государств Центральной Азии: стратегические горизонты российского участия: Рабочая тетрадь / [В. М. Сергеев (рук.), А. А. Казанцев, В. И. Бартенева]; Российский совет по международным делам. – М.: Спецкнига, 2013. 88 с. [Электронный ресурс]. – file:///C:/Users/Ealekseenkova/Desktop/WP_Central_Asia_10_rus.pdf [Assistance to the Development of Central Asian Nations: Strategic Horizons of Russian Participation: Workbook / [V. M. Sergeyev (team leader), A. A. Kazantsev, V. I. Bartenev]; Russian International Affairs Council. – М.: Spetskniga Publishers, 2013. 88 pp.; Sodeistvie razvitiyu gosudarstv Centralnoy Azii: strategicheskie gorizonty rossiyskogo uchastiya: rabochaya tetr. / [V. M. Sergeyev (ruk.), A. A. Kazantsev, V. I. Bartenev]; Rossiiskiy sovet po mezhdunarodnym delam. – М.: Spetskniga, 2013. 88 s.]
7. Шотанова Г. А. Внешняя политика Южной Кореи в Центральной Азии // *Корееведение Казахстана*. Вып. 2. – Алматы, 2014. [Электронный ресурс]. – URL: http://kaznks.kz/files/publikacii2/KSK_2_37_ShotanovaGaliya.pdf [Shotanova G. A. Foreign policy of South Korea in Central Asia. Vol. 2. – Almaty, 2014. [Electronic resource]. – URL: http://kaznks.kz/files/publikacii2/KSK_2_37_ShotanovaGaliya.pdf; Shotanova G. A. Vneshnyaya politica Uzhnoy Korei v Centralnoi Azii. Vyp. 2. – Almaty, 2014 [Electronic resource]. – URL: http://kaznks.kz/files/publikacii2/KSK_2_37_ShotanovaGaliya.pdf]
8. Central Asia's Autocrats Welcome the Age of Trump // *Foreign Policy*. January 31, 2017 [Electronic resource]. – URL: <http://foreignpolicy.com/2017/01/31/central-asias-autocrats-welcome-the-age-of-trump-russia-syria-isis/>
9. Ghiasy R., Zhou J. The Silk Road Economic Belt: Considering security implications and EU–China cooperation prospects. February, 2017. Sipri, Stockholm. Pp. 60 [Electronic resource]. – URL: <https://www.sipri.org/publications/2017/other-publications/silk-road-economic-belt>
10. Hwang B., A New Horizon in South Korea–Central Asia Relations: The ROK Joins the “Great Game” // *Korea Compass*. Korea Economic Institute. December 2012 [Electronic resource]. – URL: http://www.keia.org/sites/default/files/publications/kei_koreacompass_template_balbinahwang.pdf

Ю. Н. Зинин

Берберский фактор в Северной Африке: некоторые аспекты

Зинин Юрий Николаевич, канд. ист. наук,
вед. науч. сотр. Центра партнёрства цивилизаций
Института международных исследований
МГИМО МИД России.

119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: zinin42@mail.ru.

***Аннотация.** В статье рассматриваются место и влияние бербероязычных общин в каждой из пяти стран Северной Африки: Алжире, Марокко, Ливии, Мавритании и Тунисе. Автор отмечает, что в последние десятилетия после обретения независимости стран Магриба все громче звучат голоса, требующие учитывать культурную, региональную, порою политическую специфику берберов. В каждой стране ситуация различна в силу местных условий и подоплеку взаимодействия амазигов, как себя называют берберы, с арабоязычным большинством, их участия в политических процессах. Автор освещает влияние «арабской весны» на рост самосознания, солидарности и сплочённости амазигского меньшинства. Выразителем и инициатором таких тенденций выступает берберская, часто европейски образованная элита.*

***Ключевые слова:** берберы, Северная Африка, амазиги, ислам, идентификация, кабилы.*

В конце 2016 г. силы общественного порядка Алжира арестовали более двух десятков граждан по обвинению к призывам к насилию, в распространении материалов, возбуждающих ненависть и вражду на этнической почве, обладании холодным оружием и т. п.¹. Аресты прошли в сахарском городе Гардая, ставшем летом 2015 г. очагом унесших жизни 23 человек стычек между бербероязычными жителями-мозабитами и арабами племени Шаанба².

Считается, что они произошли из-за конфликта по имущественным и арендным вопросам, которые обострились в последние годы на фоне социально-экономических неурядиц региона, расположенного в 600 км от побережья Средиземного моря.

Эти события вновь привлекли внимание к проблеме берберского фактора в Северной Африке.

На территории Северной Африки, или по-арабски Магриба, занимающего площадь в 4,7 млн кв. км., расположены пять государств: Марокко, Алжир, Ливия, Тунис и Мавритания с общим населением более 90 млн человек, в которых в разных пропорциях проживают берберы.

В каждой из вышеупомянутых стран берберы находятся в меньшинстве. По разным оценкам, в Марокко они составляют до 40 % населения, в Алжире — 20 %, в Ливии — 8–10 %, в Тунисе и в Мавритании — не более 1 %.

¹ В Гардае арестован 21 человек по подозрению в подстрекательстве (на араб. яз.) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.elbilad.net/flash/detail?id=38368>

² Ouslimai R. AFP. Algérie: le bilan des violences à Ghardaïa monte à 23 morts [Electronic resource]. — URL: <http://www.rtl.fr/actu/international/algerie-le-bilan-des-violences-a-ghardaia-monte-a-23-morts-7779099505>

Берберы — автохтонные жители региона, простирающегося от Ливии до Атлантического океана и от Средиземного моря до излучины реки Нигера, и представляют собой семью родственных этнических групп.

Этот термин греко-римского происхождения от слова *barbarus* (рус. *варвары*). Сами берберы называют себя *амазиг* (*амазигх*, *амазих* — «свободные люди»). Говорят, берберы на множестве разнообразных диалектов, наречий и говоров, которые большинством современных лингвистов рассматриваются как самостоятельные языки [1, с. 8–9]. В политических контекстах, однако, берберский рассматривают как единый язык (что соответствует и французской традиции), именуемый также лингвонимом *тамазиг(x)m* (*tamazit*, *tamazight*), образованным от самоназвания берберов³.

Особенность ситуации в том, что вкрапления с компактно проживающим берберским элементом существуют на всей территории Магриба и не связаны друг с другом территориально.

Многие авторы в регионе и в Европе делают упор на самобытность берберов. Выделяют их обостренное чувство собственного достоинства, приверженность своим традициям, непримиримость к иностранному гнёту на протяжении всей их истории: от появления здесь в VII в. до н. э. финикийцев и вплоть до арабских завоеваний в средние века и попыток европейцев утвердить свой контроль в XIX–XX вв.

С приходом арабов берберы были исламизированы и в разной степени арабизированы. Позже, влившись в армии аравийских кочевников под знаменем ислама, они прошли всю Африку, высадились на Иберийском полуострове. Ряд веков в регионе правили мощные династии, вышедшие из берберских верхов — Аль-Моравиды (1056–1147 гг.) и Аль-Мохады (1147–1269 гг.).

В то же время, несмотря на многовековую арабизацию, язык этих аборигенов показал свою поразительную устойчивость. У большей части берберов сформировалось двуязычие, но при этом они сохранили свою исконную культуру, уклад, особенно в сельской местности. Берберские язык/диалекты — устные, хотя имеет малоупотребительную древнюю графику. Они распространены в основном в горных, труднодоступных и по большей части менее развитых районах Алжира, Марокко и Ливии. На них осуществляется общение в семьях и родах, это материнские языки для детей.

В последние десятилетия, после обретения странами Магриба независимости, все громче звучат голоса, требующие учитывать культурную, региональную, порою национальную специфику берберов. При этом, однако, в каждой отдельной стране ситуация своеобразна ввиду местных условий и особенностей.

Алжир

В этой стране бербероязычные жители делятся на несколько групп. Это — кабилы (жители горных областей Джурджуры и Бабора), шавийя (в труднодоступном массиве Ореса), мозабиты (с центром в оазисе Мзаб), горцы районов Уарсениса и Дахры, туареги на крайнем юге.

Кабилы — это термин французской администрации, правившей в Алжире. Он образован от арабского слова *кабайил*, или *кабаил* «племена» и обозначал союзы берберских племен, кочевавших по стране. Кабилы — существенная часть алжирских берберов, сыгравших и продолжающих играть до сих пор особую роль в истории страны, которая подверглась сильному воздействию французской колонизации и культуры.

На языке метрополии в Алжире осуществлялась вся социально-экономическая активность. Арабский же язык фактически был изгоем. Поэтому французское влияние в Кабилии толкало массу кабилы к берберо-французскому двуязычию.

Особая ситуация сложилась в долине Мзаба — центре Алжирской Сахары. Ее бербероязычные жители принадлежат к ибадизму — секте ислама. Она вышла из хариджизма, родившегося на заре ислама на Аравийском полуострове, но затем нашла благодатную почву в Северной Африке, в местах проживания берберов.

Жители Мзаба — мозабиты, следуя канонам своей секты, живут обособленно, браки заключают только в рамках своей общины. На протяжении веков у них выработалась строгая иерархия отношений, дисциплина и подчинение «халаке» — избираемому вече из среды авторитетных местных исламских законоучителей.

³ В узком смысле название *тамазигт* относится к наиболее крупным берберским диалектам/языкам Марокко и Алжира. См.: URL: <https://www.ethnologue.com/subgroups/berbe> — *Прим. ред.*

Скудность естественных ресурсов Сахары издавна толкала многих мужчин к занятию отходничеством. Большой процент взрослых мужчин постоянно живет далеко от родины, в разных городах Алжира и других частях Северной Африки, где они ведут торговлю, владеют лавками и магазинами и немалыми капиталами, переходящими по наследству.

Имея репутацию удачливых предпринимателей, мозабиты представляют устойчивую, внутренне сплоченную общность, которая сохраняя архаичный уклад и верования, образуют прослойку алжирской торговой буржуазии.

Нужно отметить также немногочисленных кочевников-туарегов, живущих на самом юге Алжирской Сахары и кочующих по огромным пространствам Сахары, а также в соседних Мали и Нигере.

Их древний алфавит – тифинаг происходит, как считается, от пунической письменности. Туареги – мусульмане, но вместе с тем у них сохранились некоторые анимистические культы и вера в магию.

Вслед за тем, как Алжир обрел в 1962 г. независимость, кабилы и другие берберы стали массово переселяться в города, особенно в столицу в поисках лучшей доли.

С конца 1980-х и до середины 1990-х гг. Алжир пережил ряд крупных политических катаклизмов. В 1992 г. были проведены выборы в парламент, на которых победила оппозиция, выступавшая под знаменем ислама.

После того, как правящий режим аннулировал их результаты, радикалы-исламисты спровоцировали смуту и братоубийственную войну, провозглашая своей целью создание исламского государства. Их мишенью были не только представители власти, военные, но и образованные, светски настроенные слои, особенно франкоязычные, сторонники равноправия женщин в обществе. При этом идеологи крайнего исламизма выставляли кабилы «нетвердыми» мусульманами, зачастую приклеивали им ярлык «берберо-материалистов».

Берберами, в среде которых ислам укоренился испокон веков, такое отношение отвергалось. Попытки французских миссионеров обратить кабилы в христианство в XIX в. полностью провалились.

Ислам в бербероязычной среде носит более мягкий характер, чем в арабской, в нём силён культ марабутов (местных святых), не признаваемый ортодоксальным исламом, сохранился ряд доисламских обрядов. Женщина в целом пользуется большей свободой, по сравнению с остальным мусульманским населением Алжира.

На этом фоне в кабийском сегменте алжирского общества оживилась политическая активность, вызванная по большей части неудовлетворённостью населения своим положением.

Отсутствие социальных лифтов для нового поколения кабийской молодёжи стимулировало её протестные настроения, которые часто принимали этническую окраску.

С 1980-х гг. область Кабилии стала ареной демонстраций и других акций с требованиями признания берберского языка (рассматриваемого как целое), расширения прав местной автономии и т. п. Они имели место в 1991, 1994–1995, 1998 гг. Июнь – июль 2009 г. были отмечены столкновениями с полицией после покушения и гибели известного кабийского певца Матуба Лунеса⁴. Возник ряд партий и организаций, выступающих за расширение прав берберов. К ним относится левоцентристского толка «Объединение культуры и демократии», созданное в 1989 г. Лозунги этого объединения – либерализация общества, защита прав берберов и светский путь развития. На парламентских выборах она набрала 3,3 % голосов и имеет 19 мест в парламенте (462 депутата).

Активизировалась и другая опирающаяся на берберский элемент организация «Фронт социалистических сил». Долгое время он был запрещен, а в 1990 г. легализировался. На последних выборах организация набрала 2,5 % голосов и имеет 27 мест в парламенте. Лейтмотив её программы – мирная демократичная альтернатива нынешнему «деспотическому, коррупционному режиму».

В 2001 г. в Кабилии образовалось «Гражданское движение Араш» (от берберского слова, означающего «народное собрание»). Движение требует признания официальным берберского языка наряду с арабским, вывода правительственных сил безопасности и жандармерии из районов Кабилии, расширения демократических и прочих свобод её автохтонных жителей, аннулирования официального семейного кодекса, который считается «ущемляющим суверенные права» женской части населения Алжира.

⁴ Chaker S., Doumane S. La Kabylie et la question berbère: tensions cycliques et inachevement [Elektronik ressource]. – Tamazgha. 13 août 2007. URL: <http://www.tamazgha.fr/La-Kabylie-et-la-question-berbere-tensions-cycliques-et-inachevement,2017.html>

«Движение автономии Кабилии» (МАК), созданное в 2001 г., ратует за достижение автономии и самоуправления Кабилии мирными, ненасильственными методами. Существует и так называемое временное правительство Кабилии в эмиграции, возглавляемое его основателем Ферхатом Мехини.

Практически все эти движения занимают левоцентристские позиции с ориентацией на секуляризм и считают нынешний режим в АНДР «антидемократичным и репрессивным».

С другой стороны, в Кабилии отмечено оживление местных салафитов, которые выступают за ужесточение религиозных порядков, пытаются поставить под свой контроль местные мечети, требуют закрыть существующие церкви.

Их активность проявляется в коммунах городов Тизи-Узу и Беджая, что насторожило местные власти, а также министерство религиозных дел Алжира⁵.

С начала суверенного существования Алжира берберский вопрос в его властных структурах, по сути, замалчивался. Новые власти опасались дезинтеграции молодого государства, вышедшего из огня восьмилетней освободительной войны, в ходе которой колониалисты пытались сделать ставку на берберский партикуляризм и столкнуть между собой алжирцев, имеющих разные этнические корни.

С начала алжирской «перестройки» в конце 1980-х гг. берберский вопрос получил огласку. Власти АНДР повернулись лицом к требованиям бербероязычного сегмента населения.

Так, в 1990–1991 гг. в университетах Тизи-Узу и Беджаи открылись Департаменты берберского языка и культуры. В 1995 г. была создана Высшая комиссия по делам амазигов при президенте Алжира. Объявлены меры по организации факультативного преподавания берберского языка в ряде лицеев Алжирской Кабилии.

В мае 2002 г. в алжирскую конституцию была внесена поправка, в соответствии с которой берберскому языку был придан статус национального, при этом арабский язык остаётся национальным официальным языком Алжира.

Нельзя пройти мимо того факта, что немало высших должностных лиц в стране были и являются по происхождению кабилами или другими берберами.

Это, в частности, первый президент независимого Алжира Ахмед Бен Белла (1918–2012 гг.), который происходил из берберской семьи области Риф в Марокко, председатель Высшего Госсовета АНДР М. Будиаф (1992 г.), бывший президент страны (1995–1998 гг.) Ламин Зерваль, бывший премьер-министр Али Бенфлис, нынешний премьер Абдель Салаль и его предшественник Ахмед Вахия, заместитель министра обороны Гаид Салах и многие другие.

Марокко

В Марокко сосредоточено самое большое по численности бербероязычное население Магриба, которое весьма компактно проживает в горной области Среднего Атласа, Анти-Атласа, Суса и в районе Риф, на побережье Средиземного моря.

Берберы издавна оберегали свою самобытность и независимость от посягательств центральной власти. Эти горные районы составляли и составляют до настоящего времени огромный резервуар, из которого города и поселения, выросшие в последние десятилетия, черпали человеческие ресурсы.

В силу экономической и прочей интеграции у берберского населения, проживающего на Атлантическом побережье и в городах, ускорился переход на арабский язык. В начале XX в. эти районы считались бербероязычными, а в 1980-х гг. признаны полностью арабоязычными.

Со временем в стране образовались два социально-этнических блока: фаси, представляющий традиционно арабскую феодально-буржуазную фракцию, и суси (от названия района Сус) — экономически и политически наиболее активную берберскую фракцию.

Интересы этих крупнейших блоков в модернизации страны часто пересекались, и стабильность в ней поддерживалась во многом благодаря авторитету короля, являющегося одновременно религиозным лидером и повелителем верующих Марокко.

По многовековой традиции монархи Марокко берут в жёны представительницу берберов.

В последние годы берберы настойчивее выступают за признание своей культурно-лингвистической специфики, предоставление им права обучаться в школах и вузах на родном языке.

⁵ Zemirli Z. A. ALGERIE – Les salafistes gagnent du terrain en kabylie et interdisent les traditions locales [Electronic resource]. – URL: <https://www.observatoirepharos.com/pays/algerie/algerie-les-salafistes-gagnent-du-terrain-en-kabylie-et-interdisent-les-traditions-locales-ar/>

В 1994 г. был обнародован декрет, провозгласивший преподавание берберского языка в школах, по крайней мере на этапе начального образования. В 2001 г. король страны Мухаммед VI впервые объявил о признании берберского официальным языком. В июле 2011 г. это было закреплено новой конституцией⁶.

Если в тексте предыдущей конституции Марокко определялось как государство «мусульманское, африканское и являющееся частью Великого Арабского Магриба», то в новой конституции говорится о его идентичности как совокупности арабо-исламского, берберского, сахарского компонентов. Они на протяжении веков, гармонично сочетаясь, сформировали уникальную марокканскую нацию⁷.

Берберские организации и ассоциации приняли активное участие в массовых протестах «марокканской весны». Однако они протестовали под общими лозунгами, не выдвигая своих особых требований.

В то же время сообщают о недовольстве берберов фактами их дискриминации, в частности это касается записи их гражданского состояния. Так, например, официальные органы отказываются регистрировать личные имена берберского происхождения, отличные от арабских.

Как видно, преподавание берберского языка продвигается медленно. В 2012 г. только 2 % школ и 15 % учеников страны, согласно данным властей, имели доступ к его изучению.

Весьма противоречива ситуация с использованием графики берберского языка (точнее, туарегских языков/диалектов), известной как тифинаг. В 2003 г. марокканский парламент её официально одобрил⁸.

Другая проблема: берберский язык в Марокко делится на 3 (или 4) отдельных диалекта (или языка) в зависимости от географии – север, центр и юг – это, соответственно, тарифит, собственно тамазигт и ташельхит; в литературе упоминается также малочисленный тазнатит на востоке страны.

Все эти проблемы курирует Королевский институт по изучению культуры амазигов, который функционирует уже 15 лет.

Ливия

В Ливии бербероязычное население составляет примерно 10% всех жителей. Оно в основном сосредоточено на западе страны, в горах Нефуса, и по своим верованиям близко к ибадитам.

К нему относятся также туареги, кочующие в большом регионе – от оазиса Гат до Тимбукту в Мали. Туареги – мусульмане, но роль ислама у них минимальна, сильно влияние некоторых местных культов. Женщина в туарегском обществе равна в правах с мужчиной, а в племенах даже прослеживаются элементы матриархата.

Выходцы из берберов не были в числе фаворитов Муамара Каддафи и занимали в иерархии власти скорее второстепенное положение. Большая часть туарегов, находившихся на территории современной Ливии, были пришлыми кочевниками из соседних Алжира, Нигера и Мали, часто не имеющими паспортов.

Используя стремление пришлых туарегов к оседлости и интеграции в общество, власти Каддафи предоставляли группам кочевников ливийское гражданство в обмен на их лояльность и службу в армии и силах безопасности страны.

После того как режим полковника Каддафи пал, сотни туарегов, поддержавших его, бежали к своим соплеменникам в Мали и в Нигер. Другие их вооружённые сородичи были вовлечены руководством повстанцев – из так называемой бригады Зинтана на западе страны – в войну.

⁶ Chaker S. La question berbère dans le Maghreb contemporain : éléments de compréhension et de prospective [Electronic resource]. – URL: http://www.unesco.org/culture/fr/indigenous/Dvd/pj/IMAZIGHEN/AMAZC4_6.Pdf

⁷ Alilat F. et al. Afrique du Nord: l'Internationale berbère entre érosion et résistance [Electronic resource]. – URL: <http://www.jeuneafrique.com/135822/politique/afrique-du-nord-l-internationale-berb-re-entre-rosion-et-r-sistance/>

⁸ Весьма несовершенный как система письма [4, с. 118–119], тифинаг в его исторической форме серьёзного практического значения никогда не имел и использовался туарегами в быту в значительной степени как своего рода гибрид письменности и традиционного орнамента. В XX в. была разработана его модифицированная и усовершенствованная версия – неотифинаг, приближенная к стандартам алфавитного письма. В 1980–1990-х гг. его использование в Марокко было запрещено (URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Tifinagh>), однако потом ситуация изменилась, и тифинаг стал рассматриваться как полезный третий участник в культурном противостоянии арабской и латинской письменностей, особенно после признания в 2011 г. стандартного марокканского тамазигта вторым национальным языком страны наряду с арабским (ст. 5 Конституции 2011 г. [Electronic resource]. – URL: <https://www.ethnologue.com/country/MA/status>). Ранее одобрена парламентом и королем была именно модифицированная версия тифинага. – Прим. ред.

Туарегов направляли воевать в защиту «Революции 17 февраля» в оазис Гадамес в сентябре 2011 г. и в мае 2012 г. Это – стратегически важный оазис на северо-западе Ливии, на стыке ливийской, тунисской и алжирской границ и пересечении традиционных торговых путей, населённый берберами; он потенциально богат нефтью и газом.

В боях против каддафистских сил участвовали и повстанцы из берберских районов гор Нефуса. Ряд бербероязычных деятелей вошли в состав Переходного национального совета Ливии, созданного в ходе восстания.

После коллапса институтов государственности, последовавшего за свержением Каддафи, в разных уголках Ливии разгорелись притупленные ранее силой племенные распри, оживились и сторонники берберского партикуляризма. Они пошли в политику, стали самоорганизовываться, развернули активную кампанию в СМИ и социальных сетях, подняв на щит проблему «маргинального положения» своих сородичей – граждан Ливии.

По их словам, «медвежьи углы», населённые берберами, при прошлом режиме были брошены на произвол судьбы с точки зрения обустройства, и блага цивилизации были в них менее доступны по сравнению с городами побережья Средиземного моря.

Активисты апеллируют к новым властям с целью изменить подобную ситуацию, обеспечить защиту своих социальных и культурных прав, признать берберский язык, ввести его в государственное и т. д.

В 2013 г. власти Ливии предоставили квоту в 6 депутатских мест представителям берберских меньшинств – берберам и туарегам на выборах 200-местного временного парламента. Это решение, однако, было встречено критикой со стороны берберской элиты, которая посчитала такую квоту недостаточной.

Активисты проберберского толка ныне громко утверждают, что амазиги составляют «пятую часть» населения Ливии, включая туарегов-кочевников и племя тубу, живущее на юге Ливии.

В этих условиях берберский вопрос не раз обсуждался на заседаниях Всеобщего Национального Конгресса (тогдашнего временного парламента) Ливии. Его председателем с июня 2013 г. по август 2014 г. был бербер Нури Абу Сахмин из города Зуvara⁹.

Парламент принял закон, провозгласивший берберский и туарегский (рассматриваемые в данном случае как разные языки) компонентами лингвистического и культурного достояния общества и анонсировал право граждан изучать их в местах распространения.

Однако проберберские активисты призывают к закреплению этих решений в новой конституции, которая ещё только разрабатывается. Они жалуются на засилье в комиссии по разработке конституции арабских представителей: из его 56 членов всего 2 бербера. Раздаются требования отразить в государственной символике Ливии берберскую специфику.

Берберы не раз устраивали пикеты и демонстрации как в Триполи, так и в местах своего массового проживания. Их участники угрожали перекрыть нефте- и газопроводы, проходящие через территории с бербероязычным населением. Это, в частности, нефтепроводы, которые идут от месторождения Аль-Вафа в 50 км от г. Налут к средиземноморскому побережью. В сентябре 2013 г. акции протестантов привели к временной остановке перекачки нефти.

Проберберские активисты, пользуясь правом на создание партий, общественных и политических организаций в новой Ливии, приступили к созданию своих организаций. Об этом говорит деятельность Высшего совета амазигов (ВСА).

В августе 2015 г. в Ливии прошли выборы ВСА на территориях, где относительно компактно проживает бербероязычное население. Это – горы Нефус, города Каляя, Ифрен, Джаду, Рахейбат, Кабау, Налут, Вазин, Зуvara, Тагма, Джиржин и Тамзин. В октябре того же года состоялась передача полномочий новому составу ВСА в количестве 27 человек на срок в течение двух лет¹⁰.

Руководители Совета, штаб-квартира которого находится в Триполи, не скрывают намерения сделать его организацией, представляющей интересы всего бербероязычного сегмента населения Ливии. Они претендуют на то, чтобы Совет стал ядром парламента, который возьмёт на себя курирование всей жизни и деятельности, в том числе законодательной в населённых берберами районах Ливии.

В феврале 2017 г. ВСА постановил вести тамазигт в качестве официального языка в тех регионах и городах, где компактно проживает берберское население страны.

⁹ Впоследствии он же до апреля 2016 г. возглавлял Новый Всеобщий Национальный Конгресс Ливии. – *Прим. ред.*

¹⁰ Абу Захар Ф. С. Амазиги и Правительство национального согласия Ливии (на араб. яз.) [Электронная версия]. – URL: <http://archive2.libya-al-mostakbal.org/news/clicked/81474>

Это было ответом берберского лобби на нежелание нынешних властей сделать берберский язык государственным наряду с арабским в проекте разрабатываемой конституции. Полагают, что на этом языке будет вестись делопроизводство, преподавание в школах, дублироваться надписи на дорогах и в учреждениях и т. д.

По заявлениям членов ВСА, в нынешнем внутреннем конфликте (в Ливии с лета 2014 г. царит двоевластие: один его полюс во главе с Серраджем — в Триполи, другой — на востоке страны, в Тобруке) они не хотят принимать ту или иную сторону и втягиваться «в гражданскую войну».

В тоже время, согласно высказываниям ряда активистов, некоторые вооружённые отряды берберов вначале сотрудничали с армией «Ливийской зари» — боевой структурой правительства Триполи, но затем прекратили это.

При этом ряд групп боевиков-берберов дислоцируется в Триполи для охраны экономических и прочих интересов бербероязычных беженцев — жителей Ливии, которые были вынуждены покинуть свои родные места в результате военных действий.

В частности, речь идёт о защите имущества и безопасности жителей селения Варшефана, которые, по утверждениям берберских источников, подвергаются разного рода ущемлениям и дискриминации на расовой почве. Селение находится в 20 км от Триполи¹¹.

Активисты ВСА также выражают недовольство тем, что берберов не привлекают к участию в переговорной сфере с целью поиска развязок для нынешнего противостояния между Триполи и Тобруком в Ливии.

В частности, речь идёт о соглашении в Схирате (Марокко) в 2015 г., которое предусматривало начало процесса создания единых общенациональных структур управления в стране. Пока что попытки ООН, ЕС, соседних и других стран примирить оппонентов на базе этих договорённостей и толкнуть на взаимный компромисс буксуют.

Что касается оценки действия и риторики берберских активистов в Ливии, то ряд ливийских исследователей смотрит на желания своих коллег обособиться и изолироваться от нынешних событий с подозрением.

Это, по мнению экспертов, созвучно замыслам западных стран разделить ряд арабских государств, переживающих кризис после «арабской весны», на кантоны или образования по географическому, этническому или другому признаку.

Стремление некоторых берберских деятелей противопоставить себя всему арабскому под предлогом защиты своей идентичности необоснованно, подчёркивают эти авторы. Само по себе определение «арабский» характеризует этот феномен, в основе которого больше лежит не принадлежность по крови или родовому происхождению, а общий духовно-культурный генезис¹².

Арабская культура на Севере Африки на протяжении веков втянула в свою орбиту представителей самых разных этносов и народностей и обогатила их многочисленными знаниями, толкнула их развитие вперед.

По словам бывшего главы Высшего совета амазигов Ибрагима Махлюфа, нелогично требовать права и свободы для берберов в стране, где вооружённый конфликт всё больше разгорается. Сама центральная власть раздроблена, неустойчива, и в этих условиях давить на неё с требованиями непродуктивно. Лучше всего привлечь на помощь инстанции ООН.

Тунис

В Тунисе также наблюдается оживление проберберских настроений, хотя берберы составляют не более 1 % всего населения этой страны. Вотчиной берберов считается небольшой остров Джерба. На Джербе в основном живут остатки последователей местной исламской секты — ибадитов.

Это дальние родственники и последователи хариджизма — направления, появившегося на самой заре ислама. Они проповедовали такие принципы, как равенство, чистоту нравов и то, что мы бы сейчас назвали пуританизмом.

На небольшом острове насчитывается 213 мечетей, построенных местными берберами. Немало джербинцев держат семейные лавки во многих городах Туниса. Их общину отличает дух сплочённости и взаимопомощи. До сих пор существует запрет вступать в брак за пределами

¹¹ *Аш-Шалави Х.* Волны кризиса амазигов (на араб. яз.) [Электронная версия]. — URL: <http://www.aljazeera.net/home/print/6c87b8ad-70ec-47d5-b7c4-3aa56fb899e2/db992e2a-cf76-4ab2-a927-201630745d3c>

¹² Член Высшего совета амазигов: У нас нет отношений с Ираном (на араб. яз.) [Электронная версия]. — URL: <http://aawsat.com/home/article/539651>

этой общины.

После свержения Бен Али возник ряд берберских организаций, выступающих за восстановление и популяризацию древнего наследия амазигов как части достояния всего тунисского народа. В их числе Ассоциация амазигов Туниса.

Мавритания

Формирование современного населения Мавритании связано с арабо-берберской миграцией с севера, принесшей ислам и определившей современный облик страны, и волной переселенцев с юга, из Чёрной Африки.

Нынешний состав населения мозаичен и представлен потомками арабов из различных племён, берберов-зенага, а также смешанным арабо-берберским населением, говорящим на арабском диалекте хасанийя, и чернокожими народностями. Последние составляют около 30 % от общей численности жителей (всего в Мавритании проживает 3,4 млн человек)¹³.

В мавританском обществе имеются ряд «каст» и социальных прослоек, существование которых уходит корнями в далекое прошлое и обусловлено сложным наложением арабского господства на некогда главенствующий берберский социально-этнический субстрат.

Чисто берберский элемент, представленный племенами зенага, составляет небольшой процент и в условиях идущей массовой арабизации в конечном счете, видимо, сойдёт на нет.

* * *

Берберский фактор в Северной Африке нужно рассматривать в связи с идущими процессами консолидации населения в единую общность и формированием общегражданского сознания в каждом отдельном государстве региона. Они стимулируются сверху властями при опоре на национальную страновую идеологию и с использованием «сильной руки» административного ресурса.

Введение современного образования, меры по экономической интеграции населения, быстрая урбанизация, распространение смешанных браков, активно проводящаяся сверху арабизация способствуют размыванию идентичности берберов и вовлечению их в общий хозяйственно-административный комплекс.

При этом бербероязычное население живёт в североафриканском регионе в целом рассеянно, хотя есть и отдельные анклавные их массового сосредоточения. Их сближает языковое родство, но различия в локальных диалектах весьма велики и позволяют поставить под сомнение единство берберского языка.

Для берберов характерна социальная пестрота: от населения в крупных городах до отдельных оазисов, где ещё сильны родоплеменные связи.

Различна и степень религиозности амазигов: от сектантов – ибадитов, приверженных строгим нравам раннего ислама и живущих в рамках замкнутых общин, до туарегов, которые весьма поверхностно усвоили каноны религии, совмещая их с чертами матриархата.

В то же время осознание индивидуальности и своей идентичности у берберов остаётся, и в последние десятилетия наблюдаются признаки его подъёма. Причины этого феномена – разные. Одна из главных – протесты из-за нежелания жить на обочине развития, которые часто принимают этническую окраску.

Налицо требования берберского сообщества по всему Магрибу помочь сохранению своего языка, культурного достояния, семейных традиций, что порою является реакцией на наступление политического ислама, особенно джихадистского толка в результате «арабской весны». Из недр общества вышли на арену политики, и всё громче заявляют о себе новые силы, часто позиционирующие себя как исламские, радикально настроенные, и они требуют своего места под солнцем [2; 3].

Адепты крайнего ислама культивируют идеи своего превосходства над национальными или этническими меньшинствами, которые, по их утверждениям, отошли от «правильного пути», погрязли в «отступничестве» и других пороках.

Свержение лидеров в ряде стран привело к ослаблению авторитета государства и его институтов, расшатыванию стабильности общественного порядка, откату назад по многим показателям качества жизни. Это вызвало у берберских фракций ответ – усиление сплочённости

¹³ Мавритания: линия раскола (сайт «Арабский мир») [Электронный ресурс]. – URL: <http://arabmir.net/node/3026>

в рамках более узкого социума: семьи, клана, общины. Выразителем и инициатором таких тенденций выступает берберская, обычно европейски образованная элита. Она акцентирует внимание на культурной общности амазигов, их общих корнях, превозносят дух сплочённости и доблести, которыми отличались их предки, внесшие большой вклад в генезис и формирование народов Северной Африки.

Некоторые из экспертов склонны называть подъём самосознания и консолидацию берберов в регионе «берберской весной» по примеру «арабской весны» 2011 г. Они считают, что у берберов есть шанс обрести статус этноязыкового меньшинства, что позволит получить определённые права и льготы.

Берберские активисты позиционируют себя сторонниками проведения более широких реформ в своих странах в интересах введения этноконфессионального плюрализма, ограничения авторитаризма властей и т. д. Они часто прибегают к левопопулистским лозунгам и риторике и всё чаще выходят на международную арену, стремясь интернационализировать свои проблемы.

В то же время рядом экспертов высказываются и мнения о том, что берберская элита ещё отстаёт от событий, что она интегрирована в административные структуры стран Магриба, а её политические партии — верхушечны.

С 1995 г. существует так называемый Мировой конгресс амазигов (МКА, фр. Congrès Mondial Amazigh). Он создан во Франции после крупной международной встречи делегатов от различных социо-культурных берберских ассоциаций из Северной Африки и диаспоры.

Основной целью Конгресса является информирование мировой общественности о положении берберских меньшинств, их чаяниях и заботах. МКА также занимается координацией и поддержкой работы разных общественных берберских организаций и отдельных активистов, которые выступают в защиту и за продвижение прав берберов. Он постоянно апеллирует к различным политическим партиям и правозащитным организациям во Франции и на Западе. Штаб-квартира МКА — негосударственной общественной организации находится в Париже.

За прошедшее время в различных странах было проведено несколько конгрессов МКА, однако несколько лет назад в работе конгресса наметился раскол, приведший к появлению двух параллельных организаций. Одна из них в 2011 г. поменяла название и стала именоваться Мировой ассамблеей амазигов (*Assemblée Mondiale Amazighe*).

В 2015 г. прошёл 7-й конгресс МКА в Агадире (Марокко), его президентом была избрана 37-летняя активистка берберского движения из Алжира Камира НAIT Сид¹⁴.

Берберы были и остаются неотъемлемой частью общецивилизационного и культурного развития Северной Африки. Они были постоянно втянуты в орбиту событий, сформировавших сегодняшние общественно-экономические и политические реалии Магриба. Поэтому вырывать их из контекста общности судеб народов этого региона противоестественно и попросту невозможно.

Berber Factor in North Africa: Common Features and Local Peculiarities

Yuri Zinin, PhD (Cand. of Sci., History)

Senior Researcher, Civilizations' Partnership Center
Institute for International Studies, MGIMO-University.
119454, 76 Vernadsky Ave., Moscow. E-mail: zinin42@mail.ru

Summary. *The article considers a place and influence of Berber-speaking communities in each of five countries of the North Africa: Algeria, Morocco, Libya, Mauritania and Tunis.*

After gaining the independence, demands are growing in all these states to recognize cultural, regional, and sometimes political peculiarities of Berbers.

The situation in every country is different due to local conditions and background of interactions of Amazigs (self-designation of Berber) with the Arab speaking majority, as well as their participation in political processes.

¹⁴ *At Ali L.* Kamira Nait Sid, présidente du Congrès Mondial Amazigh (portrait) [Electronic resource]. — URL: <http://amazigh24.ma/kamira-nait-sid-presidente-du-congres-mondial-amazigh-portrait/>

The author investigates and discuss the impact of the Arab Spring on the rise of self-consciousness, solidarity and consolidation of Amazig minority. It is Berber, often European educated elite which usually expresses and propagates such conceptions and trends.

Keywords: *North Africa, Algeria, Morocco, Libya, Mauritania, Tunis, Berbers, Arabs, identification, Kabil.*

Литература / References

1. Дьяконов И. М. Введение. Афразийские языки // Языки Азии и Африки. Т. IV, кн. 1. Семитские языки. — М.: Наука, 1991 (*D'jakonov I. M. Introduction. Afrasian languages // Languages of Asia and Africa. Vol. IV, book 1. Semitic languages. — М.: Nauka, 1991; D'jakonov I. M. Vvedeniye. Afrazijskije jazyki // Jazyki Azii i Afriki. Tom 1, kniga 1. — М.: Nauka, 1991.*
2. Зинин Ю. Н. «Арабская весна» на повестке дня научной общественности России // Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сборник статей / Отв. ред.: В. В. Наумкин, В. В. Попов, В. А. Кузнецов. — М.: Институт востоковедения РАН, 2012 [Zinin Ju. N. “Arab Spring” on the agenda for the scientific community of Russia // Near East, Arab Awakening, and Russia: What is the Next? / A collection of papers ed. by Naumkin V. V., Popov V. V., Kuznetsov V. A. — Moscow: Institute for Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2012; Zinin Ju. N. “Arabskaja vesna na povestke dn’ja nauchnoi obschestvennosti Rissiji // Blizhnii Vostok, arabskoje probuzhdenije i Rossija: chto dal’she? Sbornik statei / Отв. ред. Naumkin V. V. Popov V. V., Kuznetsov V. A. — М.: Institut Vostokovedenija Rossijskoj Akademii Nauk, 2012].
3. Федорченко А. В., Крылов А. В., Торин А. И. «Арабская весна»: итоги и перспективы (круглый стол в МГИМО) // Вестник МГИМО-Университета, 2012. № 4 (25). С. 296–299 [Fedorchenko A. V., Krylov A. V., Torin A. I. “Arab Spring”: the outcomes and prospects (Round Table at the MGIMO University) // Vestnik MGIMO-University. 2012. no. 4 (25), p. 296–299; Fedorchenko A. V., Krylov A. V., Torin A. I. “Arabskaja vesna”: itogi i perspektivy. “Arab Spring”: the outcomes and prospects (Round Table at the MGIMO University) // Vestnik MGIMO-Universita. 2012, No. 4 (25), c. 296–299].
4. Фридрих И. История письма. Пер. с нем. / Отв. ред. И. М. Дьяконов. — М.: Наука, 1979. [*Friedrich J. Geschichte der Schrift. Heidelberg, 1966; Fridrikh J. Istorija pis'ma. Ed. by I. D'jakonov. — М.: Nauka, 1979.*]

Ю. С. Кудряшова

Курдский вопрос на фоне войны в Сирии

Кудряшова Юлия Сергеевна, канд. ист. наук, ст. науч. сотр.
Центра евро-атлантической безопасности
Института международных исследований МГИМО МИД России.
119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: kudryashova_jul@mail.ru

Аннотация. На сегодняшний день в Ираке и Сирии мотивация курдов к созданию национального государства проявляется сильнее, чем усилия верховной власти по централизации этих стран. Региональное правительство Иракского Курдистана сумело добиться множества полномочий, позволяющих проводить независимую от федеральных властей политику. Сирийские курды, сдерживая распространение гражданской войны на свою территорию, стремятся к официальному оформлению автономного самоуправления. В случае объединения населённых курдами районов вблизи границы Сирии с Турцией станет возможным провозглашение автономного образования Сирийский Курдистан. Федерализация Сирии создаёт значительную угрозу территориальной целостности Турции, на южной границе которой обретёт официальный статус союзническое турецким курдам образование. Однако ведущие ближневосточные и западные державы заинтересованы в сохранении нынешних границ Ирака, Сирии и Турции.

Ключевые слова: курды, Сирия, Турция, Ирак, «Исламское государство».

Численность курдов, проживающих на территориях Ирака, Ирана, Сирии и Турции, составляет приблизительно 40 млн человек. На сегодняшний день в Ираке и Сирии мотивация курдов к созданию национального государства проявляется сильнее, чем усилия верховной власти по централизации этих стран, особенно это касается Багдада. Сирийские и иракские курды по вероисповеданию являются суннитами, но они придерживаются светской идеологии и не могут быть союзниками суннитских радикалов. Курды обладают собственным ополчением – пешмерга, которое представляет собой хорошо обученное боеспособное военное формирование, поэтому США опираются на них в борьбе с организацией так называемое «Исламское государство» (ИГ)¹. Курдские вооружённые отряды проявляют себя эффективнее, чем правительственные армии, в боях с джихадистами. Действия курдских партизан больше не расцениваются США как террористические, а воспринимаются как национально-освободительная борьба за создание расширенной автономии.

В Ираке вследствие американского вторжения центральное правительство в Багдаде потеряло рычаги управления страной. В условиях американской оккупации официальный Багдад в 2003 г. был вынужден принять конституцию, предоставляющую широкую автономию иракским курдам. Однако данный шаг по децентрализации привел к политической недееспособности центрального руководства. Напротив, региональное правительство Курдистана сумело добиться множества полномочий, позволяющих проводить независимую от федеральных властей политику. Численность населения автономии составляет почти 5 млн человек. Политическая система, основанная на проведении всеобщих выборов, позволила объединиться соперничаю-

¹ Запрещенная в России террористическая организация.

щим кланам и распределить власть в формате коалиции. В региональный парламент входят не только фракции кланов Барзани и Талабани, но и оппозиционные партии и даже депутаты от национальных меньшинств: туркменов, ассирийцев и армян. Тем не менее влияние представителей меньшинств настолько незначительное, что парламентская система Курдистана по сути является лишь демократическим фасадом, так как реальная оппозиция, которая предлагала бы альтернативу правящим кланам, полностью ликвидирована. При этом Иракский Курдистан остаётся единственным регионом в арабском мире, где демократические достижения и политическая система в наибольшей степени приближается к стандартам США.

Всего через несколько лет после официального оформления курдская автономия продемонстрировала впечатляющие достижения в своём развитии, особенно в сфере обеспечения безопасности и строительства жилья, отелей, инфраструктуры. Жизнеспособность данного образования обеспечивается благодаря экспорту нефти. Как видно, наличие крупнейших нефтяных месторождений не объединяет Ирак, а усугубляет его раздробленность. Иракский Курдистан формирует автономный бюджет, обладает суверенитетом над нефтяными скважинами и даже осуществляет экспорт энергоресурсов, отказываясь отчислять долю прибыли в виде налогов в федеральный центр. В учебных заведениях на территории автономии преподавание ведётся на курдском языке. Иракское правительство, насколько хватает сил, пытается остановить дальнейшую автономизацию курдов, чтобы окончательно не потерять богатые нефтяные месторождения.

Правительство автономии проводит независимую внешнюю политику, налаживая торгово-экономические связи с другими странами. Иракский Курдистан имеет дипломатические представительства в ведущих государствах мира и принимает на своей территории более 30 зарубежных консульств.

Прагматичная внешняя политика Эрбиля позволила привлечь значительные турецкие инвестиции. Несмотря на запрет иракского правительства, курдский Киркук экспортирует нефть в турецкий Джейхан. В 2013 г. курдское правительство ввело в эксплуатацию трубопровод для поставок нефти к Средиземному морю через Турцию. В Киркуке расположено около 30 % нефтяных месторождений Ирака². Это составляет приблизительно 7 % мировых запасов нефти. Турецкое руководство рассматривает недра Иракского Курдистана как альтернативу поставкам из России и Ирана. Против энергетического сотрудничества Турции с курдской автономией выступают США, отмечая, что оно поддерживает сепаратизм и усиливает дестабилизацию Ирака. «Вашингтон высказался против трубопровода и даже приступил к обсуждению с Тегераном перспектив регионального сотрудничества» [3, с. 113]. Турция является основным торгово-экономическим партнёром и транзитным коридором для Иракского Курдистана. Поэтому президент-курд Барзани медлит с предоставлением помощи сирийским курдам из-за того, что последние поддерживают союзнические отношения с турецкой «Курдской рабочей партией» (КРП).

Курдское ополчение пешмерга в настоящее время объявлено составной частью государственной армии Ирака. Курдские отряды воюют против ИГ совместно с христианскими и езидскими ополченцами. Шиитское правительство в Багдаде вынуждено взаимодействовать с курдами для противостояния радикальным суннитам. Правда, иракская национальная армия, в отличие от курдов, предпочитает отступать, избегая прямых столкновений с боевиками ИГ. В июле 2016 г. США подписали с иракскими курдами меморандум о взаимопонимании и военном сотрудничестве. В меморандуме оговариваются условия предоставления отрядам пешмерга военной и финансовой помощи.

В Сирии курды компактно проживают на северо-востоке и северо-западе страны и, сдерживая распространение гражданской войны на свою территорию, стремятся к официальному оформлению автономного самоуправления. Этот регион также обладает нефтяными месторождениями. Курды последовательно укрепляют автономные административные институты в трёх кантонах вблизи границы с Турцией – Африн, Эль-Хасака, Кобани, – сформировав собственное временное правительство еще в 2013 г. В случае объединения этих районов станет возможным провозглашение автономного образования Курдистан.

С самого начала гражданской войны в Сирии, чтобы остановить сепаратистское движение, Турция начала осуществлять воздушные атаки на ополченцев сирийских курдов. Нарастающая угроза со стороны Турции вынудила объединиться в октябре 2014 г. ведущие военно-полити-

² Kurdpress News Agency, July 12, 2016.

ческие группировки сирийских курдов: «Партию Демократический союз» и «Отряды народной самообороны». «Демократический союз» политически тяготеет к шиитской стороне конфликта, на которую опирается Асад. «Отряды народной самообороны» воюют против ИГ совместно с арабскими и ассирийскими ополченцами, сформировав альянс «Сирийские демократические вооружённые силы». «Отряды народной самообороны» курдов, воюющие с ИГ на севере Сирии, поддерживаются Россией, США, Францией, Германией и Норвегией. Эти государства обучают курдских ополченцев, поставляют им разведывательную технику и вооружения. Американские специалисты модернизируют авиабазу на северо-востоке Сирии и оказывают логистическую поддержку курдским отрядам. Разрозненная сирийская оппозиция, пытавшаяся представлять суннитское большинство Сирии, оказалась некомпетентным партнёром, не пользующимся доверием среди местного населения. В 2014 г. стало известно, что «умеренная оппозиция» передает американское оружие боевикам ИГ, поэтому финансовая помощь оппозиционерам была приостановлена. Единственной альтернативой правительству Асада в борьбе с ИГ остались курды.

Снабжение курдских ополченцев американским оружием и новым защитным снаряжением вызвало возмущение Анкары и способствовало охлаждению отношений США и Турции. При этом для Вашингтона ослабление позиций Турции в конфликте означает рост влияния Ирана и правительства Асада. Чтобы не ставить под угрозу сотрудничество с Турцией, США ограничились доставкой оружия курдам, и на данный момент пешмерга оснащена вооружениями намного хуже, чем ИГ.

В ответ на российское участие в сирийских событиях в октябре 2015 г. США создали альянс «Демократические силы Сирии», состоящий из примерно 30 тыс. бойцов курдских отрядов самообороны и сирийских христиан³. Альянс представляет собой сухопутное ополчение для сражений с ИГ. США поставляют «Демократическим силам» вооружение и бронированные машины. Вашингтон рассчитывает в дальнейшем опереться на стремящихся к автономии курдов при отстранении от власти правительства Асада. Основной недостаток курдов как американских союзников в том, что наряду с боевиками ИГ они сражаются с «умеренной оппозицией», поддерживаемой США.

В 2014 г. американская авиация поддерживала курдских ополченцев, оказавшихся в осаждённом городе Кобани рядом с турецкой границей, курдам поставлялось американское оружие. Одновременно Турция пропустила через свою границу боевиков Джебхат ан-Нусра и Ахрар аш-Шам, воюющих с сирийскими курдами. Турция негласно поддержала боевиков ИГ в сражении под Кобани, перекрыв границу подкреплению курдским ополченцам в осаждённом городе. Турция полагалась на союзнические отношения с боевиками ИГ, чтобы их руками подавить набирающее силу национальное движение курдов. «Действительно, поражение Исламского государства консолидирует курдское движение в треугольнике Ирак – Сирия – Турция» [2, с. 89]. Отвергающие радикальный исламизм и выступающие за светские основы курды являются в первую очередь идеологическими противниками джихадистских террористических организаций.

Последствием логистической поддержки боевиков и предоставления им свободного доступа на турецкую территорию стало создание разветвленной сети и инфраструктуры ИГ непосредственно в Турции. С 2015 г. джихадисты из ИГ уже не ограничивались сражениями с курдами, а приступили к террористической деятельности на турецкой территории. Вероятно, можно говорить о тысячах боевиков, действующих в ячейках ИГ в Турции. Избрав тактику сдерживания курдского движения через содействие террористам, Турция импортировала дестабилизацию из Сирии на свою территорию.

Присутствие российских военных в Сирии вынудило Турцию прекратить воздушные атаки на курдских ополченцев и в целом ограничило роль Анкары при определении дальнейшей политической судьбы региона. В западной прессе Россия выставляется как заинтересованная сторона в эскалации курдского движения с целью ослабления Турции и сохранения Сирии в сфере своего влияния [4]. После начала частичного вывода российских войск из Сирии партия сирийских курдов «Демократический союз» объявила о создании федеральной курдской автономии. «Демократический союз» в формате неправительственной организации имеет представительство в России. Москва настаивает на вовлечении курдов в женеvский переговорный процесс. При этом Россия высказывается против идеи США о федерализации Сирии. Речь идёт о создании федеративного региона под контролем партии «Демократический союз» на севере Сирии.

³ Hürriyet, February 10, 2017.

Тем не менее в Женеве и Астану члены «Демократического союза» не были приглашены как самостоятельная группа, возможно, потому что их политический вес намного значимее, чем у всех остальных участников, а также из-за враждебного отношения партии к исламистам и протестов Анкары. Интересы сирийских курдов были представлены «Курдским национальным советом». Зато каждая группа переговорщиков пыталась заручиться поддержкой курдов с целью укрепления своего авторитета. Сирийские курды подчёркивают, что проведение переговоров без их участия бессмысленно, так как они представляют одну из крупнейших этнических групп региона. Вместе с тем курды соглашались присоединиться к какой-либо стороне на переговорах из-за потребности в связующем звене с западными и арабскими государствами.

«Демократический союз» поддерживает тесные связи с «Курдской рабочей партией», борющейся за независимость турецких курдов. Действительно, в управленческой структуре КРП встречаются представители сирийских курдов. США признают КРП террористической организацией. Турецкие курды были замечены в рядах сирийских ополченцев. «Отряды народной самообороны» и «Курдская рабочая партия» взаимодействуют при посредничестве Ассоциации обществ Курдистана. Поэтому Турция заявляет, что «Отряды народной самообороны сирийских курдов» тоже являются террористической организацией. В данных обстоятельствах федерализация Сирии и признание международным сообществом курдской автономии создает значительную угрозу территориальной целостности Турции, на южной границе которой обретёт официальный статус союзническое сепаратистам образование. Турецкое руководство подчёркивает, что не позволит создать связанную с террористами КРП автономию сирийских курдов вблизи своей границы.

Турция продолжает оказывать помощь боевикам, сражающимся с курдами под Алеппо. «Поддерживая ряд фракций сирийской оппозиции, борющихся за свержение президента Асада, Анкара льёт воду на мельницу усиления активности ИГИЛ против национальной армии» [1, с. 142].

Если курдские ополченцы одержат победу, они смогут соединить восточную и западную части сирийского Курдистана, тогда обширный регион вблизи турецкой границы окажется под контролем курдов. Чтобы не допустить объединения районов Африн и Кобани под эгидой партии «Демократический союз», Анкара в августе 2016 г. начала операцию «Щит Евфрата» совместно со Свободной сирийской армией.

Президент Асад подчёркивает, что «Демократический союз» является подконтрольной Вашингтону партией предателей и сепаратистов [5]. Но, несмотря на то что сирийские власти отрицательно относятся к попыткам образования этнических анклавов, правительственные войска вынуждены воевать совместно с курдским ополчением против ИГ, Джебхат Фатах аш-Шам и прочей «оппозиции». В сложившейся ситуации стремящиеся к автономии курды представляют меньшую угрозу для правительства Асада, чем поставившие цель свергнуть правящий режим суннитские радикалы. В частности, «Отряды народной самообороны» сражались совместно с правительственными войсками в районе Алеппо.

Курдские ополченцы довольно успешно воюют с боевиками ИГ, и благодаря этому их национальное движение в Сирии получило политическую легитимность и международное признание. Однако в новой конституции Сирии предполагается предоставить курдам не политическую, а пока лишь культурную автономию. Некоторым регионам будет предоставлено право самим назначать губернаторов. Согласно опросу, проведённому организацией Dagen Efer, 80 % сирийских курдов выступают за федерализацию Сирии и автономное самоуправление. Одновременно 78 % арабского населения не поддерживают этнического размежевания страны. Следует учитывать, что президент Асад может использовать курдское движение для дестабилизации Турции. С другой стороны, стремление любой ценой подавить курдское движение за создание национальной автономии является, пожалуй, единственным связующим звеном для налаживания отношений Асада с Эрдоганом.

Согласно статье 66 Конституции Республики Турция, все граждане государства являются турками. Данное положение представляется важным фактором внутривнутриполитической нестабильности. В 2013 г. Эрдоган подготовил план интеграции активистов КРП в турецкое гражданское общество. С функцией посредника на переговорах между руководством Турции и представителями КРП успешно справился президент Иракского Курдистана Масуд Барзани. Боевики КРП частично переместились на военные базы, расположенные в курдской автономии Ирака, некоторые отправились воевать в Сирию. Вместе с тем перемирие, заключённое между турецким правительством и КРП, было использовано организацией для перевооружения и укрепле-

ния позиций на территории Турции. Более того, КРП, число участников которой достигает 2 тыс. человек, начала работу над созданием собственных административных институтов на юго-востоке Турции. Внешним фактором возобновления курдского сопротивления стало вмешательство Анкары в сирийскую войну на стороне исламистских организаций, что усугубило хаос в регионе. В результате попытка невоенного решения курдской проблемы провалилась.

Мирные переговоры, проводившиеся на протяжении двух лет, были прерваны в июле 2015 г. Турецкие власти вынуждены были использовать армию для подавления сепаратистских выступлений на юго-востоке. В августе Эрдоган подписал указ о наделении регионального военного командования дополнительными полномочиями. В сентябре было издано постановление, согласно которому право определения уровня угрозы в регионах и принятия решений о начале боевых операций переходило от местной администрации к армии. Турецкие войска и спецслужбы начали длительную военную операцию против боевиков КРП на юго-востоке, итогом которой стали 1 200 погибших, 30 разрушенных городов, тысячи уничтоженных жилых районов и 350 тыс. оставшихся без крова [6]. В июле 2016 г. Турция возобновила авианалеты на боевиков КРП, базирующихся в лагерях в Северном Ираке.

Турецкое руководство размещает сирийских беженцев в районах компактного проживания курдов с целью формирования там смешанного этнического состава. Курды составляют приблизительно 20 % населения Турции. В Турции идут административные и уголовные процессы против активистов из университетской профессуры, подписавших петицию за мир на юго-востоке. С другой стороны, президент Эрдоган использовал осложнения с курдским населением на фоне попытки военного переворота в июле 2016 г. для объяснения введения чрезвычайного положения в государстве, которое сохраняется до настоящего времени, что способствует укреплению авторитарной системы. Военные действия против курдских сепаратистов позволяют Эрдогану завершить процесс установления полицейского режима в стране. В целом курдское сопротивление стало для Эрдогана инструментом подавления оппозиционных сил.

Таким образом, ключевым фактором, который будет определять дальнейшую судьбу региона, становится превращение Ирака и Сирии в конфедерации с обладающими широкой автономией курдскими регионами. В дальнейшем возможно завершение дробления Ирака и Сирии появлением этнически и конфессионально однородных анклавов: суннитского, шиитского и курдского. На первый взгляд создается впечатление о возможности объединения курдских автономий Ирака и Сирии. Однако иракские и сирийские курды преследуют различные геополитические цели и ориентируются на разных региональных игроков. Иракский Курдистан останется проамериканским образованием, в то время как сирийские курды, видимо, будут поддерживать союзнические отношения с Россией. Курдские отряды настолько раздроблены, что иногда между ними даже происходят вооружённые столкновения. Несхожие политические позиции курдских анклавов явно не будут способствовать созданию единого Курдистана. Между тем, шиитские Багдад и Тегеран могут быть заинтересованы в объединении иракских и сирийских курдов для создания буферного региона между суннитами Ирака и Сирии. Хотя на сегодняшний день Иран рассматривает появление курдской автономии в Сирии как угрозу своей территориальной целостности. Влияние Ирана прослеживается и на шиитский Багдад в вопросе будущего Иракского Курдистана. Иракскому правительству удалось достичь договорённости с США с целью не допустить прорыва пешмерга в Мосул в конце 2016 г. Тогда для Вашингтона «иранская сделка» представляла особую ценность.

Что касается граждан Ирака и Сирии, то они в основном выступают против распада своих государств. Центробежные явления в Ираке и Сирии несут значительную угрозу всему региону, способствуя развитию подобных сценариев в соседних странах, следствием чего станет новый виток межэтнических столкновений. Политическое усиление сирийских курдов обострит освободительную борьбу «Курдской рабочей партии» в Турции. Поэтому, экономически поддерживая широкую автономию Иракского Курдистана, Анкара стремится к сохранению территориальной целостности Сирии. В условиях наличия постоянного источника дестабилизации на своей границе и проблем во взаимоотношениях с западными странами Турция будет нуждаться в поддержке своей территориальной целостности со стороны России.

Очевидно, ведущие ближневосточные, а также западные державы заинтересованы в сохранении нынешних границ Ирака, Сирии и Турции. Западные страны нуждаются в поддержании стабильных отношений с Ираном и Турцией, поэтому будут стремиться не допустить распада Ирака и дробления на множество частей Сирии. Борьба курдов за независимость представляется Западу неисчерпаемым ресурсом для достижения собственных целей на Ближнем Востоке.

Курды являются единственной группой в регионе, готовой сражаться до последнего с джихадистами всех мастей вне зависимости от наличия внешней помощи. Поэтому именно курдов можно рассматривать в долгосрочном периоде как надёжных партнёров в труднопредсказуемом регионе. Осторожное использование курдской проблематики представляется действенным методом снижения влияния как США, так и Ирана на Ближнем Востоке и выравнивания политического дисбаланса в регионе в сторону России.

Kurdish problem against a background of the war in Syria

Yulia Kudryashova, senior researcher,
Center of Euro-Atlantic Security,
Institute for International Studies, MGIMO-University.
119454, 76 Vernadsky Ave, Moscow, Russia.
E-mail: kudryashova_jul@mail.ru

***Summary.** Presently Kurdish motivation for the creation of a national state is showed more strongly than supreme power's efforts on the centralization of Iraq and Syria. The regional government of Iraqi Kurdistan managed to seek after masses of powers which enabled to pursue an independent from federal establishment policy. Syrian Kurds checking the civil war in their territory aspire to the official legalization of autonomy. If areas populated by Kurds federate an autonomous region Syrian Kurdistan may be formed close to the border of Syria with Turkey. The federalization of Syria greatly endangers the territorial integrity of Turkey because at its south border the formation allied with Turkish Kurds will assume an official status. However, leading Middle Eastern and Western powers are concerned with the preservation of present Iraqi, Syrian and Turkish boundaries.*

***Keywords:** Kurds, Syria, Turkey, Iraq, Islamic State.*

Литература / References

1. *Зинин Ю. Н.* Феномен ИГИЛ: взгляд из Ближневосточного региона // Ежегодник ИМИ. 2015. № 1. С. 135–144. [Zinin Ju. N. Fenomen IGIL: vzgljad iz Blizhnevostochного региона // Ezhegodnik IMI. 2015. № 1. S. 135–144; Zinin Y. Phenomenon of Islamic State of Iraq and Levant: a glimpse from the Middle East // The Yearbook of the Institute for International Studies, 2015, № 1, p. 135–144]
2. *Кудряшова Ю. С.* О проявлении неоосманских амбиций в современной региональной политике Турции // Ежегодник ИМИ. 2015. № 3. С. 84–91. [Kudryashova Ju. S. O projavlenii neoosmanskih ambicij v sovremennoj regional'noj politike Turcii // Ezhegodnik IMI. 2015. № 3. S. 84–91; Kudryashova Y. Manifestations of Neoosmanist ambitions in contemporary regional policy of Turkey // The Yearbook of the Institute for International Studies, 2015, № 3, p. 84–91]
3. *Эшба Э. Д.* Есть ли будущее у неоосманского проекта Турции? // Ежегодник ИМИ. 2016. № 1. С. 109–114. [Jeshba Je. D. Est' li budushhee u neoosmansкого proekta Turcii? // Ezhegodnik IMI. 2016. № 1. S. 109–114; Eshba E. Is there any future for Neo-Ottoman Turkey project? // The Yearbook of the Institute for International Studies, 2016, № 1, p. 109–114]
4. *Blanc, Stephen.* Dialogue with Russia or Dialogue of the Deaf // The American Interest, April 6, 2016.
5. *Kenar, Ceren.* Turkey's Deep State Has a Secret Back Channel to Assad // Foreign Policy, July 12, 2016.
6. *Mackinnon, Mark.* Munich, Nice, Turkey, Brexit, Trump: It's all connected // The Globe and Mail, July 24, 2016.

МОДЕЛИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В. Ф. Артюшкин, П. Б. Паршин

Подходы Индии к обеспечению энергобезопасности

Артюшкин Виктор Федорович, канд. полит. наук,
ст. науч. сотр. Центра глобальных проблем ИМИ МГИМО МИД России,
преподаватель Кафедры математики, эконометрики
и информационных технологий
119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: ururur@mgimo.ru

Паршин Павел Борисович, канд. филол. наук,
вед. науч. сотр. Центра глобальных проблем ИМИ МГИМО МИД России.
19454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: pparshin@mail.ru

***Аннотация.** Поскольку соотношение производства и потребления электроэнергии в контексте текущих и будущих потребностей тех или иных стран определяет степень их энергобезопасности, именно это соотношение является центральным предметом анализа в данной статье. Случай Индии с ее гигантским населением, быстрым энергетическим ростом и ощутимой нехваткой энергии представляет особый интерес. Рассмотрение демографической ситуации по срезам разных индикаторов показывает, что численность населения Индии и динамика его роста по-прежнему являются основными факторами, определяющими перспективы решения задачи энергобезопасности.*

В работе проанализировано положение дел по всем видам источников получения электроэнергии и выделены направления, в рамках которых возможна реализация наиболее эффективных проектов. Особо рассматривается, в силу ее значительного своеобразия, атомная программа Индии и проблема обеспечения национальной атомной энергетики урановым сырьем. При этом подчеркивается важность настоящего момента, когда в условиях ограниченных энергетических возможностей правительство страны и индийское общество должно решить, на удовлетворение растущих потребностей какой части населения и какой отрасли экономики необходимо направить основные усилия и в чем они должны заключаться.

***Ключевые слова:** Индия, промышленное развитие, демография, энергобезопасность, недостаток энергетических ресурсов в Индии, нефть, газ, возобновляемые источники энергии, гидроэнергетика, атомная программа Индии, сотрудничество в ядерной сфере, месторождение Туммаллапалле, поставки уранового сырья.*

Безопасность относится к числу категорий, имеющих чрезвычайно широкий спектр употреблений (и злоупотреблений) и сложную многоаспектную смысловую структуру. Во многом это относится и к более частной категории энергетической безопасности, или просто энергобезопасности. Интуитивно она вполне очевидна, но экспликация ее выявляет множество частностей и потенциальных расхождений, обуславливающих желание внести разнообразные разграничения и противопоставления, а также рассматривать множество факторов и различных пониманий энергобезопасности.

Классическим обычно признается определение Д. Ергина, в соответствии с которым энергобезопасность в развитом мире это «просто <...> доступность достаточного количества поставок энергии по допустимым ценам» [6, с. 70–71]. В литературе, однако, представлено множество других определений, анализу которых, в свою очередь, посвящено немалое количество публикаций (см., например, краткий, но охватывающий большой объем источников обзор [3]). В одной из этих публикаций [5], например, предлагается рассматривать энергобезопасность в пяти различных измерениях, каждое из которых охватывает целый ряд факторов:

- 1) **доступность** (availability – рассмотрение таких аспектов, как безопасность поставок и производства, их диверсификация, зависимость/независимость от поставок);
- 2) **приемлемость/допустимость** (affordability – ценовая стабильность, доступность и равенство, децентрализация, низкие цены);
- 3) **технологическое развитие** (исследования и инновации, технологическая надежность, энергоэффективность, инвестиции в технологическое развитие);
- 4) **экологическая устойчивость** (sustainability – использование природных ресурсов, влияние на климат, загрязнение окружающей среды) и
- 5) **разумное правовое регулирование** (sound regulation – госуправление, торговля, конкуренция).

Причем для изучения этих факторов вводятся (без подробного обсуждения) 320 простых и 52 комплексных индикатора, что впечатляющим образом отображает сложность и многоаспектность проблемы энергобезопасности.

К тому же, как справедливо замечает Ергин, энергобезопасность для каждой страны своя: одна – для России, другая – для Японии, третья – для Китая или Индии и так далее. Для Индии, а именно она и интересует нас в данной статье, энергобезопасность, по Ергину, заключается в способности быстро адаптироваться к новой зависимости (а таковая зависимость для Индии является объективной реальностью) от глобальных рынков, что предполагает отход от традиционной приверженности к самодостаточности.

Это было сказано 10 лет назад, а прошедшее десятилетие быстрого экономического и непрекращающегося демографического роста Индии внесли в эту общую формулировку свои коррективы. Их рассмотрению и посвящена настоящая статья.

Одним из главных факторов, определяющих сложность задач и, соответственно, возможности их решения или хотя бы достижение при этом значимых результатов, является огромная численность населения страны. Поэтому начнем с анализа демографической статистики.

В последние годы прирост населения в Индии ежегодно составляет более 15 млн человек (сельского населения – более 5 млн в год, городского – более 10 млн). Понятно, что минимальный объем задач, решить которые необходимо для обеспечения электроэнергией населения страны определяется прежде всего именно этими числами.

При этом в стране уже существует весьма значительная нехватка электроэнергии; к тому же наблюдавшееся в течение некоторого времени снижение темпов роста, как видно из графика (Рис. 1), почти закончилось.

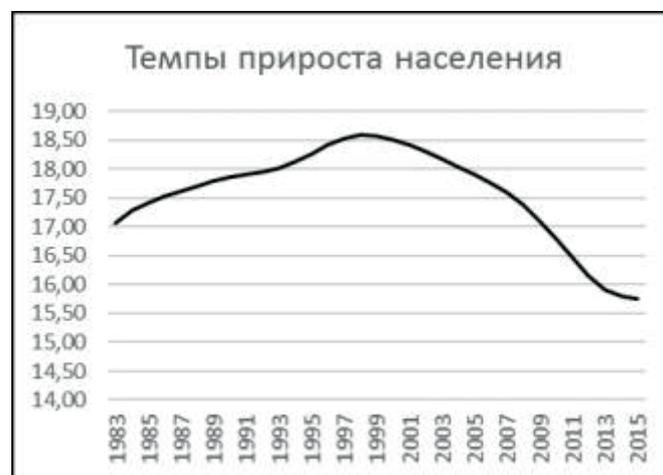

Рис. 1. Темпы прироста населения, в млн человек.

Образно представить себе сложность проблемы можно через сравнение столь значительных темпов с ежегодным появлением в Индии города по численности населения сопоставимого с Москвой.

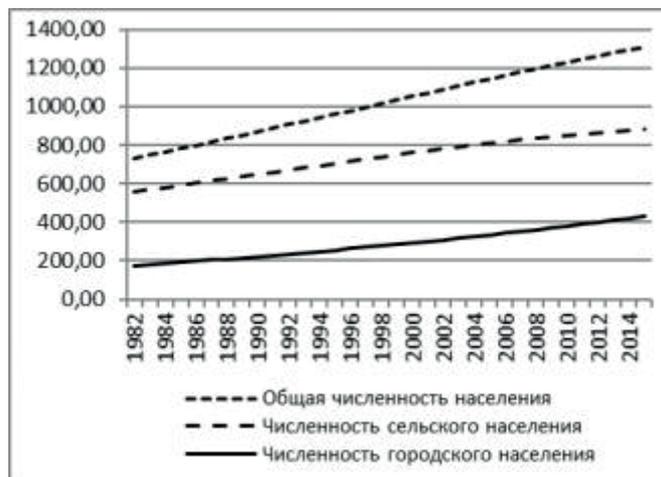

Рис. 2. Численность населения (общая, городская, сельская), в млн человек

Процесс индустриализации в Индии проходит по классической схеме развития аграрных государств, то есть через вовлечение части сельского населения в промышленное производство посредством его переезда в города. Этот процесс перетока проявляется в графиках (Рис. 2) сельского и городского населения – они сближаются.

С помощью следующих трех графиков (Рис. 3–5) проанализируем динамику соотношения между сельским и городским населением более детально. На графике (Рис. 3) видно, что соотношение сельского и городского населения начала быстро меняться с 2002 г. Сначала разница между ними стабилизировалась на уровне, близком к 475 млн человек, то есть и городское, и сельское население увеличивалось одинаково, а затем, с 2005 г., она стала снижаться почти теми же темпами, с которыми до 2002 г. росла (отрицательные значения на Рис. 4).

Представляется важным выделить два нехарактерных коротких периода (выбросы на графике) в динамике соотношения между сельским и городским населением (Рис. 5). Это 1991–1993 гг., когда сельское население на три года потеряло свое первенство, и 2001–2002 гг., когда очень резко меняются тренды. Если в первом случае произошедшее можно объяснить влиянием политических и экономических мировых кризисов, то во втором случае причина, видимо, коренится в новых социально-экономических управленческих решениях и их последствиях.

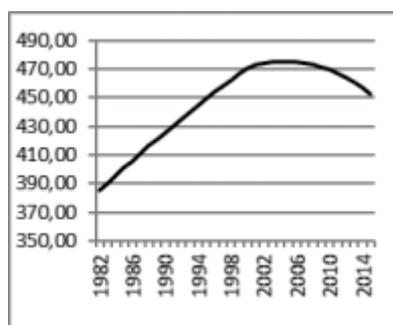

Рис. 3. Разница между сельским и городским населением, в млн человек.

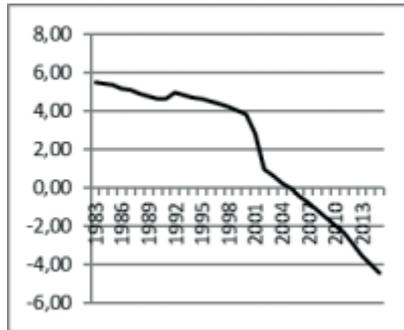

Рис. 4. Первая разность разницы между сельским и городским населением, в млн человек.

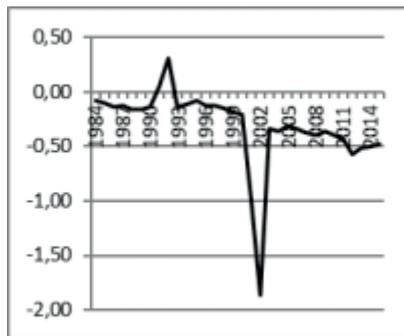

Рис. 5. Вторая разность разницы между сельским и городским населением, в млн человек.

Отмеченные тенденции также видны и на Рис. 7, где некоторые из интересующих нас показателей представлены в относительных единицах.

Показатели рождаемости представлены на Рис. 6. Они подтверждают общемировую закономерность – повышение уровня жизни приводит к уменьшению рождаемости. Но пока что в Индии рождаемость остается достаточно высокой.

Рис. 6. Рождаемость (на 1 000 человек) количество родов, принятых квалифицированными медицинскими работниками (% от общего), прирост населения (% в год).

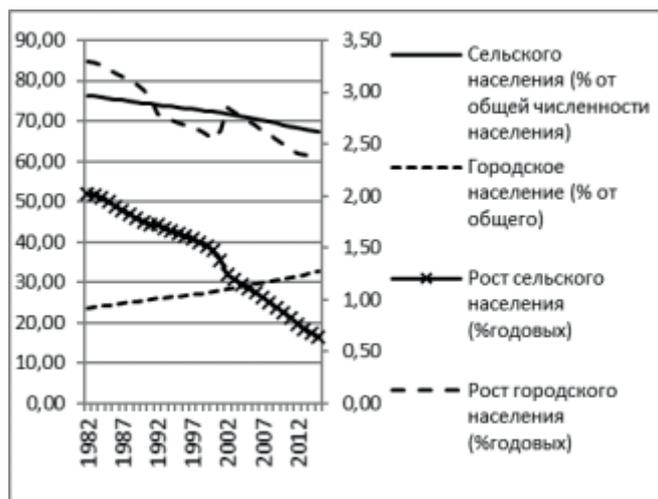

Рис. 7. Сельское и городское население (% от общей численности) и их рост (% годовых).

Использование электроэнергии населением сельских районов и городским населением, обеспечивающим промышленное развитие страны, существенно различаются (Рис. 8). Среди тех, и других есть домашние хозяйства, вообще не имеющие доступа к электроэнергии (по данным 2012 г. это, соответственно, 602 млн человек и 7 млн человек). И снова хочется обратить внимание на величину цифр. Их масштаб говорит о том, что, даже если, решая труднейшие задачи повышения уровня жизни, окажется возможным ежегодно подключать к электроэнергии нескольких миллионов человек, все равно в реальные сроки обеспечить всеобщий доступ к электроэнергии будет невозможно. Поэтому в условиях нарастающего потребления электричества (Рис. 9), прежде всего промышленностью и той частью общества, которая в ней занята, в сельских районах придется действовать в рамках скромных планов улучшения условий существования.

Более того, можно предположить, что вынужденная расстановка приоритетов в пользу городского населения и ведущих отраслей промышленности сохранится еще долгие годы. Правительство, конечно, не отказывается от работ по улучшению качества жизни в сельской местности, и таковые планы есть, однако существенного изменения качества жизни для сельских жителей достичь будет невозможно. Поэтому декларация подобных планов и даже реклама некоторых успехов будут, по сути дела, всего лишь политической демонстрацией неизменных усилий власти на пути улучшения жизни сельского населения.

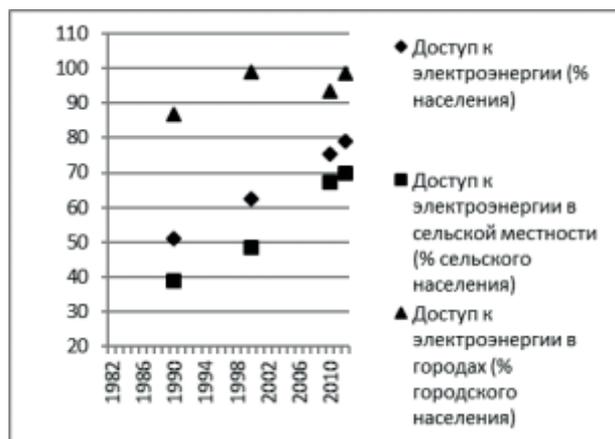

Рис. 8. Доступ к электричеству сельских и городских жителей и в целом населения, % населения страны.

Рис. 9. Потребление электроэнергии, кВтч на душу населения.

Из этого следует, что при рассмотрении вопроса обеспечения энергетической безопасности необходимо анализировать отдельно как бы две Индии, сельскую и городскую. Если посмотреть на ситуацию с таких позиций, то парадоксальным оказывается вывод о соотношении степеней энергетической зависимости или энергетической безопасности этих частей. Сельскохозяйственная Индия потребляет электричество намного меньше. В быту преобладает традиционное использование дров и навоза, и следовательно, имеется возможность обходиться вообще без электричества. Даже в городах еще достаточно много семей, которые таким образом решают проблему получения энергии для обогрева и приготовления пищи.

Производство и потребление энергии из ископаемого топлива

Индия не имеет на своей территории залежей ископаемого топлива в объемах, эквивалентных своим растущим потребностям и необходимым для реализации поставленной национальной задачи по ускоренному развитию промышленной индустрии страны. Таково положение дел со всеми видами запасов ископаемого топлива основными носителями энергии – угля, нефти, газа. Недостающие объемы покрываются за счет импортных поставок. Однако для решения задачи ускоренного развития необходимо обеспечить и ускоренный рост потребления энергии, причем как различными отраслями экономики, так и населением. Первым стандартным способом на пути поиска ресурсов являются различные программы, направленные на повышение эффективности производства и использования энергии.

Эффективное производство, вообще говоря, предполагает эффективное управление, и тогда в оптимально действующей системе возможно значительное улучшение ситуации без привлечения дополнительных финансовых ресурсов. Яркой демонстрацией значимости усилий за повышение эффективности является ситуация с потерями в сетях передачи электроэнергии (Рис. 10).

Рис. 10. Потери в сетях передачи электроэнергии, % от общего объема.

Представленный график демонстрирует динамику несомненного и весьма значительного успеха при реализации планов правительства по снижению потерь в сетях передачи электроэнергии. Причем резкое изменение тренда, которое мы видим в 2002 г., является прежде всего результатом наведения порядка в данном секторе экономики и изменения подходов к управлению, а затем уже достижения еще большей эффективности путем внедрения новых технологий. Впрочем, в этом случае, может быть, более правильно говорить о синергетическом эффекте, о таком удачно найденном сочетании факторов управления и технологического обновления, которое позволило многократно превзойти эффект, возможный при простом суммировании влияния каждого из них по отдельности.

Проведенная комплексная работа оказалась очень успешной. Показатель потерь удалось уменьшить почти в два раза. Он вернулся к значениям, считавшимся стандартными еще в 90-х гг. прошлого века, а ведь по сравнению с тем периодом потребление и, соответственно, объемы передачи электроэнергии увеличились многократно.

Этот пример приведен нами, чтобы подчеркнуть особую роль синергетических эффектов в поисках решений энергетических проблем Индии. Ниже мы покажем, что *обычные пути увеличения производства или экономии ресурсов не способны снять ни одну из энергетических проблем страны*. Поэтому-то и является очень важным поиск решений с синергетическим эффектом и перераспределение ограниченных ресурсов и государственного внимания именно на такие направления, которые обладают нелинейным потенциалом развития.

В большинстве случаев для повышения эффективности необходимо решать в первую очередь проблемы системной технологической модернизации, которые, во-первых, требуют времени и дополнительных средств и, во-вторых, не дают заранее гарантированных результатов ни по эффективности, ни по рентабельности. Поэтому поиск более эффективных механизмов организации и управления должен происходить постоянно. Благодаря именно таким действиям правительства, предпринятым в последние годы, Индии удалось несколько снизить темпы роста импорта по отдельным видам энергоносителей, хотя в среднесрочной перспективе стабилизация импорта и тем более его сокращение представляются маловероятными. Несмотря на это правительство страны продолжает делать многое и по многим направлениям, не отказываясь ни от больших, ни от малых проектов, ведущих к пошаговому улучшению энергетической ситуации.

Покажем, как усилия и достижения индийского правительства проявляются в динамике основных статистических показателей.

Начнем с потребления электроэнергии, произведенной из ископаемого топлива (*Рис. 11*). Представленный показатель рассчитан как процент от общего объема потребленной электроэнергии.

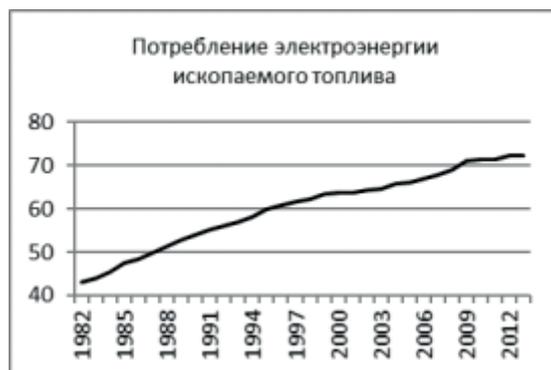

Рис. 11. Потребление электроэнергии произведенной сжиганием ископаемого топлива, % от общего объема.

Рис. 12. Приращение потребления электроэнергии (скорость изменения), произведенной сжиганием ископаемого топлива, % от общего объема.

На графике видно, что процент использования ископаемого топлива в целом увеличивается, хотя в прошлом имели место и небольшие участки (периоды) его стабилизации. Более детальный характер приращений процента показан на следующем графике (Рис. 12). Здесь отчетливо видно, что наиболее успешными годами по сокращению доли электроэнергии, полученной из ископаемого топлива, были 2001 и 2011 гг. На графике представлен и тренд изменений в приращениях показателя потребления. На рисунке он обозначен плавной кривой.

Вид этого графика говорит о двух вещах. Во-первых, о том, что в среднем темпы роста потребления удалось снизить почти вдвое и есть возможность стабилизировать их на достигнутом уровне. Во-вторых, динамика усредненного тренда выглядит на интервалах 1983–2005 гг. и 2005–2013 гг. по-разному. На первом из них происходило снижение темпов потребления, а на втором их стабилизация. Это показывает, что для быстрого увеличения темпов экономического роста в последние годы, Индия была вынуждена увеличить использование ископаемого топлива при производстве электроэнергии, то есть прибегнуть к использованию оперативного инструмента управления экономикой. О том, сколь обременительно для страны такое положение дел, говорят масштабы потребления энергии, произведенной из ископаемого топлива: в среднесрочной перспективе эта цифра превысит отметку 75 %. Отсюда следует, что энергообеспечение в Индии и сейчас, и в ближайшем будущем будет определяться именно поставками ископаемых видов топлива — со всеми вытекающими из этого внешнеэкономическими и внешнеполитическими последствиями. В обобщенном статистическом значении для сегодняшнего дня — 70 %, при этом на отдельные виды ископаемого топлива (уголь, нефть и газ) приходится, соответственно, 40 %, 22 % и 8 %.

Продemonстрируем сказанное следующим графиком, где показана нарастающая зависимость Индии от импорта энергоносителей (Рис. 13). На нем виден краткий интервал стабильности (1999–2003 гг.), а на остальных участках имеет место рост почти с одним и тем же темпом, как будто происходит выполнение плана — 2 % в год.

Уже на одном лишь основании изложенных и продемонстрированных графиками сообщений можно сделать следующий вывод: Индии, несмотря на все ее усилия и достижения последних 15 лет, к решению задачи обеспечения своей энергобезопасности не удастся даже приблизиться. Нарастающий импорт энергоносителей требует значительных валютных резервов и к тому же ставит перед правительством целый ряд политических задач, решение которых весьма усложнилось в последнее время в связи с усилением геополитической неопределенности в Северной Африке и Западной Азии, то есть в тех регионах, из которых Индия традиционно получает большую часть энергоносителей.

Рис. 13. Импорт энергоносителей, % от суммарного значения электропотребления.

Обратимся теперь к характеристике положения дел применительно к каждой категории источников получения энергии.

Уголь

Доля производства электроэнергии из угля является достаточно стабильной, по сравнению с долями по другим видами энергоносителей (Рис. 14). Только в последние годы она вышла из коридора 65–70 %, что отражает успешность действий по реализации последней программы правительства Индии по значительному увеличению добычи угля на собственных месторождениях страны.

Рис. 14. Производство электроэнергии из угля, % от общего количества.

По сравнению с другими видами ископаемого топлива, запасами угля страна обеспечена в большей степени, поэтому ставка при производстве тепла и электроэнергии всегда делалась именно на уголь (более 70 % электроэнергии в Индии вырабатывается на угольных электростанциях [2, с. 296]). Зависимость от импорта угля сейчас составляет порядка 23 %.

Некоторый оптимизм, присутствующий в последних решениях индийского правительства, связан с тем, что, по оценкам экспертов, страна может еще приблизительно в течение 25 лет увеличивать собственную добычу. По расчетам темпы такого прироста могут составить около 2,5 млрд тонн в год. Сомнения в реальности этих планов связаны, однако, с тем, что только 40 % запасов угля относятся к категории доказанных.

Еще одним осложняющим моментом, как для планов увеличения добычи, так и для планов использования угля в качестве топлива, является нарастание экологических проблем. Получается так, что правительство вынуждено реализовывать схему «неизбежного зла», когда, с одной стороны, для увеличения производства электроэнергии приходится сжигать все большее количество угля, а с другой — реализовывать планы по снижению выбросов вредных газов, и все это сопровождать декларациями о приверженности к переходу на экологически безопасные виды энергоносителей.

Нефть

Индия вынуждена импортировать до 76 % (2010/2011 гг.) необходимой ей нефти. Причем эта доля импорта все время растет, например, в 1989/1990 гг. она была почти вдвое меньше – 43 % [2, с. 307], то есть в этом интервале рост импорта в среднем составлял около 1,5 % год.

В абсолютном выражении импорт нефти увеличился с 121 672 млн тонн в 2007/2008 гг. до 189 238 млн тонн в 2013/2014 гг. [2, с. 298], то есть средний темп увеличения около 9,6 млн тонн в год. В то же время доля нефти в производстве электроэнергии сокращалась (Рис. 15).

Нефть является слишком дорогим и полезным продуктом, чтобы всю ее просто сжигать на электростанциях – когда-то об этом говорил еще Д. И. Менделеев. Поэтому в развитых экономиках реализуются схемы глубокой переработки нефти, и лишь остатки этой переработки используются в качестве топлива. Такой подход практикуется и в экономике Индии – происходит ежегодное увеличение мощностей, на которых проводится глубокая переработка нефти.

Рис. 15. Производство электроэнергии из нефти, из возобновляемых источников и на ядерных электростанциях, % от общего количества.

Поскольку своих запасов нефти не хватает, правительство Индии реализует программу участия в проектах добычи нефти в других странах. В России индийские компании, например, участвуют в проекте освоения Ванкорского месторождения, принадлежащего «Роснефти»¹.

Газ

Необходимые закупки газа на внешних рынках составляют около 21 % и являются надежным каналом поставок, чего нельзя сказать про внутреннюю добычу. Оказалось, что компенсировать внутренние сбои труднее, чем внешние. Так, когда, в силу ряда причин, внутренняя добыча газа снизилась, в секторах производства электроэнергии и минеральных удобрений возникли очень серьезные проблемы. Последствия этих проблем мы можем видеть на (Рис. 16), где смена тренда в 2010 г. отнюдь не свидетельствует об успехах производства в секторе газовой энергетики.

На протяжении почти десяти лет доля электроэнергии, получаемой при сжигании газа, находилась в интервале 9–11%, а резкое падение в последние годы как раз и вызвано сокращением внутренней добычи. В этой ситуации могла бы выручить диверсификация поставок, которую последовательно выстраивает правительство, однако надежды на быстрое строительство газопроводов через Пакистан из Ирана и из Туркмении пока не оправдываются (в настоящее время с Ираном ведутся также переговоры о строительстве подводного газопровода в обход Пакистана). Ввод их в эксплуатацию позволил бы не только варьировать величину текущих поставок, но и дал бы возможность высвободить дополнительные финансовые средства, сэкономленные на стоимости транспортировки газа.

¹ «Роснефть» и консорциум индийских компаний заключили сделку по 23,9 % доли в «Ванкорнефть». URL: <http://tass.ru/pmef-2016/article/3377571>

Рис. 16. Производство электроэнергии из природного газа, % от общего количества.

Гидроэнергетика

Доля гидроэнергетики в энергоснабжении страны невелика – всего около 2 %, причем на фоне роста использования других источников энергии она снижается, что показывает график на Рис. 17.

Рис. 17. Производство электроэнергии из газа и на гидроэлектростанциях, % от общего количества.

Между тем, географические особенности территории Индии таковы, что она потенциально обладает одними из лучших условий для строительства гидроэлектростанций очень широкого диапазона по мощности. Но для удобства управления гидроэнергетические проекты классифицируют только по двум категориям: малой и большой мощности. Контролируют реализацию этих проектов разные министерства, и такое разделение направлено на создание принципиально разных подходов для реализации проектов большой и малой мощности.

Результатом работы Министерства новых и возобновляемых источников энергии, курирующего проекты малых гидроэлектростанций, является Закон об электроэнергетике, принятый в 2003 г. Целый комплекс продуманных правительственных решений последнего времени позволил частным компаниям изменить свое негативное отношение к этой сфере экономики. К таким решениям можно отнести упорядочивание процедур оформления участия в проектах частного капитала, решение проблемы приобретения земли под строительство, предоставле-

ние ранее замороженных, но полностью разработанных проектов строительства гидроэлектростанций.

Движущей силой появившегося коммерческого интереса является то, что размер требуемых инвестиции в проекты малых гидроэлектростанций стал вполне по силам частным компаниям, а в сочетании с экономически выгодными условиями для бизнеса становится возможным привлечь сюда и большое число инвесторов, и значительные средства. По экспертным оценкам, суммарную мощность малых гидроэлектростанций можно довести до 20 ГВт [2, с. 309]. И есть надежда, что именно в этом секторе экономики могут быть найдены решения с синергетическим эффектом, которые помогут резко изменить ситуацию хотя бы в гидроэнергетике.

Биотопливо и возобновляемые источники энергии

«Горючие возобновляемые источники энергии и отходы составляют около четверти используемых в Индии источников энергии. Эта доля включает в себя традиционные источники из биомассы, такие как дрова и навоз, которые используются более чем в 800 млн индийских домохозяйств для приготовления пищи». [2, с. 296] Отметим, что эти 26 % традиционной биомассы больше, чем даже доля нефти (22 %), а по сравнению с долей возобновляемых источников энергии (1 %), выглядит вообще гигантской.

Заменить эти источники даже в отдаленной перспективе весьма трудно. Для реализации таких планов в стране нет в требуемых объемах ни сжиженного газа, ни керосина, ни трубопроводного газа. Нет в ней и соответствующей инфраструктуры для широкого внедрения иных видов топлива. Причем дрова и навоз – это топливо не только для жителей села, но и для значительной части жителей города, ютящихся в бедных кварталах.

Усилия государства по увеличению энергии, получаемой от возобновляемых источников, проявились в 1990-х гг. (Рис. 18).

Рис. 18. Производство электроэнергии из нефти, из возобновляемых источников и на ядерных электростанциях, % от общего количества.

С принятием в 2010 г. плана «Национальная солнечная миссия им. Джавахарлала Неру», а затем и Национального закона о возобновляемых источниках энергии (NREA), эти замыслы были переведены в статус задачи, решение которой стало происходить на плановом государственном уровне.

Сейчас доля возобновляемых источников в энергоснабжении Индии мала – всего около 1 %, но озвученный ориентир правительства – 175 ГВт к 2022 гг. [2, с. 307]. При этом особые надежды связываются с ветровой и солнечной энергией. По официальным оценкам, Индия потенциально может получать от использования энергии ветра более 49 ГВт [2, с. 308] и от энергии солнца около 100 ГВт. В частности, в соответствии с программой «Национальной солнечной миссии»

солнечные энергетические мощности Индии предполагается увеличить до 20 ГВт к 2022 г.²

Все эти цифры выглядят очень заманчиво, однако, пока не будут найдены новые технологические решения в этих направлениях получения энергии, на существенное увеличение производства электроэнергии рассчитывать сложно.

Пока что в качестве одного из реальных достижений в использовании солнечной энергии, демонстрирующим возможности уже сегодняшнего дня и говорящем о потенциальных возможностях будущего, можно назвать создание первой в мире системы, полностью обеспечивающей потребности аэропорта в городе Кочи (он же Коччи, штат Керала на самом юге страны) за счет солнечной энергии³.

Ядерная энергетика

Развитие ядерной энергетики в Индии отличается рядом своеобразных черт, заставляющих остановиться на ее проблемах и на особенностях ядерной программы Индии более подробно.

Оценки доли атомных генерирующих мощностей в Индии по разным источникам в последние годы колеблются в районе 2 %; так, по состоянию на июль 2016 г. мощность индийских атомных станций составляла 5,78 ГВт, то есть всего 1,8 % суммарных энергетических мощностей страны. [4, с. 3] Тем не менее интерес к развитию ядерной энергетики в Индии большой, связанные с ней амбиции велики, история длительна⁴ и сложна, а проблемы значительны и, что существенно, нехарактерны для других стран с развитым гражданским ядерным энергетическим сектором.

Рис. 19. Производство электроэнергии из нефти, из возобновляемых источников и на ядерных электростанциях, % от общего количества.

В целом сильные и слабые стороны ядерной энергетики хорошо известны, и останавливаться на них мы здесь не будем. Важно отметить, что в Индии она имеет свою во многом уникальную специфику, определяемую тремя основными факторами, первый из которых объективен и является самостоятельным, а два других субъективны и взаимосвязаны.

Во-первых, и с констатации этого начинаются практически все обсуждения проблем индийской ядерной энергетики (а литература вопроса очень велика), Индия совершенно недостаточно обеспечена урановым сырьем. По данным «Красной книги» ОЭСР и МАГАТЭ 2016 г., на долю

² Крупнейшая солнечная электростанция в мире // Газета «Энергетика и промышленность России», № 04 (240) февраль 2014 г. URL: <http://www.eprussia.ru/epr/240/15825.htm>

³ Mullen J. The world's first solar airport no longer pays for electricity // CNNMoney, March 14. URL: <http://money.cnn.com/2016/03/14/technology/india-cochin-solar-powered-airport/index.html>

⁴ Развитие атомной отрасли в Индии, если отсчитывать ее от самых ранних проводившихся в стране исследований, насчитывает уже более 70 лет: первые работы были выполнены еще до обретения страной независимости, в 1944 г., а в 1945 г. был учрежден Исследовательский комитет по атомной энергии, перед которым были поставлена задача подготовки кадров. В 1947 г. этот Комитет возглавил талантливый физик, выпускник Кембриджа Хоми Джехангир Баба (точнее, Бхабха).

Индии приходилось порядка 3 % разведанных запасов урана⁵, что непропорционально, хотя и в разном смысле, как размерам страны, так и огромной численности ее населения – и чего совершенно недостаточно для обеспечения потребностей крупномасштабной ядерной энергетической программы.

Следует, впрочем, заметить, что в начале 2010-х гг. на территории штата Андхра-Прадеш было открыто месторождение Туммаллапалле, эксплуатация которого была начата в 2012 г. Аналитики считают это месторождение одно из крупнейших в мире, и – по оптимистическим прогнозам – оно, вместе с рядом других вновь найденных ресурсов, позволит увеличить долю атомной энергии в общем энергобалансе страны до 30 % к 2050 г.

Однако даже при самом благополучном развитии добычи делящегося сырья на национальной территории она не покрывает полностью потребности страны, в которой уже имеется 22 энергетических реактора и еще 5 находятся в стадии строительства. В 2013 г. Индия импортировала 40 % необходимого ей уранового сырья и по всем оценкам в обозримом будущем останется обремененной на зависимость от импорта урана.

Это обстоятельство было очевидным уже на стадии ранних проектов, когда в начале 1950-х гг. уже упомянутый Бхабха, считающийся отцом ядерной энергетики Индии, предложил логичную и физически хорошо обоснованную трехступенчатую ядерную программу, предполагающую последовательное использование ядерных реакторов различных типов, позволяющих начать энергетический цикл с использованием импортируемого обогащенного урана-235 в тяжеловодных реакторах под давлением (реально это в основном модифицированные канадские реакторы CANDU, которые и поныне являются основным типом атомных котлов в Индии), получения на них плутония-239 с последующим использованием в реакторах-размножителях природного тория-232 (нерадиоактивного элемента, запасы которого в распространенных в Индии монацитовых песках огромны) и наработкой радиоактивных изотопов урана и плутония для использования их в реакторах третьего этапа. Программа была в 1954 г. представлена Дж. Неру и утверждена правительством Индии в 1958 г.⁶ Практическая ее реализация оказалась, однако, непростой, ибо она все равно предполагает начальные поставки обогащенного урана, приобретение или разработку технологически более сложных реакторов-размножителей и – что существенно – сопряжена с попутным получением урановых и плутониевых изотопов, пригодных для производства ядерного оружия – каковое и было создано и испытано в 1974 г. в пустыне штата Раджастан (операция «Улыбающийся Будда»).

Между тем – и это второй существенный фактор – Индия категорически отказывается присоединяться к Договору 1970 г. о нераспространении ядерного оружия, бережно складывает свои ядерные отходы и отказывается подчиняться мерам международного контроля за делящимися материалами, что обусловлено третьим существенным фактором – непростыми отношениями с соседями, Китаем и особенно Пакистаном, которые также являются ядерными державами.

Такая позиция Индии привела к сворачиванию на десятилетия (особенно после испытания 1974 г.) сотрудничества с Канадой и США, с помощью которых были построены первые АЭС. Поставщиком делящихся материалов тогда стала Франция, но в целом Индия разрабатывала и свои собственные технологии, однако своего реактора-размножителя у нее пока что нет.

В целом до реализации трехступенчатой программы еще далеко, и Индия, сохраняя свои принципиальные позиции, ведет настойчивую дипломатическую работу по поиску новых поставщиков и достижения компромиссных условий, на которых возможно было бы получение делящегося сырья и получения ядерно-энергетических технологий.

В 1988 г. было подписано соглашение с тогда еще СССР о строительстве на юге штата Тамилнад АЭС «Куданкулам» с двумя водо-водяными энергетическими реакторами, которое, однако, началось только через 10 лет по причине политических изменений в России, а затем затянулось на полтора десятилетия из-за позиции США и антиядерных протестов в Индии. Реально станция была запущена только летом 2016 г. во время визита в Индию В. В. Путина, когда блок № 1 станции, начавший выработку электроэнергии в 2013 г., был окончательно пе-

⁵ 181 606 тонн металлического урана (tonnes of uranium metal – tU) из 5 718 400 общемировых запасов в категории, предполагающей затраты менее 130 долл. США на получение за 1 кг урана. См. Uranium 2016: Resources, Production and Demand. A Joint Report by the Nuclear Energy Agency and the International Atomic Energy Agency. OECD 2016 NEA No. 7301, p. 9, 257.

⁶ Атомная энергетика Индии // Сайт Российского атомного сообщества. URL: <http://www.atomic-energy.ru/SMI/2015/03/21/55614>

редан заказчику, а блок № 2 станции в августе 2016 г. был впервые подключен к национальной энергосистеме Индии. В конце марта 2017 г. года он был сдан в гарантийную эксплуатацию; в ближайшее время ожидается начало строительства блоков 3 и 4⁷.

Экономические и отчасти политические изменения в Индии и активность индийской дипломатии запустили процесс согласования позиций с США, начавшийся в 2005 г. и завершившийся в октябре 2008 г. подписанием Соглашения об индийско-американском сотрудничестве в области гражданской ядерной энергетики. Это соглашение сняло с Индии ограничения на участие в торговле ядерными технологиями и делящимися материалами, на что предварительно (в сентябре) было получено соответствующее разрешение Группы ядерных поставщиков⁸. В результате Индия стала единственным государством — не членом ДНЯО, которому разрешена такая торговля. Со своей стороны Индия согласилась на разделение своих гражданских и военных ядерных программ и постановку первых под контроль МАГАТЭ.

Подписание этого соглашения положило конец фактическому мягкому бойкоту индийской атомной энергетики. По данным вышеупомянутой «Красной книги», уже в октябре 2008 г. Индия заключила контракты с Росатомом и французской компанией Areva S.A. на поставку ядерного топлива для энергогенерации; в 2009 г. началось выполнение этих контрактов.

В январе 2009 г. Индийская корпорация по атомной энергии (NPCIL) подписала меморандум о взаимопонимании с Казатомпромом⁹ о поставке 2 100 тонн уранового концентрата в течение шести лет — и об оценке экономической целесообразности строительства индийского тяжеловодного ядерного реактора в Казахстане. Поставки были выполнены, а в 2015 г. контракт был продлен. В сентябре 2009 г. Индия подписала соглашения о поставках урана и сотрудничестве в ядерной сфере с Монголией и Намибией, продленные в 2015 г.; в марте 2010 г. Россия предложила Индии долю в развитии Эльконской группы месторождений в Якутии; в августе 2014 г. Индией был подписан контракт о поставках урана с Навоийского горно-металлургического комбината в Узбекистане. Подписание в 2013–2014 гг. двусторонних соглашений о мерах безопасности с такими крупными поставщиками, как Австралия и Канада, сделало возможными поставки из этих стран; первые партии урана из Канады были поставлены в конце 2015 г.

В июле 2015 г. Департамент по ядерной энергетике Индии доложил парламенту, что 8 энергетических ядерных реакторов в стране работают на местном сырье, а 14 — на импортированном; через год ситуация не изменилась. Что касается объемов поставок, то ожидается, что в 2016–2017 финансовом году они составят 3 937 тонн урана, из них 187 тонн — от российской компании ТВЭЛ, 2 500 тонн — от Казатомпрома, и 1250 тонн — от компании Самесо, шахты которой располагаются в Канаде, США и в том же Казахстане. За период с апреля по ноябрь 2016 г. было импортировано 868 тонн, из них 126 тонн — из России, 1 000 тонн — из Казахстана и 742 — из Канады. Кроме того, Соглашение об индийско-американском сотрудничестве в области гражданской ядерной энергетики позволило Индии в 2016 г. подписать соглашение с компанией «Вестингауз» о строительстве в стране 6 новых ядерных реакторов.

Выводы и заключения

Очевидно, что динамика роста потребления энергии в Индии как развивающейся стране будет определяться темпами развития ее промышленности и сельского хозяйства. А следствием их развития, а точнее, следствием роста доходов населения или, еще точнее, доходов среднего класса, станет автомобилизация страны и переход к образу жизни, предполагающему совершенно иной уровень потребления энергии. Поэтому, если страна ставит перед собой задачу ускоренного развития национальной экономики, то есть намерена развиваться темпами, близкими к лучшим мировым показателям (7–9 % ВВП в год), ей также будет необходимо наращивать свои возможности по энергообеспечению, чтобы удовлетворить грядущие, много большие, чем сегодняшние, потребности в энергии.

Наиболее перспективным в такой ситуации нам представляется путь развития малой ги-

⁷ Индия опровергла слухи об условиях сделки с Россией по АЭС «Куданкулам» // РИА Новости. 20.05.2017. URL: <https://ria.ru/atomtec/20170520/1494712249.html>

⁸ Международная организация, созданная в 1975 г., для содействия поддержанию режима нераспространения ядерного оружия; в настоящее время насчитывает 48 стран. В настоящее время Индия сама стучится в дверь этого объединения.

⁹ Казахстан в настоящее время — крупнейший производитель урана в мире и обладатель вторых по объему после Австралии его запасов.

дроэнергетики. С созданием привлекательных условий для частных инвестиций открывается возможность успешного сочетания интересов государства и бизнеса. Именно в таком сотрудничестве могут быть найдены решения с синергетическим эффектом, способные кардинально изменить ситуацию, пусть только и в отдельном секторе энергетики, но зато с весьма ярким и, может быть, многоаспектным результатом.

О том, что правительство Индии в своей работе достигло реально значимых результатов, можно судить по видимым изменениям в характере динамики многих показателей. Однако, несмотря на все усилия и достижения последних 15 лет в энергетике, к радикальному решению задачи своей энергобезопасности Индии пока не удастся даже приблизиться.

Решить масштабные задачи развития десятой экономики мира в полном объеме, то есть значимо улучшить ситуацию с энергетикой для всех отраслей экономики и всего населения, учитывая реалии многонаселенной Индии, невозможно. Придется перераспределять доступные средства в пользу тех программ, которые имеют наибольший потенциал роста (атомная и гидроэнергетика) и откладывать планы по обеспечению энергоресурсами большей части сельского населения на далекое будущее.

Увеличение доли среднего класса и уровня его доходов может позволить проводить в стране широкомасштабные технологические преобразования, необходимые для поддержания высоких темпов роста экономики. Однако из-за существенной разности в скоростях протекания многих социальных и технологических процессов стране, отягощенной гигантской численностью населения, нельзя избежать периода торможения развития экономики. Как скоро и насколько быстро произойдет истощение имеющихся социальных, экономических, политических и т. д. ресурсов роста — это предмет отдельного исследования.

Сошлемся на одно из таких исследований [1] и приведем полученную там оценку — 2025 г. Используя приведенную в указанной работе методику прогноза с учетом последних статистических данных, можно высказать в отношении Индии и более пессимистическую оценку — 2018 г. Именно на этом рубеже можно ожидать начала кризисных явлений в экономике Индии. Такая разница в двух датах обусловлена выбором темпов развития экономики. Более близкий 2018 г. соответствует варианту форсированного развития экономики. Тот потенциал, который есть у страны сейчас, будет в этом случае расходоваться гораздо быстрее, чем способны обеспечить социально-политические процессы его восполнения. В силу этого у индийского общества, как представляется, есть основания для обсуждения выбора пути индустриального развития страны. Во многих отношениях более оптимальным выглядит путь, предполагающий средние темпы развития (4–5 %), который тоже не решит всех проблем экономики, но зато обеспечит более длительное бескризисное развитие и к тому же не вызовет дополнительного напряжения в социальной сфере.

Исходя из сказанного, можно предположить, что Индия проходит сейчас точку сознательного или бессознательного выбора: иметь 200 млн обеспеченного среднего класса, живущего в городах по близким к европейским стандартам и работающего на современных предприятиях и 600 млн живущих в сельской местности без доступа к электричеству, согревающихся и готовящих пищу на хворосте из леса и навозе от священных коров — или стать обществом, живущим по какой-то более справедливой системе распределения достижений и благ индустриального общества.

India's Approaches to the Problem of Energy Security

Victor Artyushkin, PhD (Political Science),
Senior Researcher, Centre for Global Studies, Institute for International Studies
Lecturer at the Department of Mathematics, Econometrics and Information Technologies MGIMO
University, 76 Vernadsky Ave, 119454, Moscow. E-mail: ururur@mgimo.ru

Pavel Parshin, Ph.D. (Linguistics),
Leading Research Associate, Centre for Global Studies,
Institute for International Studies, MGIMO University,
76 Vernadsky Ave, 119454, Moscow. E-mail: pparshin@mail.ru

Summary. Since the ration between production and consumption of electricity in the context of present and future demands of various countries determines the level of their energy security, it is this ration which is the main object of the research reported in the article. The case of India, with its huge population, rapid economic growth of the last decade and obvious scarcity of energy resources is of special interest and importance. The consideration of different indicators of demographic situation in the country shows that the number of population and the dynamics of its growth are still the main factors which determine prospects for solution of India's energy security problem -

The paper analyses the situation of energy demand and supply across all sources of energy available to India and identify the directions along which the most effective and efficient projects can be realized. Due to its obvious peculiarities, a special attention is paid to the nuclear program of Indian, and, particularly, to the supply of Uranium necessary for instigation of nuclear energy production. The importance of the current moment is emphasized, when, in the context of limited energy resources, both Indian Government and society should decide what segments of population and branches of economy are to be given priorities to in meeting their growing demands, and how the priorities can be realized.

Keywords: India, industrial development, demography, energy security, scarcity of energy resources in India, oil, gas, renewable energy sources, hydro energy, India's nuclear program, nuclear co-operation, Tummalapalle Uranium site, supply of nuclear resources to India.

Литература / References

1. Сергеев В. М., Артюшкин В. Ф. Индикаторы инновационного потенциала политико-экономического развития // ПОЛИС (Политические исследования). – 2016. – № 6. – С. 114–126 [Victor Sergeyev, Victor Artyushkin. Indicators of Innovation Potential of Political and Economic Development; Victor Sergeyev, Victor Artyushkin. Indikatory innovatsionnogo potentsiala politico-ekonomicheskogo razvitiya // POLIS (Political Studies), 2016, no. 6, p. 114–126].
2. Прадхан Д. С. Энергетическая ситуация в Индии: проблемы и перспективы // Комплексная характеристика ситуации в АТР (по результатам международных экспертных опросов в 2005–2014 гг.) / Отв. ред. Л. С. Рубан. – М.: Academia. 2016. [D. Pradhan. Energy Situation in India: Problems and Prospects. The Comprehensive Characterization of the Situation in APR (Based on International Expert Survey of 2005–2014; D. Pradhan. Energeticheskaja situatsija v Indii: Problemy i perspepektivy // Kompleksnaja kharakteristika situatsii v ATR (po resul'tatam mezhdunarodnykh ekspertnykh oprosov d 2005–2014 godakh) / Ed. by Larissa Rouban. – Moscow: Academia, 2016].
3. Månsson A., Johansson B., Nilsson L. Assessing energy security: An overview of commonly used methodologies // Energy, vol. 73, 14 August 2014, p. 1–14.
4. Mohan A. The Future of Nuclear Energy in India // ORF Occasional Paper 98. August 2016, p. 3. URL: <http://www.orfonline.org/research/the-future-of-nuclear-energy-in-india/>
5. Sovacool B. K., Mukherjee I. Conceptualizing and measuring energy security: A synthesized approach // Energy, Vol. 36, Issue 8, August 2011, p. 5343–5355.
6. Yergin D. Ensuring Energy Security // Foreign Affairs, vol. 85 (2006), No. 2.

Источники данных для графиков

Рис. 2.

URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL?view=chart>,

URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SP.RUR.TOTL?view=chart>,

URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SP.URB.TOTL?view=chart> [дата обращения: 28.10.2016].

Рис. 6.

URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.CBRT.IN?view=chart>,

URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.GROW?view=chart>,

URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SH.STA.BRTC.ZS?view=chart> [дата обращения: 28.10.2016].

Рис. 7.

URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SP.URB.TOTL.IN.ZS?view=chart>,

URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SP.RUR.TOTL.ZG?view=chart>,

URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SP.RUR.TOTL.ZS?view=chart>,

URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SP.URB.GROW?view=chart> [дата обращения: 28.10.2016].

Рис. 8.

URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SG.ELC.ACCS.RU.ZS?view=chart>,

URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SG.ELC.ACCS.ZS?view=chart>,

URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SG.ELC.ACCS.UR.ZS?view=chart> [дата обращения: 28.10.2016].

Рис. 9.

URL: <http://data.worldbank.org/indicator/EG.USE.ELEC.KH.PC?view=chart> [дата обращения: 28.10.2016].

Рис. 10.

URL: <http://data.worldbank.org/indicator/EG.ELC.LOSS.ZS?view=chart> [дата обращения 28.10.2016].

Рис. 11.

URL: <http://data.worldbank.org/indicator/EG.USE.COMM.FO.ZS?view=chart> [дата обращения: 28.10.2016].

Рис. 13.

URL: <http://data.worldbank.org/indicator/EG.IMP.CON.S.ZS?view=chart> [дата обращения: 28.10.2016].

Рис. 14.

URL: <http://data.worldbank.org/indicator/EG.ELC.COAL.ZS?view=chart> [дата обращения: 28.10.2016].

Рис. 15.

URL: <http://data.worldbank.org/indicator/EG.ELC.PETR.ZS?view=chart>,

URL: <http://data.worldbank.org/indicator/EG.ELC.NUCL.ZS?view=chart>,

URL: <http://data.worldbank.org/indicator/EG.ELC.RNWX.ZS?view=chart> [дата обращения: 28.10.2016].

Рис. 16.

URL: <http://data.worldbank.org/indicator/EG.ELC.HYRO.ZS?view=chart>,

URL: <http://data.worldbank.org/indicator/EG.ELC.NGAS.ZS?view=chart> [дата обращения: 28.10.2016].

Рис. 17.

URL: <http://data.worldbank.org/indicator/EG.ELC.HYRO.ZS?view=chart>,

URL: <http://data.worldbank.org/indicator/EG.ELC.NGAS.ZS?view=chart> [дата обращения: 28.10.2016].

Рис. 18.

URL: <http://data.worldbank.org/indicator/EG.ELC.PETR.ZS?view=chart>,

URL: <http://data.worldbank.org/indicator/EG.ELC.NUCL.ZS?view=chart>,

URL: <http://data.worldbank.org/indicator/EG.ELC.RNWX.ZS?view=chart> [дата обращения: 28.10.2016].

Рис. 19.

URL: <http://data.worldbank.org/indicator/EG.ELC.PETR.ZS?view=chart>,

URL: <http://data.worldbank.org/indicator/EG.ELC.NUCL.ZS?view=chart>,

URL: <http://data.worldbank.org/indicator/EG.ELC.RNWX.ZS?view=chart> [дата обращения: 28.10.2016].

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАКУРСЫ

М. А. Волхонский

Роль специальных классов Лазаревского института в развитии «практического востоковедения» в России во второй половине XIX – начале XX в.

Михаил Алексеевич Волхонский – канд. ист. наук, ст. науч. сотр.
Центра проблем Кавказа и региональной безопасности
Института международных исследований МГИМО МИД России.
119454, Москва, просп. Вернадского 76. E-mail: VolhonskyMA@yandex.ru

***Аннотация.** В статье освещается сложный путь развития отечественного «практического востоковедения» во второй половине XIX – начале XX в. на примере специальных классов Лазаревского института. Пройдя за это время через несколько крупных преобразований, специальные классы стали ведущим российским учебным заведением, специализирующимся на подготовке «востоковедов-практиков», будущих дипломатов и чиновников, призванных служить в странах Ближнего Востока, а также на восточных и южных окраинах Российской империи. Отличительной чертой специальных классов стало использование в учебном процессе достижений как «академического», так и «практического востоковедения».*

***Ключевые слова:** Российская империя, Министерство иностранных дел, Лазаревский институт, преподавание восточных языков, Д. А. Толстой, Г. И. Кананов, Ф. Е. Корш, В. Ф. Миллер, А. Е. Крымский, В. А. Гордлевский.*

Середина 1850-х гг. стала для отечественного востоковедения переломным временем. Закончился период, когда его развитие определялось появлением большого числа новых учебных центров в различных городах Российской империи – Казани, Москве, Санкт-Петербурге, Одессе и др. На повестке дня теперь стоял вопрос концентрации весьма ограниченных материальных ресурсов и ведущих специалистов в одном научном и образовательном востоковедческом центре. В Министерстве народного просвещения и среди университетской профессуры велись дискуссии о возможном его местонахождении. В основном обсуждались три варианта – Казань, Москва и Санкт-Петербург [1, с. 77].

Конечно, Петербург с расположенными здесь Академией наук, Азиатским музеем, кафедрами восточных языков в университете, учебным отделением при Азиатском департаменте МИД, а также богатым собранием восточных книг и рукописей Публичной библиотеки являлся наилучшим местом для учреждения главного востоковедческого центра. 22 октября 1854 г. император Николай I утвердил Положение об образовании при Санкт-Петербургском университете особого факультета восточных языков с девятью кафедрами: арабского, персидского, турецко-татарского, монголо-калмыцкого, китайского, еврейского, армянского, грузинского и маньчжурского языков [3, с. 21–22]. Фактически в Петербург был переведен факультет восточных языков Казанского университета. В столицу переехало большинство его преподавателей, а затем была перевезена значительная часть библиотеки. Министерство народного просвеще-

ния хотело тем самым открыть в Петербурге Азиатский институт для обучения представителей Кавказа [8, с. 205]. Но в итоге появилось нечто большее. Факультет восточных языков Петербургского университета стал главным образовательным и исследовательским центром академического востоковедения в России.

Перед развивавшимся российским востоковедением встала проблема выбора: что и как преподавать в учебных востоковедческих заведениях, прежде всего на факультете восточных языков Петербургского университета. Необходимо было выбрать — либо следовать так называемой немецкой модели академического изучения Востока, связанной с изучением мертвых языков и древних текстов, либо взять на вооружение британскую и французскую модель проведения востоковедческих исследований, имевшую в большей степени практический уклон на обслуживание интересов управления восточными колониями Франции и Великобритании [20, с. 131].

Российская империя имела «собственный Восток» в виде южных и восточных национальных окраин, а также соседних восточных государств (Турция, Иран, государства Средней Азии, Китай). Для эффективного управления окраинами и ведения внешней политики в отношении южных и восточных соседей империя нуждалась, с одной стороны, в накоплении знаний о «российском Востоке», а с другой — в постоянном притоке в систему управления чиновников и дипломатов, получивших востоковедческое образование.

Парадоксально, но на только что открытом в Петербургском университете факультете восточных языков большинство профессуры стало оказывать сопротивление любому давлению со стороны государства и некоторых членов научного сообщества, имевшему целью придать учебной программе факультета практический уклон [20, с. 131]. Его первый декан Александр (Мирза) Казем-Бек видел предназначение факультета в развитии «практического востоковедения», которое можно было непосредственно применять к делу: «именно — приготовление молодых людей для службы по ведомству иностранных дел, военному и другим, между инородцами, живущими в пределах нашего отечества». Однако его коллеги были категорически против такого направления преподавания. В результате в 1858 г. Казем-Бек ушел в отставку. Новый декан А. О. Мухлинский главной целью факультета определил «научную обработку» древних текстов и других первоисточников, а также распространение знаний [11, с. 9].

Но государство нуждалось в подготовке востоковедов-практиков для государственной службы. В итоге с конца 1850-х гг. закрепляется наметившаяся еще в первой половине XIX в. тенденция специализации российских востоковедческих центров, где Петербург стал носителем традиций академического, «классического востоковедения», а в Москве (в университете и Лазаревском институте) в большей степени обращали внимание на «практическое востоковедение», которое, следует особо отметить, развивалось крайне непросто.

Основной проблемой здесь был поиск в рамках учебного процесса оптимальных пропорций между преподаванием чисто академических и прикладных востоковедных дисциплин. Другими словами, «практическое востоковедение» должно было решить вопрос — что нужно преподавать студенту, чтобы он стал востоковедом-практиком, способным эффективно выполнять обязанности чиновника-администратора, коммерсанта, дипломата в странах Востока или восточных регионах Российской империи. Развитие этого направления отечественного востоковедения постоянно сталкивалось с проблемой нехватки преподавательских кадров, учебных пособий и программ.

В данной статье попытаемся проследить сложный путь развития отечественного «практического востоковедения» во второй половине XIX — начале XX вв. на примере специальных классов Лазаревского института.

В конце 1850-х гг. в институте стали проявляться просчеты, допущенные в ходе реформы 1848 г. [6, с. 91–105] в системе преподавания восточных языков. В рамках гимназических классов одновременно осуществлялась подготовка сразу по нескольким направлениям: учителей для армянских школ; армяно-григорианских священнослужителей; чиновников и переводчиков для кавказской администрации. В результате такой многопрофильности восточные языки в гимназических классах стали восприниматься как излишняя нагрузка, а «кавказские» и «кавказские» воспитанники смотрели на занятия восточными языками в гимназических классах как на повинность, «связанную с кавказскими стипендиями» [22, с. V]. Что же касается других воспитанников, то многие, если не большинство, стремились после окончания гимназических классов поступить в университет, а не продолжать обучение в лицейских классах, в связи с чем обучение восточным языкам казалось им бессмысленным.

Таким образом, гимназические классы Лазаревского института так и не смогли стать специальной средней школой по изучению языков Востока. В то же время стало очевидным, что отведенных для высших лицейских классов двух лет не хватало для освоения того объема знаний, который предписывала университетская программа изучения восточных языков. Кроме того, между учебными программами гимназических и высших лицейских классов со временем обнаружились диспропорции. В итоге учащиеся приходили в лицейские классы недостаточно подготовленными, что в свою очередь мешало дальнейшему успешному усвоению программы восточных языков. Таким образом, как писал Г. И. Кананов, профессора и преподаватели скоро убедились в том, «на каких неверных и шатких основаниях построено было в Институте учебное дело» [13, с. 21].

Несколько раз в конце 1850-х – начале 1860-х гг. в совете института рассматривался вопрос о необходимости исправления ситуации, но каждый раз проведение реформ откладывалось на неопределенное время [10, с. 75–76]. Дополнительным фактором, который заставил руководство учебного заведения все же приступить к серьезным преобразованиям, стали обозначившиеся в это время трудности в финансировании института. Напомним, что Лазаревский институт являлся частным учебным заведением, содержавшимся на средства семьи армянских промышленников Лазаревых. Между тем в начале 1860-х гг. средств, получаемых в виде процентов с капиталов Лазаревых, а также платы за воспитанников, стало едва хватать для оплаты профессоров и учителей. В итоге попечитель Х. Е. Лазарев пришел к выводу, что единственным способом обеспечить будущее Лазаревского института является его передача в прямое ведение Министерства народного просвещения [22, с. VI].

В 1864 г. вступивший в должность директора института И. К. Бабст по поручению попечителя создал комиссию по пересмотру учебной программы института. Среди ее членов определились две точки зрения на возможные пути реформы учебного заведения. В центре дискуссии оказалась судьба преподавания восточных языков. Директор выступил за превращение института в обычную гимназию. Его оппонентом был профессор Г. И. Кананов, считавший необходимым не только сохранить, но и усилить преподавание востоковедческих дисциплин, но уже на других основаниях. Большая часть комиссии поддержала Г. И. Кананова. В итоге было решено отделить гимназические классы, которые теперь должны были полностью соответствовать утвержденной 19 ноября 1864 г. новой гимназической программе, от преобразованных специальных классов, с трехлетним сроком обучения, полностью посвященного изучению восточных языков [22, с. VI.; 19, с. 4–6].

Преобразования в Лазаревском институте шли полным ходом, когда в 1868 г. попечитель Х. Е. Лазарев, очевидно под влиянием директора И. К. Бабста, а также главного начальника института В. П. Буткова, неожиданно решил отказаться от преподавания в нем восточных языков с целью облегчить вхождение института в общую систему учебных заведений Министерства народного просвещения. В итоге по представлению главного начальника 14 апреля 1868 г. появилось высочайшее повеление об устройстве Лазаревского института, согласно которому после кончины последнего попечителя из фамилии Лазаревых учебное заведение должно было быть передано в ведение министерства с введением в нем полного курса классической гимназии [1, с. 84]. «Таким образом, – писал позднее Г. И. Кананов, – разумно выработанная комиссией реформа института была внезапно приостановлена на полпути. Вместо ожидаемой реорганизации преподавания восточных языков явилась необходимость, в силу нового закона, приступить к закрытию лицейских классов» [13, с. 40].

Новость о ликвидации в Лазаревском институте лицейских классов с изучением восточных языков вызвала протесты со стороны не только профессуры института, армянской интеллигенции, но и всего московского образованного общества. В ноябре 1868 г. попечитель Х. Е. Лазарев, поняв, что директор И. К. Бабст, не нашедший взаимопонимания с преподавательским составом института, не сможет в дальнейшем исполнять свои обязанности, уволил его от должности директора «по домашним обстоятельствам» [1, с. 86].

В апреле 1869 г. директором Лазаревского института вновь стал Николай Давыдович Десянов, который считал необходимым сохранить за институтом статус одного из крупных центров востоковедения. С целью добиться отмены указа от 14 апреля 1868 г. Н. Д. Десянов обратился за поддержкой и покровительством к министру народного просвещения гр. Д. А. Толстому. Инспектор института Г. И. Кананов подготовил и сделал министру личный доклад о преимуществах института как востоковедческого учебного заведения. Граф Д. А. Толстой «отнесся с горячим интересом к вопросу о возобновлении изучения восточных языков и о восстановлении

прав Института». К этому времени главный начальник института В. П. Бутков уже подал в отставку, что дало возможность министру ходатайствовать о назначении главным начальником института себя. 21 апреля 1870 г. вышел указ «О принятии Министерству народного просвещения начальства над Лазаревским институтом восточных языков и о назначении министра народного просвещения графа Д. А. Толстого на должность главного начальника» [15, с. 297].

Приняв в свое ведение институт, министр предпринял деятельную подготовку к его преобразованию. В первую очередь он ходатайствовал перед Александром II о сохранении в институте преподавания восточных языков и дисциплин. Итогом усилий министра стало новое Высочайшее повеление от 30 мая 1870 г. об оставлении при институте специальных классов [22, с. IX–X]. Затем, лично посетив Лазаревский институт и ознакомившись со всеми его частями и делами, гр. Д. А. Толстой провел 25 августа 1870 г. под своим председательством заседание совета института в полном составе. На нем министр еще раз заявил о своей полной поддержке реформы института, направленной на сохранение его востоковедческого профиля. Учитывая изначальную специфику учебного заведения, он согласился сохранить в гимназических классах «обучение армянских детей их природному языку». Что касается специальных классов, то министр рекомендовал усилить в них преподавание восточных языков, а также даровать выпускникам необходимые права, с тем чтобы студенты-ориенталисты не стремились уходить в университеты. Для этого было предложено увеличить курс специальных классов до трех лет, с тем чтобы уравнивать студентов и профессоров института в правах со студентами и профессорами университетов. В число предметов преподавания гр. Д. А. Толстой предложил внести: армянскую и персидскую словесность, турецкий, татарский, грузинский и арабский языки, историю Востока, восточную каллиграфию и практику в восточных языках, а кроме того русскую словесность, с тем чтобы дать возможность студентам «восточного происхождения» вполне овладеть русским языком. Все эти предложения, согласованные с советом института и представленные министром в специальном всеподданнейшем докладе, вскоре были одобрены императором¹.

Для составления проекта устава и учебного плана специальных классов, а также положения о правах студентов и преподавателей по распоряжению гр. Д. А. Толстого была созвана особая комиссия из преподавателей института. [22, с. 80]. Уже в начале 1871 г. разработанный комиссией черновой вариант устава и штатов института был передан главным начальником института на рассмотрение в другие министерства и ведомства. При обсуждении проекта устава возникла дискуссия, которая хорошо характеризует те трудности, которые встречал на своем пути процесс становления российского «практического востоковедения». В частности, с замечаниями в адрес проекта выступили представители Азиатского департамента МИД. По их мнению, предусмотренные проектом цели учебной программы вряд ли могли быть достигнуты учащимися в течение трех лет. Соответственно, комиссии рекомендовалось увеличить курс до четырех лет. Отвечая на критику из МИДа, члены комиссии указали в первую очередь на то, что «учреждаемые при Лазаревском Институте Специальные классы должны отвечать иным целям, нежели восточной факультет С.-Петербургского университета; **они должны преследовать не исключительно учебную цель и будут вмещать в себе молодых людей, ищущих практической деятельности и служебной карьеры**, а для такового четырехлетний курс служил бы только отталкивающим, а не привлекающим средством» [22, с. 7]. Кроме того, введение четырехлетнего учебного курса потребовало бы больших затрат, между тем как при введении трехлетнего курса, подчеркивали члены комиссии, «серьезность и полнота изучения восточных языков не могут нимало пострадать» [22, с. 7].

Несмотря на высказанные замечания, в целом в МИДе более чем сочувственно отнеслись к проекту реформы института. В своем отзыве товарищ министра В. И. Вестман особо отметил, что «мысль поднять в Лазаревском Институте уровень изучения восточных языков вполне совпадает с видами Министерства иностранных дел, подавая ему надежду своевременно наполнять ряды желающих поступить на драгоманскую службу хорошо подготовленными молодыми ориенталистами» [22, с. 9].

Не встретив противодействия со стороны других министерств, проект вскоре поступил на рассмотрение в Кавказский комитет, который, внося в него ряд небольших поправок, его одобрил. 16 июня 1871 г. Александр II утвердил проект устройства при Лазаревском институте специальных классов, преподавание в которых должно было открыться с 1 сентября того же года [22, с. 84].

¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 153. Учебное отделение восточных языков. Оп. 668. Д. 155. Л. 50 об. – 51.

Что же касается нового устава Лазаревского института, то, пройдя все ведомственные инстанции, 16 декабря 1872 г. он был утвержден императором. Согласно новому уставу в институте упразднилась должность главного начальника, поскольку он переходил в прямое ведение Министерства народного просвещения. Кроме того, звание попечителя Лазаревского института заменялось на звание «Почетный попечитель» [4, с. 1145].

По уставу 1872 г. Лазаревский институт восточных языков состоял из одного приготовительного, семи гимназических и трех специальных классов. Администрация была общей как для гимназических, так и для специальных классов, однако учебный процесс регламентировался отдельными уставами для гимназических и специальных классов. Гимназические классы Лазаревского института потеряли статус специальной средней школы, где преподавались восточные языки. Теперь их целью являлось: «доставлять воспитывающемуся в них юношеству общее образование и вместе с тем служить приготовительным заведением для поступления в университет и высшие специальные училища» [1, с. 91]. Единственной особенностью гимназических классов института осталось обязательное для всех обучающихся здесь армян преподавание армянского языка и словесности.

Что касается специальных классов, то они по своей учебной программе, а также правам, предоставляемым выпускникам, являлись теперь высшим учебным заведением. Согласно утвержденному 16 июня 1872 г. уставу их главной целью являлось «изучение восточных языков». В специальных классах были учреждены следующие кафедры: 1. Армянской словесности; 2. Арабской словесности; 3. Персидской словесности; 4. Турецко-татарского языка; 5. Истории Востока; 6. Русской словесности; 7. Грузинского языка; 8. Практики персидского и турецкого языков; 9. Восточной каллиграфии. Несмотря на то, что по времени общий учебный курс специальных классов укладывался в три академических года, однако по своему объему он был «не только не меньше числа 4-летних лекций восточного факультета С.-Петербургского университета», но даже его превышал [22, с. 7].

Главное внимание в учебном плане уделялось преподаванию трех восточных языков (арабского, персидского и турецкого), которым отводилось наибольшее число часов по сравнению с другими дисциплинами (четыре часа в неделю на каждый предмет на всех трех курсах). Что касается армянского и грузинского языков, то они считались обязательными только для студентов из армян, грузин и «кавказских стипендиатов». Профильным предметом считалась также история Востока, которая читалась в течение всех трех курсов. Совет специальных классов выработал особую программу ее преподавания: она была разделена на три отдела, которые должны были читать два преподавателя. Один читал древний и средний периоды, а второй — новейшую историю стран Востока, с периода османского владычества. На кафедру истории Востока совет единогласно выбрал профессора Г. И. Кананова, на должность второго преподавателя согласился профессор Московского университета В. И. Герье [22, с. 7].

Стремясь улучшить учебный процесс, совет специальных классов уже с первых дней стал вносить изменения и дополнения в учебный план. В 1872 г. была установлена должность отдельного преподавателя практических занятий по арабскому языку, которая не была предусмотрена уставом. В 1876 г. введено преподавание французского языка в виде необязательного предмета по шесть часов в неделю. Это было сделано ввиду того, что в то время изучение восточных языков проходило с опорой на научные работы французских востоковедов [22, с. 28]. Существовала еще одна причина для введения французского языка в учебную программу классов. Знание его являлось обязательным для поступающих в Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, тогда как именно туда, как правило, поступали выпускники специальных классов, стремившиеся сделать дипломатическую карьеру.

В июле 1881 г. директором Лазаревского института стал профессор Георгий Ильич Кананов, сыгравший ключевую роль в становлении здесь преподавания «практического востоковедения». При нем начался процесс пересмотра программ преподавания восточных языков. Характерно, что образцом для новых программ специальных классов стали программы преподавания в Петербургском университете, а также Парижской школе живых восточных языков. При этом совет оставлял за преподавателями практических языковых занятий определенную свободу в выборе методов и приемов преподавания [6, с. 29]. В 1883 г. совет специальных классов поручил преподавателям С. Е. Сакову, М. О. Атая и М. Д. Ризаеву подготовить специальную программу для занятий по арабской каллиграфии, которая должна была познакомить студентов в течение трех курсов с главными почерками арабского письма: на I курсе — насхи и его подвиды насхи-сульс, рук'а, дивани; на II курсе — насхи-таалик; на III курсе — шикесте. В 1884 г. на ос-

новании доклада профессора С. Е. Сакова было постановлено в курсе турецкого языка отдать предпочтение «джагатайскому наречию», имевшему более широкое распространение в Средней Азии. При этом несколько часов оставлялось также для «адербейджанского» языка, широко распространенного в Закавказье [22, с. XIV–XV]. Одновременно с введением новых дисциплин была ужесточена система проверки знаний студентов, которые с 1882 г. должны были сдавать как устные, так и письменные экзамены по арабскому, персидскому и турецкому языкам [22, с. 30].

Поскольку специальные классы Лазаревского института должны были готовить студентов к гражданской службе, то в 1882 г. на одном из заседаний совета было высказано мнение о необходимости продлить срок учебы в институте на полгода, чтобы студенты могли пройти курс юриспруденции. Кроме того, совет рекомендовал уделять на юридические науки по три лекции в неделю в течение трех лет. Не относясь к востоковедению, они были необходимы для тех учащихся, которые хотели избрать карьеру чиновника. Тем не менее сразу решить этот вопрос не удалось. В 1892 г. совет, учитывая что институт не имеет средств для введения в учебный план политико-правовых дисциплин, добился от попечителя Московского учебного округа разрешения, чтобы студенты третьего курса могли слушать лекции в Московском университете по государственно-правовым, юридическим и политико-экономическим дисциплинам [1, с. 156].

В соответствии с заявленными в уставе специальных классов целями преподавания, среди студентов сразу выделилось несколько групп. Особняком стояла крайне немногочисленная группа студентов-востоковедов, проявлявших глубокий, живой интерес к Востоку и восточным языкам. Большая же часть студентов хотела лишь соответствовать образовательному цензу для службы на дипломатическом поприще. Меньшая часть желала приобрести аттестат, дававший право на поступление на государственную службу вообще. Таких с учетом трудности изучения восточных языков было немного, и, как правило, они покидали классы уже после первого полугодия.

Кроме обычных студентов в специальных классах могли учиться сторонние слушатели из числа семинаристов, студентов высших учебных заведений, военных и представителей духовенства [18, с. 3–6]. Среди военных было немало офицеров, проходивших службу в Туркестане. Православных священнослужителей интересовали восточные языки в целях предстоящей миссионерской деятельности на национальных окраинах империи. Много приходило студентов из Московского университета, Петровской земледельческой академии, Технического училища, хотевших овладеть тем или иным восточным языком, что могло пригодиться в случае прохождения дальнейшей службы на Кавказе или в Средней Азии [22, с. 37]. В 1888 г. руководство института открыло курсы восточных языков, которые сразу привлекли много слушателей.

Совет специальных классов был весьма заинтересован в утверждении и поддержании за классами статуса лучшего учебного заведения по подготовке специалистов-востоковедов – дипломатов и чиновников. Для этого, в частности, приходилось активно заниматься трудоустройством своих выпускников в соответствии с приобретенными ими знаниями. Частично проблема решалась за счет дальнейшего поступления выпускников специальных классов Лазаревского института в Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте МИД, окончив которое они уже поступали на дипломатическую службу [6, с. 189–202].

Сложнее было с теми, кто хотел идти на гражданскую или военную службу. В § 24 устава специальных классов студенты говорилось: «Окончившие с отличным успехом полный курс учения и представившие сочинение по одному из преподаваемых в специальных классах предметов, в случае если последнее будет одобрено Советом, удостоиваются аттестата, дающего право на чин X класса»². Студенты же, «показавшие на окончательном испытании успехи удовлетворительные», получали аттестат, дававший право на чин XII класса³. Отдельной привилегией для окончивших специальные классы с правом на чины X и XII классов являлось дарованное им высочайшим указом от 20 октября 1890 г. право ношения особого золотого или серебряного вызолоченного жетона [22, с. 86].

Несмотря на то что выпускники классов имели существенные привилегии при поступлении на гражданскую службу, перед советом постоянно стояла проблема устройства их дальнейшей судьбы. Довольно часто совет напрямую обращался в различные ведомства и учреждения с просьбой о предоставлении выпускникам специальных классов служебных вакансий.

² АВПРИ Ф. 153. Оп. 668. Д. 155. Л. 156 об.

³ Там же.

В 1876 г. туркестанский генерал-губернатор К. П. фон Кауфман предложил совету через министра народного просвещения ежегодно предоставлять ему сведения о студентах, которые после окончания классов готовы приехать на службу в Туркестан. В 1883 г. выпускникам специальных классов было официально предоставлены некоторые права и преимущества при поступлении их на службу в Туркестане, на Кавказе или в МИД.

Совет также постоянно ходатайствовал об обеспечении прав своих выпускников в случае их желания продолжить образование в других высших военных и гражданских учебных заведениях. С 1893 г. по распоряжению МНП окончившим курс специальных классов было разрешено проходить испытания в комиссии Восточных языков при Санкт-Петербургском университете на диплом первой и второй степени без предоставления выпускного университетского свидетельства. В 1902 г. Главное управление военно-учебных заведений предоставило лицам, успешно окончившим специальные классы Лазаревского института, право на поступление без экзаменов в одногодичные отделения Московского и Киевского военных училищ наравне с лицами, окончившими другие высшие учебные заведения [22, с. 87].

Сильной и одновременно слабой стороной специальных классов Лазаревского института в период 1870-х – 1880-х гг. являлся его преподавательский состав. Среди преподавателей классов были, конечно, настоящие ученые-востоковеды, такие как Г. И. Кананов, С. И. Назарянц или Н. О. Эмин. Но большую часть преподавателей специальных классов составляли талантливые переводчики-практики, блестяще знавшие во всех тонкостях преподаваемые ими восточные языки, но не имевшие историко-филологического образования и не занимавшиеся наукой. Так, выпускник института Хр. И. Кучук-Иоаннесов вспоминал: «За исключением истории Востока, русской словесности и армянской словесности, преподавание всех остальных предметов было поставлено на практической основе; научных целей при изучении восточных языков Специальные Классы не преследовали» [22, с. 17]. С одной стороны, это положительно влияло на практическую языковую подготовку выпускников классов. Но с другой – отсутствие у многих преподавателей ученых степеней, а также их слабое знакомство с достижениями академического востоковедения – всё это значительно обедняло содержание преподавания в специальных классах.

В этой связи выпускник специальных классов знаменитый тюрколог профессор В. А. Гордлевский, вспоминая в частности о своем преподавателе турецкого языка, писал: «Как профессор, Саков был последний могокан, последний представитель отжившего и в России типа ученых; он хорошо знал и понимал османский язык, ухмыляясь в бороду, когда замечал промахи петроградских тюркологов; но дальше начетничества не ушел. Ему недоставало филологического образования, и, отмахиваясь правой рукой, он отклонял от себя научную работу, ибо не видел в ней практического смысла. Ему, впрочем, и негде было выучиться научным приемам. Лицейские классы Лазаревского института (в отношении преподавания восточных языков) походили скорее на медресе. Старейшее поколение Специальных классов вспоминало, как проф. Лазарев, перешедший сюда из лицейских классов, создавал на лекциях восточную обстановку: он садился со слушателями на полу и, раскачиваясь, читал нараспев Коран» [7, с. 404].

Одним из прямых следствий недостатка ученых среди преподавательского состава классов являлась бедность списка наименований учебных пособий по восточным языкам, имевшихся в институте. Временным выходом из этой ситуации являлось издание студенческих записей. Так, В. В. Бартольд писал: «Бедность русской научной литературы не только в области востоковедения еще заставляет прибегать к изданию так называемых “пособий по лекциям”, причем для этой цели часто служат студенческие записи, за которые преподаватель, давая разрешение на издание их в литографированном или печатном виде, конечно, не принимает на себя полной ответственности» [2, с. IX]. Таким способом в Лазаревском институте были изданы отдельные курсы, прочитанные профессором А. Н. Веселовским, а также в 1903 г. – лекции профессора В. И. Герье по новой истории Востока [5]. Сознвая потребность в хороших учебных пособиях по восточным языкам, совет специальных классов стремился путем оказания материальной поддержки побудить преподавателей к составлению учебных руководств, грамматик и хрестоматий. Так, 22 мая 1882 г. совет признал заслуживающими поощрения составленные М. О. Атая и М. Д. Ризаевым учебники – практические руководства по арабскому и персидскому языкам. Совет постановил принять на счет института все издержки по их изданию, а также – купить для специальных классов по 100 экземпляров по назначенной авторами цене [22, с. 18].

Но кардинально изменить ситуацию с повышением уровня преподавания, а также с учебными пособиями могло только сочетание научных достижений зарубежного и отечественного

академического востоковедения с наработанным в стенах института бесценным опытом практического преподавания восточных языков. Не случайно, общероссийскую и европейскую известность специальные классы Лазаревского института приобрели именно в тот период, когда в его стенах стали преподавать выдающиеся ученые, представители московской школы востоковедения Ф. Е. Корш и В. Ф. Миллер. Эти два мэтра оказались своего рода камертоном преподавательской и научно-исследовательской деятельности в стенах института в конце XIX – начале XX вв. Их ученик, также выдающийся востоковед А. Е. Крымский так писал о Ф. Е. Корше и В. Ф. Миллере: «Оба первоклассные таланты, оба – глубокоучёные лингвисты, оба – всесторонне образованные люди с поразительной литературной начитанностью, оба – исследователи-художники с превосходным эстетическим чутьём, – они в течение всей жизни были, можно сказать, даже соперниками в славе» [14, с. 319].

Гениальность Федора Евгеньевича Корша признавали уже его современники. Поразительным было то количество языков, которыми учёный владел. Он мог свободно объясняться и писать на арабском, новогреческом, кумыкском, черкесском, персидском, турецком и множестве других. Идеально владел учёный античными языками и санскритом. Иранские, монгольские, тюркские, кавказские и финно-угорские языки также входили в его арсенал. Ходил анекдот, что В. О. Ключевский, знакомя кого-то с Ф. Е. Коршем, представил его следующим образом: «Вот это Корш Федор Евгеньевич – секретарь при Вавилонском столпотворении» [9, с. 7]. Начав с 1892 г. преподавать в Лазаревском институте, Корш в полной мере проявил себя здесь как востоковед-универсал, являясь выдающимся специалистом одновременно в различных областях иранистики, арабистики, тюркологии и др.

Через несколько лет после прихода в институт профессора Ф. Е. Корша здесь же начал преподавать другой выдающийся представитель московской школы востоковедения Всеволод Федорович Миллер. В сентябре 1897 г. он был назначен директором Лазаревского института восточных языков. Миллер был известен и как славист, и как специалист по санскриту. Однако в период его работы в Лазаревском институте главной сферой его научных интересов стало кавказоведение. Отличительной чертой В. Ф. Миллера являлось то, что он не был только кабинетным учёным. Весь обширный материал для своих кавказоведческих исследований он собрал в ходе длительных поездок по Северному Кавказу [12, с. 24–31].

С назначением В. Ф. Миллера директором Лазаревского института преподавание восточных языков в нём стало приобретать все более научный характер, но, как писал А. С. Хаханов, «без ущерба прежней особенности – практической подготовки студентов к деятельности на Востоке» [22, с. 21]. В специальных классах начали читаться различные новые курсы. В 1898–1900 гг. для всех желающих приват-доцент Московского университета Николай Николаевич Харузин читал курс лекций по этнографии. С того же 1898 г. приват-доцент Левон Зармайрович Мсерианц начал читать курсы по сравнительному языкознанию и древнеперсидскому языку. С 1900 г. в программу специальных классов было введен курс мусульманского права, а с 1902 г. – курс истории ислама. В 1901 г. в специальных классах ввели преподавание «сартско-го» (узбекского) языка [22, с. XV].

Высокий уровень преподавания восточных языков и других востоковедческих дисциплин в специальных классах Лазаревского института получил признание как в России, так и за рубежом. На Всероссийской выставке 1882 г. специальные классы были удостоены диплома II степени и серебряной медали за образцы восточного письма, исполненные студентами института. В 1900 г. специальные классы получили золотую медаль на Парижской выставке за учёные труды профессоров, а также за подготовленные его преподавателями учебные пособия по восточным языкам и экзаменационные письменные работы студентов, в том числе за исполненные ими образцы восточной каллиграфии.

Характерной чертой специальных классов в период пребывания профессора В. Ф. Миллера в должности директора стало активное вовлечение студентов в научно-исследовательскую деятельность. Этому способствовали начавшие выходить в Лазаревском институте серийные научные издания – «Эминский этнографический фонд» и «Труды по востоковедению». В течение 1890-х гг. около 20 студентов специальных классов выступили со своими научными работами по востоковедению. Многие из них приняли участие в деятельности Восточной комиссии Императорского Московского археологического общества, а также Этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Около 12 студентов во время летних каникул предприняли с научной целью поездки в Османскую империю и Персию [22, с. XVI].

Таким образом, профессора В. Ф. Миллер и Е. Ф. Корш заложили традицию широкого использования в учебном процессе специальных классов Лазаревского института достижений отечественного и западноевропейского академического востоковедения, что в итоге давало не только более фундированную подготовку востоковедов-практиков (дипломатов и чиновников), но также позволяло поддерживать процесс воспроизводства в стенах института пусть в небольшом количестве, но весьма востребованных, в частности для той же преподавательской работы, востоковедов-учёных. Ярким примером этого может служить судьба А. Е. Крымского и В. А. Гордлевского – представителей следующего поколения московской школы востоковедения. Выпускники специальных классов Лазаревского института, затем Московского университета, пройдя стажировку в странах Ближнего Востока, оба они вернулись в стены родного института уже в качестве преподавателей.

В 1898 г. решением совета специальных классов Лазаревского института А. Е. Крымскому в виде опыта было поручено чтение четырёх лекций по арабскому языку и словесности на всех трех курсах. Получив в 1899 г. в Петербургском университете звание магистра арабской словесности, А. Е. Крымский в 1900 г. занимает в специальных классах должность экстраординарного профессора. Как и его старшие коллеги, он стремится усовершенствовать преподавание восточных языков, сделав его более фундаментальным. Он ввёл курс по истории семитских языков с систематическими практическими занятиями по переводу с русского и французского языков на классический старо-арабский, а также ввёл курс по разбору историко-географических отрывков с чтением предварительных вводных лекций по арабской историографии. На первых курсах учёный стал читать студентам историю Корана с разбором хадисов, а на III курсе – историю арабской поэзии с чтением и объяснением важнейших поэтических размеров. Для лучших студентов Крымский сверх положенной программы ввёл выполнение обязательных домашних научных работ [22, с. 25]. Помимо курсов по арабской словесности, учёный систематически в течение 20 лет вел также курс истории Востока – вначале совместно с В. И. Герье, а затем с В. Ф. Миллером. В 1912 г., став экстраординарным профессором кафедры истории Востока, он начал читать студентам курсы по истории ислама, Персии и Османской империи. После кончины в 1915 г. Ф. Е. Корша совет передал ему часть курса по персидской литературе. Кроме того, за весьма короткий срок

А. Е. Крымский подготовил учебные пособия, обеспечившие преподавание арабской, персидской, турецкой словесности, истории ислама, а также истории народов Ближнего и Среднего Востока.

В 1907 г. в специальные классы в качестве преподавателя турецкого языка пришел В. А. Гордлевский. По примеру старших коллег, в первую очередь А. Е. Крымского, он также направил свои силы на восполнение недостатков в учебном процессе, прежде всего на разработку новых учебных пособий по турецкому языку и литературе. Именно преподавательская деятельность в Лазаревском институте способствовала появлению работ В. А. Гордлевского по турецкой литературе, этнографии, фольклору. Так, в 1909 г. вышло первое издание его работы «Очерки по новой османской литературе», основу которой составили лекции, читаемые в специальных классах.

Между тем, как это было в 1860-х гг., так и в 1900-х гг., на пути дальнейшего развития специальных классов Лазаревского института в качестве специализированного востоковедческого учебного заведения проявилось препятствие – унаследованная от прошлого, характерная для всей истории института многопрофильность. В какой-то момент гимназические классы стали явной обузой, мешающей развитию специальных классов. По сути, под одной крышей находилось два совершенно разных учебных заведений, связанных друг с другом только общей администрацией. Особенно четко этот факт подтвердили события 1905–1906 гг., когда учащиеся гимназических классов Лазаревского института были вовлечены в массовые беспорядки. В. Ф. Миллеру не удалось справиться с волнениями в стенах института [1, с. 151].

Полученный в 1905–1906 гг. негативный опыт привёл Миллера к выводу, что гимназические классы являются досадной помехой для научно-исследовательской и преподавательской работы специальных классов. Сразу после прекращения беспорядков в гимназических классах он предпринял попытку избавиться от них. А. Е. Крымский вспоминал: «Мечтая избавиться от гимназической обузы, Вс. Миллер в марте 1907 года составил и отправил в Министерство народного просвещения мотивированный проект преобразования специальных классов в совершенно самостоятельный “Восточный институт”, который бы ничего общего ни имел с “Лазаревскою гимназией”. Записка не достигла успеха в министерстве» [14, с. 319].

В 1911 г., в связи с тем что В. Ф. Миллер был избран в Академию наук в Петербурге, должность директора Лазаревского института занял ординарный профессор Московского университета, правовед Павел Васильевич Гидулянов. Не будучи востоковедом, но имея поддержку со стороны министра народного просвещения Л. А. Кассо, новый директор смог провести очередное преобразование специальных классов, целью которого являлось дальнейшее совершенствование преподавания в них «практического востоковедения».

Поводом для новой реформы стал вопрос организации для студентов специальных классов правоведческих дисциплин. Добившись в своё время для своих студентов права посещать занятия на юридическом факультете Московского университета, совет специальных классов уже через несколько лет убедился в неэффективности данной меры. Посещение студентами лекций на стороне отрицательно сказывалось на учебном процессе в самом институте. Очевидно, что следовало ввести собственные курсы лекций по праву. И в этой связи было принято решение не только дополнить учебный план недостающими предметами, но попытаться целиком пересмотреть и учебный план, и устав 1872 г. специальных классов Лазаревского института.

Что касается учебного плана, то согласно разработанному советом классов проекту туда теперь должны были войти ряд юридических дисциплин, а также политическая экономия. Было также предложено увеличить срок обучения до четырех лет. Для детальной разработки нового учебного плана, а также программ новых дисциплин совет рекомендовал привлечь профессоров Московского университета. В уставе было предложено изменить статьи, определявшие состав абитуриентов, имевших право поступить в специальные классы. Совет выступил за его расширение за счет выпускников реальных и коммерческих училищ, кадетских корпусов и духовных семинарий. При этом было указано, что для целей специальных классов прием в институт выпускников коммерческих и реальных училищ, которые имели хорошее знание новых иностранных языков (английского, французского или немецкого), был бы более полезен в плане изучения Востока, чем если бы принимались только воспитанники классических гимназий [1, с. 156].

Показательно, что разработанные московской профессурой устав и учебный план специальных классов Лазаревского института подверглись жесткой критике со стороны профессуры Восточного факультета Петербургского университета. Причина этого заключалась в различном видении двумя учеными корпорациями целей преподавания востоковедения. В Петербурге доминировала традиция преподавания «классического востоковедения», связанного с углубленным изучением древней и средневековой истории Востока, а также связанных с этими эпохами литературы и культуры. Здесь заботились прежде всего о воспроизводстве востоковедов-ученых, специалистов высокого уровня. В Лазаревском институте в большей степени ориентировались на массовую подготовку востоковедов-практиков, будущих дипломатов, чиновников, военных, которые могли бы служить на восточных окраинах империи или в странах Ближнего Востока. Выпускники специальных классов должны были в большей степени разбираться в тонкостях живых восточных языков, современных политических, правовых, культурных реалиях народов и стран Востока.

Так, петербургские профессора, воспринимая востоковедов как штучный, эксклюзивный «товар», выступили с критикой предложения расширить контингент абитуриентов специальных классов института. Московская профессура следующим образом защищала свою позицию: «Не разделяя точки зрения факультета, совет продолжает настаивать на необходимости открыть более широкий доступ молодым людям среднего образования в специальные классы, причем ставит только одно условие, чтобы поступающие были достаточно подготовлены к изучению преподаваемых предметов» [1, с. 157]. Профессура Восточного факультета Санкт-Петербургского университета, с одной стороны, рекомендовала делать упор в преподавании востоковедческих дисциплин на средневековье, а с другой — выступала против введения в преподавание общественно-экономических и юридических предметов. Совет специальных классов Лазаревского института, напротив, считал, что следует главное внимание в преподавании уделять современному периоду, а введение правоведческих и экономических дисциплин крайне необходимо для студентов института [1, с. 157]. В то же время совет специальных классов Лазаревского института принял замечания петербургских коллег, которые касались изменений в штатном расписании. Согласно этим рекомендациям было постановлено учредить в специальных классах семь кафедр: 1. Арабской словесности (12 ч.); 2. Персидской словесности (12 ч.); 3. Турецко-татарской словесности (12 ч.); 4. Армянской словесности (8 ч.); 5. Грузинской словесности (8 ч.); 6. Истории Востока (6 ч.); 7. Русской словесности (6 ч.).

В целом принятый в 1912 г. новый учебный план специальных классов Лазаревского института более чётко выразил направленность учебного заведения на подготовку дипломатов и чиновников. С 1912/13 академического года в специальных классах вводилось разделение на два отделения: дипломатическое и административное. В «Правилах испытаний для студентов специальных классов...» говорилось: «...дипломатическое отделение предназначалось для лиц, желающих посвятить себя дипломатической деятельности или службе по Министерству иностранных дел. По административному отделению направляются лица, избирающие судебную или административную деятельность на наших окраинах, смежных с пределами Ближнего Востока, именно в Средней Азии, на Кавказе и т. д.» [17, с. 2].

В новый учебный план были включены следующие дисциплины: гражданское, торговое, государственное, международное, уголовное право, уголовный процесс, энциклопедия права, политическая экономия, а также история «восточного вопроса». Произошли изменения в преподавании истории Востока. Курс древней истории Востока был упразднён, а вместо него усилено преподавание «новой истории мусульманского Востока». Ряд дисциплин был выделен в группу «общих предметов», которые должен был сдать каждый студент независимо от того, на каком отделении он учился. К «общим предметам» относилось 17 дисциплин: арабская словесность, персидская словесность, турецко-татарский язык, история Востока, русская словесность, практика арабского языка, практика персидского языка, азербайджанский язык, восточная каллиграфия, энциклопедия права, политическая экономия в связи с финансами, основы гражданского права и процесса, торговое право, основы уголовного права и процесса, гражданский процесс, государственное право русское и важнейших иностранных держав в связи с административным правом, мусульманское право [17, с. 1]. На первом курсе для студентов каждого из отделений начали вводиться дисциплины специализации: на дипломатическом отделении — практика турецко-османского языка и французский язык, на административном отделении — армянская словесность и грузинский язык. Эти же предметы преподавались на втором курсе. К ним на последнем курсе добавлялся на дипломатическом отделении курс международного права, а на административном — курс узбекского (сартского) языка [17, с. 3–5].

Пройдя во второй половине XIX в. через несколько крупных преобразований, специальные классы Лазаревского института к 1917 г. стали ведущим российским учебным заведением, специализирующимся на подготовке «востоковедов-практиков», будущих дипломатов и чиновников, призванных служить в странах Ближнего Востока, а также на восточных и южных окраинах Российской империи. Отличительной чертой специальных классов стало использование в учебном процессе достижений как «академического», так и «практического востоковедения». Добиться такого эффективного синтеза удалось за счет удачной кадровой политики — привлечения к преподавательской деятельности лучших представителей московской школы востоковедения. Благодаря этому в 1890–1900-х гг. в специальных классах сложились условия не только для подготовки профессиональных востоковедов-практиков, но также для воспроизводства учёных-востоковедов, призванных продолжать традицию преподавания «практического востоковедения» в стенах Лазаревского института.

Революция 1917 г. прервала дальнейшую эволюцию учебного заведения, которая шла в направлении все большей востоковедной специализации, развития «практического востоковедения», расширения географии изучаемых регионов Востока, а также отказа от характерной для Лазаревского института в первой половине XIX в. многопрофильности. Так, можно предположить, что следующим шагом должно было стать отделение специальных классов от гимназических, с превращением первых в самостоятельный «Восточный институт». Реформы также должны были коснуться Учебного отделения восточных языков Азиатского департамента МИД. В мае 1917 г. специальная комиссия разработала проект преобразования Учебного отделения в «Дипломатический институт», в котором предполагалось создание трёх отделов — европейского (западного), ближневосточного и дальневосточного [21, с. 14]. Именно во второе отделение должны были приходиться выпускники факультета восточных языков Петроградского университета, а также специальных классов Лазаревского института.

The role of the special classes of Lazarev Institute in the development of “practical Oriental studies” in Russia in second half of 19th – beginning of 20th centuries

Mikhail Volhonskiy, Ph.D. (history), senior researcher,
Center for the Caucasian studies and regional security,
Institute for International Studies, MGIMO.

119454, 76 Vernadsky Ave, Moscow. E-mail: VolhonskyMA@yandex.ru

Summary. *The article describes a complex path of development of domestic «practical Oriental studies» in the second half of XIX – early XX centuries by the example of special classes Lazarev Institute. Passing during this time through several major transformations of special classes became a leading Russian educational institutions specializing in the preparation of the «Orientalists practitioners», future diplomats and officials, called to serve in the Middle East, and Eastern and southern outskirts of the Russian Empire. Hallmark special classes was the use in the educational process achievements as «academic» and «practical Oriental studies».*

Keywords: *The Russian Empire, Ministry of foreign Affairs, the Lazarev Institute of Oriental languages teaching, D. A. Tolstoy, G. I. Kananov, F. E. Korsh, V. F. Miller, A. Krymsky and V. A. Gordlevski.*

Литература / References

1. Базиянц А. П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. – М., 1973. [Bazianc A. P. Lazarevskij institut v istorii otechestvennogo vostokovedeniya. – М., 1973; Bazianc, A. P. Lazarev Institute in the history of Russian Oriental studies. – М., 1973].
2. Бартольд В. История изучения Востока в Европе и России. – Л., 1925. [Bartol'd V. Istoriya izucheniya Vostoka v Evrope i Rossii. – L., 1925; Bartold V. History of studying of the East in Europe and Russia. – L., 1925].
3. Веселовский Н. И. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России. – СПб., 1879. [Veselovskij N. I. Svedeniya ob oficial'nom преподаvanii vostochnyh yazykov v Rossii. – SPb., 1879; Veselovsky N. I. Information about the official teaching of Oriental languages in Russia. – SPb., 1879].
4. Высочайше утвержденный устав Лазаревского института восточных языков // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 47. Ч. 2. – СПб., 1875. № 51655. [Vysochajshe utverzhdenyj ustav Lazarevskogo instituta vostochnyh yazykov // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sbranie 2-e. T. 47. CH. 2. – SPb., 1875. № 51655; Royally approved Statute of the Lazarev Institute of Oriental languages // Complete collection of laws of the Russian Empire. Meeting 2-E. T. 47. Part 2. – SPb., 1875. № 51655].
5. Герье В. И. Новая история Востока. Лекции проф. В. И. Герье, читанные в 1901–1902 гг. на II и III курсах специальных классов Лазаревского Института восточных языков. Изд. студента III курса К. Золотницкого, литография Иванова. – М., 1902 [Ger'e V. I. Novaya istoriya Vostoka. Lekcii prof. V. I. Ger'e, chitannye v 1901–1902 g. na II i III kursah special'nyh klassov Lazarevskogo Instituta vostochnyh yazykov. Izd. studenta III kursa K. Zolotnickogo, litografiya Ivanova. – М., 1902; Gere V. I. A New history of the East. Lectures of Professor V.I. Guerrier delivered in 1901–1902 on II and III courses of the special classes Lazarev Institute of Oriental languages. Ed. student of III year K. Zolotnitsky, lithograph Ivanov. – М., 1902].
6. Главы из истории московского востоковедения. Лазаревский институт – Московский институт востоковедения – МГИМО. М., 2014. [Glavy iz istorii moskovskogo vostokovedeniya. Lazarevskij institut – Moskovskij institut vostokovedeniya – MGIMO. – М., 2014; Chapters from the history of Oriental studies in Moscow. Lazarevsky Institute – Moscow Institute of Oriental studies – MGIMO. – М., 2014].
7. Гордлевский В. А. Избранные сочинения. Т. IV. – М., 1968 [Gordlevskij V. A. Izbrannye sochineniya. T. IV. – М., 1968; Gordlevski V. A. Selected works. T. IV. – М., 1968].
8. Джераси Роберт. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. – М., 2013. [Dzherasi Robert, Okno na Vostok: Imperiya, orientalizm, naciya i religiya v Rossii. – М., 2013.; Geraci Robert, Window on the East: national and imperial identities in late tsarist Russia. Cornell University Press Ithaca and London, 2001].
9. Дмитриев Н. К. Федор Евгеньевич Корш. – М., 1962. [Dmitriev N. K. Fedor Evgen'evich Korsh. М., 1962; Dmitriev N. K. Fedor Yevgenievich Korsh. – М., 1962].
10. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков. – М., 1863. [Istoricheskij ocherk Lazarevskogo instituta vostochnyh yazykov. – М., 1863; Historical sketch of the Lazarev Institute of Oriental languages. – М., 1863].
11. История отечественного востоковедения с середины XIX в. – М., 1997. [Istoriya otechestvennogo vostokovedeniya s serediny XIX v. – М., 1997; The history of Russian Oriental studies from mid-XIX V. – М., 1997].

12. Калоев Б. А. В. Ф. Миллер – кавказовед. – Орджоникидзе, 1963. [Kaloev B. A. V. F. Miller – kavkazoved. – Ordzhonikidze, 1963; Kaloev B. A. V. F. Miller – on the Caucasus. – Ordzhonikidze, 1963].
13. Кананов Г. И. Семидесятипяatiletie Лазаревского Института восточных языков. 1815–1850 гг. – М., 1891. [Kananov G. I. Semidesyatipyatiletie Lazarevskogo Instituta vostochnyh yazykov. 1815–1850 gg. – M., 1891; Kananov G. I. Seven fiftieth anniversary Lazarev Institute of Oriental languages. 1815–1850. – M., 1891].
14. Крымский А. В. Ф. Миллер (Некролог) // Голос Минувшего. 1913. № 12. [Krymskij A. V. F. Miller (Nekrolog) // Golos Minuvshogo. 1913. № 12; Krymskij A. V. F. Miller (Obituary) // Golos Minuvshogo. 1913. № 12].
15. Куликова А. М. Востоковедение в российских законодательных актах. (конец XVIII в. – 1917 г.). – СПб., 1994. [Kulikova A. M. Vostokovedenie v rossijskih zakonodatel'nyh aktah. (konec XVIII v. – 1917 g.). – SPb., 1994; Kulikova, A. M., Oriental studies in the Russian legislation. (the end of XVIII century – 1917). – SPb., 1994].
16. Неклюдов Е. Г., Попова-Яцкевич Е. Г. Род Лазаревых. – Екатеринбург, 2013. [Neklyudov E. G., Popova-Yatskevich E. G. Rod Lazarevyh. – Ekaterinburg, 2013; Neklyudov E. G., Popova-Yatskevich E. G. Rod Lazarev. – Yekaterinburg, 2013].
17. Правила испытаний для студентов специальных классов Лазаревского института восточных языков. – М., 1912. [Pravila ispytaniy dlya studentov special'nyh klassov Lazarevskogo instituta vostochnyh yazykov. – M., 1912; Rules test for students of special classes Lazarev Institute of Oriental languages. – M., 1912].
18. Правила: а) о приеме в студенты и сторонние слушатели Специальных Классов Лазаревского Института восточных языков; б) о прохождении курса студентами Специальных Классов. – М., 1916 [Pravila: a) o prieme v studenty i storonnie slushateli Special'nyh Klassov Lazarevskogo Instituta vostochnyh yazykov; b) o prohozhdenii kursa studentami Special'nyh Klassov. – M., 1916; Rules: a) for admission to students and external students of Special Classes Lazarev Institute of Oriental languages; b) on completion of the course students Special Classes. – M., 1916].
19. Речи и отчет, произнесенные в торжественном собрании Лазаревского Института восточных языков по случаю совершившегося пятидесятилетия. – М., 1865. [Rechi i otchet, proiznesennye v torzhestvennom sobranii Lazarevskogo Instituta vostochnyh yazykov po sluchayu sovershivshegosya pyatidesyatiletia. – M., 1865; Speech and report delivered at the solemn meeting of the Lazarev Institute of Oriental languages on the occasion of the fiftieth anniversary occurred. – M., 1865].
20. Тольц Вера. «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в поздней-имперский и раннесоветский период. – М., 2013. [Tol'c Vera, «Sobstvennyj Vostok Rossii»: Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskij i rannesovetskij period. – M., 2013; Tolz, Vera, «Russia's own orient» the politics of identity and Oriental studies in the late Imperial and early Soviet periods. – Oxford University Press, 2011].
21. Торкунов А. В. Лазаревский институт восточных языков в контексте истории востоковедения // Polis. Политические исследования. 2015. № 6. [Torkunov A. V. Lazarevskij institut vostochnyh yazykov v kontekste istorii vostokovedeniya // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2015. № 6; Torkunov A. V. Lazarev Institute of Oriental languages in the context of the history of Oriental studies // Polis. Political studies. 2015. № 6].
22. Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института восточных языков. – М., 1903. [Tridcatiletie special'nyh klassov Lazarevskogo instituta vostochnyh yazykov. – M., 1903; Thirty years of special classes Lazarev Institute of Oriental languages. – M., 1903].

В. М. Муханов

Советизация Армении в 1920 г. и Серго Орджоникидзе

Муханов Вадим Михайлович, канд. ист. наук., ст. науч. сотр.
Центра проблем Кавказа и региональной безопасности
Института международных исследований МГИМО МИД России;
вед. науч. сотр. Центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН.
119454, Москва, пр. Вернадского, 76. E-mail: vadim_muhanov@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматривается ситуация в Закавказье, сложившаяся к лету 1920 г., после успешной и быстрой операции по советизации Азербайджана, а также деятельность в регионе Кавказского бюро РКП (б) во главе с Серго Орджоникидзе. В центре внимания – процесс принятия решения о советизации Армении и сопутствующие этому контакты с новой турецкой властью в лице Мустафы Кемала. Акцентируются разногласия, существовавшие внутри советского руководства о выборе политической линии в отношении Армении, анализируются позиция и практическая деятельность Серго Орджоникидзе, сыгравшего ключевую роль в советизации Закавказья.

Ключевые слова: Армения, Советская Россия, Азербайджан, Грузия, Турция, Орджоникидзе, Сталин.

События на Кавказе после революции в России остаются предметом актуальных дискуссий, научных и политических.

Быстрая советизация Азербайджана в апреле–мае 1920 г. привела к головокружению от успехов у членов Кавбюро ЦК РКП (б), прежде всего таких персонажей, как Г. К. (Серго) Орджоникидзе и С. М. Кирова [подр. см.: 1, с. 221–307; 2, с. 172–176]. Они настойчиво просили разрешения Москвы начать операцию по захвату власти в Тифлисе. Орджоникидзе надеялся также на успех антиправительственного восстания, организованного в Грузии местными коммунистами, которые получали материальную поддержку от Кавбюро. Однако восстание было подавлено, десятки грузинских коммунистов оказались за решёткой. Тем не менее Орджоникидзе счёл необходимым, телеграфируя В. И. Ленину и Г. В. Чичерину, сообщить, что в Грузии «настроение всюду за нас, ждут прихода советских войск...»¹. Через несколько дней после вступления в Баку он в секретной телеграмме Ленину и Сталину (от 3 мая) писал: «События развиваются так, что не позже 15 надемся быть в Тифлисе». На следующий день он повторил свой главный мессидж: «Вторично отвечаю: события развертываются так, что не позже двенадцатого надемся быть в Тифлисе, для этого всё сделано. Пройдёт блестяще»².

В связи с широкомасштабными военными действиями против Польши и необходимостью держать значительную войсковую группировку против Врангеля в Крыму лидеры большевистской России полагали целесообразным приостановить наступательные действия на кавказском направлении и заключить мир, точнее говоря, перемирие с Грузией и Арменией. Тем более что желание оказалось взаимным, так как стремительная, почти мгновенная, советизация Азербайджана вызвала беспокойство в других закавказских столицах, особенно в Тифлисе. Страх перед большевиками был велик. Напуганный событиями в Азербайджане Ной Жордания от-

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 85. Оп. 15. Д. 7. Л. 1.

² Там же. Д. 2. Л. 2.

правил в Москву своё доверенное лицо — Григория Уратадзе, члена Учредительного собрания Грузии и старого меньшевика, отлично знакомого со своими визави. Ему было поручено провести конфиденциальные переговоры на предмет заключения мирного договора. Жордания в своих воспоминаниях не скрывал цели переговоров: «Ясно было, что с Россией, хотя и ослабленной, очень считались, не хотели её расчленения. Я решил начать переговоры с Москвой о признании, и если она нас признает, с этим векселем мы можем предстать перед ареопагом Европы и этим мы достигнем цели (международного признания Грузии — *В. М.*)» [3, с. 105].

В Москве идея заключения перемирия с Грузией также обсуждалась. В частности, об этом заявил И. В. Сталину 21 марта председатель РВСР Л. Д. Троцкий («желательно заключить сделку с Грузией, обещав ей полную неприкосновенность и нефть» [4, с. 119]). Сталин также считал необходимым для успеха Бакинской операции договориться с Тифлисом. «Грузины не опасны, если обещаем нейтралитет», — писал он в ответ Троцкому [4, с. 120].

Майские переговоры в Москве между Григорием Уратадзе и Л. М. Караханом, заместителем Чичерина, прошли быстро и успешно. Было очевидно, что на тот момент в мирном соглашении заинтересованы обе стороны. Грузии важно было уменьшить советскую угрозу и получить хоть какие-то гарантии Москвы о ненападении и фактическое признание своего независимого статуса. В свою очередь, большевистские лидеры продолжали ощущать неустойчивость своего режима и считали важным обеспечить себе надёжный тыл и передышку на Кавказе. Тем более что приоритетный вопрос — получение контроля над бакинской и грозненской нефтью — был решен. Армянский же и грузинский «вопросы» отложили до лучших времен.

5 мая Ленин и Сталин телеграфировали Орджоникидзе: «ЦК обязывает вас отвести части от пределов Грузии к границе и воздержаться от наступления на Грузию. После переговоров с Тифлисом ясно, что мир с Грузией не исключён»³. Это вызвало мгновенный эмоциональный ответ Орджоникидзе по телеграфу: «Само собой понятно, что все распоряжения ЦЕКА нами выполняются [с] точностью и, конечно, нет никакой надобности их повторять. Ни один красноармеец на территорию Грузии не вступал, ни один азербайджанский солдат на тер[риторию] Грузии не вступал. ... Меня поражает, каким образом вы верите лживым заявлениям Гегечкори. Повторяю, что [с] сегодняшнего дня ни один из наших красноармейцев не успел подойти к границам Грузии. Мы все считаем спасение погибающего Грузинского меньшевистского правительства непоправимой ошибкой, но нечего говорить, что все ваши распоряжения будут выполняться нами очень точно и непреклонно. Настроение в Грузии сейчас безусловно за нас, по станциям, районам считается Душетский уезд, Лагодехи, Абхазия и почти вся Кутаисская губерния. При подходе наших войск к границам восстание здесь неизбежно. Кроме того, наше отношение [к] Грузии произведёт самое отвратительное впечатление на мусульман, тем более, чтобы бывшее правительство Мусават готово было заключить с нами мир на каких угодно условиях. По-моему, если международная обстановка навязывает нам эту комедию, по крайней мере необходимо потребовать от них объявление Советской власти. Большевики на это пойдут, ибо другого выхода у них нет. Если [в] пограничных с нами частях начнётся восстание, как нам быть, поддерживать их или бросить на произвол судьбы. ... Всё будет исполнено, но либо имейте в виду, если вы с Арменией заключите мир, это будет нечто ужасным для мусульман. Не перейдём мы границ, но только оттягиваете мир. Получается впечатление, что мы, христиане, покорили Азербайджан, оставили Грузию и Армению в стороне. У нас всё подготовлено: 9 перешли бы и 11, 12-го были бы в Тифлисе. Но ничего не поделаешь. Имейте в виду раз отданные распоряжения, вам нет надобности [повторять], я его выполняю, каковы бы не были мои взгляды...»⁴.

Центр был вынужден одёрнуть своих представителей в Баку, требуя неукоснительного исполнения распоряжений. Во время прямых переговоров по телеграфу 6 мая Сталин повторил Орджоникидзе позицию ЦК РКП (б), предостерегая от необдуманных действий: «...Обстановка такова, что сейчас торопиться с Грузией в смысле превращения её в Советскую мы не [должны], всё равно через несколько месяцев, если коммунисты будут легализованы, она и так станет советской... Нас беспокоят не лживые заявления Гегечкори, а твои и Смилги телеграммы о готовности занять Тифлис к 12 мая, что мы считаем абсолютно не совместимым с нашей политикой...»⁵.

³ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 15. Л. 1.

⁴ Там же. Оп. 15. Д. 53. Л. 1-2.

⁵ Там же. Оп. 2/С. Д. 1. Л. 6-8.

Переговорщики без видимых трудностей пришли к согласию, и уже 7 мая в Москве был заключён мирный договор между РСФСР и Грузинской республикой [5, с. 1–6]. Помимо самого договора от 7 мая, было подписано ещё два соглашения – дополнительное [5, с. 7] и секретное [6, с. 153].

Подчеркнём, мирный договор с Советской Россией был важен Грузии не только для безопасности своих границ, но и для международного признания независимости республики. Именно на это нацелены первые две статьи мирного договора (№ 1 и 2): «Россия безоговорочно признаёт независимость и самостоятельность Грузинского Государства, отказывается добровольно от всяких суверенных прав, кои принадлежали России в отношении к Грузинскому народу и земле. ... Исходя из провозглашенных в предшествующей статье I настоящего договора принципов, Россия обязуется отказаться от всякого рода вмешательства во внутренние дела Грузии» [5, с. 1]. Советская Россия признавала входящими в состав Грузинской республики «нижеследующие губернии и области бывшей Российской Империи: Тифлисскую, Кутаисскую и Батумскую со всеми уездами и округами, составляющими означенные губернии и области, а также округа Закатальский и Сухумский» [5, с. 2].

В свою очередь Грузинская республика брала на себя определённые обязательства, касающиеся недопущения подготовки каких-либо операций против советской власти на своей территории, отказа от её превращения в базу для антисоветской деятельности. Грузия должна была также разоружить и интернировать все имевшиеся в её портах суда, которые потом передать советской стороне [5, с. 3]. Помимо этого, Грузия брала на себя обязательство способствовать выводу всех иностранных войск со своей территории. В данном случае советское руководство преследовало цель выдвинуть грузинскими же руками англичан и турок из Батума. Поэтому Карахан, передавая текст договора в Баку, порекомендовал, что «пункт второй, третий и десятый статьи пятой публиковать пока не стоит, чтобы не вызвать предупредительных мер со стороны Англии и белогвардейцев»⁶. Карахан в телеграмме Орджоникидзе прямо заявил: «Предложение о пропуске войск в Батум, так же как и требование объявить соввласть в Грузии, ЦК отвергает. Нам выгоднее, чтобы англичане были изгнаны из Батума руками буржуазной Грузии, чем путём пропуска наших войск к Батуму, втянуться в войну с Англией»⁷. Этот портовый город имел огромное геополитическое и экономическое значение для Советской России – не только как собственно порт, но и как конечный пункт нефтепровода Баку – Батум.

Дополнительное соглашение, подписанное 12 мая в Москве, уточняло схему действий в отношении спорного Закатальского округа. Советская сторона официально брала на себя миротворческую функцию, занявшись разъединением сторон. Имея там свои части, она заставила противоборствующие стороны отказаться от введения в округ дополнительных военных контингентов [5, с. 7]. Фактически вопрос был решён в пользу Азербайджана, так как в округе уже находились части Красной армии, что делало притязания Грузии призрачными.

По секретному дополнительному соглашению, также подписанному 7 мая, предусматривалась легализация грузинской компартии [6, с. 153]. Это условие представлялось весьма неприятным для грузинского руководства в свете его контактов с Европой, поэтому оно было облечено в отдельный документ и засекречено. Оно имело принципиально важное, практическое значение для Советской России, лидеры которой рассматривали различные варианты развития отношений с Грузией и общей политики в регионе. Свободно действующая на всей территории республики компартия была бы важным инструментом влияния, разведки, давления, особенно для Кавбюро, проповедовавшего самую агрессивную линию в отношении соседей.

Таким образом, подписанные в Москве в мае 1920 г. документы можно расценить как оформление мирной передышки, а не как мирный договор. И последующее развитие событий это подтверждает. Об этом Орджоникидзе в те майские дни прямо заявил председателю Ревкома Терской области В. Е. Квиркелия, дабы пресечь волнения среди коммунистов на Северном Кавказе, жаждавших незамедлительного ввода Красной армии в Грузию: «Я не думаю, чтобы в будущем наше дело не восторжествовало, и склонен рассматривать факт перемирия как ленинскую передышку, необходимую для быстрой ликвидации польского фронта и для пресечения провокаций»⁸. Реальное же отношение большевистских лидеров к заключённому договору

⁶ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 15. Д. 4. Л. 12.

⁷ Там же. Л. 16.

⁸ Там же. Ф. 85. Оп. 15. Д. 3. Л. 4.

содержится в одной из телеграмм Карахана Орджоникидзе: «Грузия нужна нам как временный буфер. Будучи советской, она не смогла бы служить в этой роли ... Только получение ими нефти надо обставить так, чтобы мы их держали всегда в своих руках. По договору они обязаны очистить Батум от англичан и, если это будет затягиваться, мы сможем закрыть нефть в нефтепроводе, как выходящем в Батум к англичанам, это будет серьёзным кнудом для них, так как они тоже получают нефть по нефтепроводу в Тифлис для всех своих нужд»⁹.

Подписанный в Москве договор вызвал протесты со стороны Армении и Азербайджана, имевших серьёзные территориальные споры с Грузией. Претензии азербайджанских властей, теперь советских, были поддержаны стоявшими за ними руководителями Кавбюро как ещё один предлог для операции по советизации Грузии. В телеграмме от 10 мая Орджоникидзе, Киров и Смилга заверяли Ленина, что названный по договору грузинским Закатальский округ «является бесспорно азербайджанской и мусульманской территорией» и угрожали в случае поворота грузинским притязаниям азербайджано-грузинской войной¹⁰.

Нарком Чичерин был крайне недоволен действиями представителей Кавбюро, идущими вразрез с принятой в Москве политической линией в отношении Закавказья, и вынужден был отправить гневное письмо Орджоникидзе. Приведём его полностью: «Тов. Орджоникидзе. Наша политика есть мировая политика, а не ограничивается одним Кавказом. Во всех Ваших сообщениях Вы абсолютно игнорируете наши мировые интересы. Действиями, вытекающими из местных интересов, Вы можете страшно повредить нашим мировым отношениям. Относительно Англии мы не должны форсировать процесса, наш мир с Грузией будет иметь в Англии величайший эффект, затрудняя политику группы Черчилля, это повысит наш престиж во всём мире. Нам в данный момент полезен там заслон. Вы должны во что бы то ни стало удерживать товарищей от авантюры, могущих нам страшно повредить. Вопрос о тех или других ущельях отступает перед основными, мировыми, однако перечисленные Вами ущелья вовсе не отданы Грузии. Вы ошиблись. Границу определил Реввоенсовет по сношении с Кавфронтом. Здешние грузины подтверждают принадлежность Закатальского округа Грузии, однако вследствие Вашего протеста, мы надавили, чтобы грузинские войска туда не вступали. Во всех спорных вопросах окончательное решение будет в наших руках, но Вы со своей стороны облегчите нашу задачу, не допуская авантюры. 11 мая 1920 г. Чичерин»¹¹.

Поддержка Кавбюро РКП (б) азербайджанских претензий на ряд территорий, в первую очередь Карабах и Нахичеванский район (Нахичевань – Ордубад – Джульфа), привела к очередному обострению отношений с Арменией, что явно не входило в планы большевистских властей. Как раз в конце мая в Москве начались переговоры с представителями Армении, и деятельность Кавбюро вела только к осложнению дипломатического общения. В связи с этим 25 мая 1920 г. политбюро ЦК РКП (б) приняло решение «продолжать переговоры с правительством Армении, не беря на себя инициативы немедленной советизации с помощью русских войск...»¹². О данном решении были проинформированы и «бакинские товарищи», однако Орджоникидзе в своих телеграммах по-прежнему яростно отстаивал азербайджанскую позицию. Так, в телеграмме от 19 июня на имя Чичерина он писал: «Азербайджан претендует на Карабах, Зангезур, Нахичеванский и Шаруро-Даралагезский уезд. В Карабахе и Зангезуре провозглашена Советская власть и вышеупомянутые территории считают себя частью Азербайджанской советской республики. Нахичевань уже несколько месяцев в руках повстанцев-мусульман ...»¹³.

Орджоникидзе не ограничивал себя эпистолярным жанром – одновременно он активно поддерживал деятельность повстанческих отрядов на армянской территории и в спорных районах. В частности, именно при поддержке Кавказского краевого комитета РКП (б) в мае 1920 г. в разных городах и населённых пунктах Армении – Эривани, Александрополе, Карсе, Сакамыше, Баязет-Казахе и др. – прошли антиправительственные выступления, организованные местными коммунистами. Последние попытались перевести все акции в общее восстание, и 10 мая ВРК Армении в Александрополе объявил Армению советской республикой. Однако правительство смогло за три дня подавить восстание и арестовать инициаторов. 23 мая по подобному сценарию (создание ВРК и объявление советской власти) началось восстание в Кара-

⁹ Там же. Д. 4. Л. 16.

¹⁰ Там же. Оп. 2/С. Д. 1. Л. 4.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 2/С. Д. 4. Л. 4.

¹² Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 83. Л. 1.

¹³ Там же. Ф. 85. Оп. 13. Д. 32. Л. 3.

ван-Сарайском уезде, и вновь неудачно. В начале июня по приказу Орджоникидзе 11-я армия даже оказала военную помощь армянским повстанцам в Казахском уезде.

Все эти самостоятельные действия вызвали гневную телеграмму Чичерина от 19 июня: «По прямому проводу немедленно передать в Ростов-на-Дону для немедленной передачи в Баку под личную ответственность политконта в Ростове. Тов. Орджоникидзе. В Баку или Владикавказ послать вслед и вручить по местонахождению. Политика мира и компромисса с буржуазной Грузией, дашнакской Арменией и турецкими националистами продиктована ЦК партии по соображениям общей политики и должна неукоснительно проводиться. Удерживайте товарищей от действий, идущих с ней вразрез. Наши представители — Киров в Тифлисе и Легран в Эривани — будут её проводить, противодействовать мошенничествам правительств, ограждать коммунистов. Мы не должны вооружать осетин: наоборот, удерживать их, ограждая от репрессий. Если в Закатальском округе создан контрреволюционный центр, это противоречит договору. Киров его ликвидирует, но мы не должны туда вводить новых войск. Карабах, Зангезур, Шуша, Нахичевань, Джульфа не должны присоединиться ни к Армении, ни к Азербайджану, а должны быть под Российскими оккупационными властями с созданием местных советов, ибо другое решение сорвало бы нашу политику мира, требуемую общим положением»¹⁴.

Нарком иностранных дел, недовольный своеволием членов Кавбюро, инициировал обсуждение на заседании политбюро ЦК РКП(б) 22 июня вопроса «О политике на Кавказе». В личной записке, присланной по этому вопросу, Чичерин обрушился с критикой на действия представителей Кавбюро во главе с Орджоникидзе: «Недисциплинированность Бакинских т[оварищей] и вопиющее противоречие между их действиями и установленной ЦК политической линией заставляют принять меры для их обуздания. Такою мерою должно быть назначение отсюда авторитетного товарища, не связанного с Кавказской группой деятелей, с полномочиями от Совнаркома, в качестве представителя в Баку. В то время как ЦК постановил вести линию компромисса с буржуазными правительствами Грузии и Армении, дипломатическим путём вырывать там почву из-под ног Антанты и отверг советизацию Армении, считая несвоевременным отвлекать в этом направлении больше наших сил, Бакинские т[оварищи] своими действиями срывают компромиссы, отвергают требуемое ЦК заключение соглашения с Арменией, способствуют восстаниям, настаивают на присоединении к Азербайджану тех спорных территорий, которые постановлено занять нашими силами и присоединение которых к Азербайджану делает совершенно невозможным соглашение с Арменией. Вся эта боевая политика Бакинских т[оварищей] идёт коренным образом вразрез с линией, уже установленной ЦК». Нарком предложил прислать в Баку полномочного представителя, который бы стал курировать деятельность Кавбюро согласно принятым в Москве решениям: «Избежать срыва последней можно лишь в том случае, если авторитетный представитель центра будет систематически сдерживать местных т[оварищей]» [4, с. 134–135].

По итогам обсуждения данного вопроса политбюро ЦК РКП (б) решило «предложить Наркоминотдел [с]формулировать совершенно точно инструкцию ... наиболее ответственным работникам на Востоке на основании имеющихся до сих пор постановлений Политбюро и вытекающих из них выводов»¹⁵. Уже 7 июля «Инструкция Реввоенсовету Кавказского фронта», составленная НКВД, была обсуждена на заседании политбюро и утверждена¹⁶. В документе, в частности, говорилось: «Следует безусловно воздерживаться от попыток вызывать восстание против правительства Грузии, Армении и Турции. Надо разъяснять тем элементам в этих республиках, которые стремятся к перевороту, что по общеполитическим соображениям ввиду как мировой конъюнктуры, так и нашего военного положения они не должны в настоящее время приступать к осуществлению своей цели... Так как наше военное положение не допускает занятия русскими частями Карабаха, Зангезурского уезда, Нахичевани, Джульфы, Шаруро и Даралагезского уезда, российские военные власти должны ограничиться занятием тех спорных между Арменией и Азербайджаном местностей, которые ими теперь заняты ... с устранением вмешательства войск тех или других соседних республик, как и было уже постановлено российским правительством и передано советским властям на Кавказе...»¹⁷.

Вопрос об Орджоникидзе больше не поднимался, ему при помощи Сталина удалось сохранить свои позиции в неприкосновенности и отстоять значительную самостоятельность, и вско-

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 2/С. Д. 4. Л. 5.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 90. Л. 4.

¹⁶ Там же. Д. 94. Л. 2.

¹⁷ Там же. Л. 7-8.

ре он не преминул ею воспользоваться. Подчеркнём, что, в отличие от Азербайджана, советизация двух других республик лоббировалась именно группой Орджоникидзе. Наступательная линия его поведения поддерживалась Сталиным, правда, с некоторыми оговорками, и одновременно вызывала резкую критику и даже регулярные окрики из центра — «не зарываться» — от Ленина и Чичерина. Непростая обстановка на других направлениях (Польша, Крым), налаживание контактов с Европой — не позволяли заниматься Закавказьем в полную силу, чего не мог видеть и осознавать находившийся в Баку Орджоникидзе. Позиция ЦК РКП (б) представляется прагматичной — решать проблемы по очереди. И так как Грузия и Армения не являлись первоочередными проблемами, их «решение» отложили на более благоприятное время.

Несмотря на перечисленные разногласия, Орджоникидзе оставался востребованной фигурой для высшего советского руководства, в первую очередь Ленина, что основывалось на личном доверии, а также богатого опыта работы на местах и авторитета среди местных революционеров. Не будет большим преувеличением констатировать, что именно Орджоникидзе являлся главным организатором и исполнителем операций по советизации Закавказья, а также и их главным лоббистом, кровно заинтересованном в успехе. В период их подготовки и проведения он не чурался никаких методов: от истерических телеграмм в Москву, где краски сгущались до крайности, до провокаций на границах закавказских республик и внутри них.

Орджоникидзе являлся своего рода советским наместником на Кавказе, напрямую подчинявшимся Кремлю. Под его управлением шла деятельность коммунистических организаций Грузии и Армении, не говоря уже об Азербайджане, где находилась его штаб-квартира. В частности, под непосредственным контролем Орджоникидзе была вся диверсионно-пропагандистская деятельность закавказских коммунистов, им выделялись средства на подготовку антиправительственных выступлений сначала в Азербайджане, затем в Армении и Грузии.

31 июля на политбюро ЦК РКП (б) приняло решение о налаживании прямых контактов с турками именно через Армению, которую предполагалось советизировать первой, оставив Грузию на более позднее время. Орджоникидзе и другие члены Кавбюро сделали очередную попытку изменить решение «в пользу» Грузии. 3 августа из Баку была послана телеграмма в Кремль, где говорилось об ошибочности выбранного направления. Члены Кавбюро посчитали «своим долгом указать, что путь связи с Турцией должен быть установлен не через Армению, а через Грузию, которую желательнее советизировать по следующим соображениям: 1) советизация Грузии лишает базы терских и кубанских контрреволюционеров и помощи Грузии Врангеля; 2) связь с Турцией устанавливается каботажом по черноморскому побережью, недоступному для неприятельских судов; 3) отрезанная от Европы Армения, лишённая всякой помощи Англии и Америки, должна будет капитулировать и сдать власть армянским коммунистам, и этим самым открывается второй путь для Турции; 4) по заявлению Комфронта, по военно-стратегическим соображениям, Грузию легче завоевать, чем Армению. Забирая последнюю, части растягиваются, имея на фланге враждебную нам Грузию, со стороны которой не исключена возможность удара»¹⁸.

Одновременно в Москву шли и телеграммы с критикой позиции Кавбюро. В частности, член коллегии Наркомпрода М. И. Фрумкин в телеграмме на имя секретаря ЦК РКП (б) Н. Н. Крестинского подчёркивал, что «при настоящих условиях постановление Кавбюро неосуществимо и вредно. Основная задача данного момента — быстро ликвидировать Врангеля и Кубанскую смуту как продолжение Врангелевского фронта. Всякая задача, отклоняющаяся от этой задачи, губительна. Мы рискуем расстроить хозяйственный фронт на Севкавказе, который должен работать без перебоев. Моя точка зрения вполне согласуется с Реввоенсоветом фронта»¹⁹.

Предложения с мест, возможно, были услышаны в Кремле, так как в ответе Крестинского, отправленном 11 августа и Фрумкину, и Кавбюро, оба адресата информировались о том, что «решение относительно Армении ЦЕКА приостановил до ликвидации Врангеля. Тоже относится и к Вашему предложению о Грузии»²⁰. Возобладал более взвешенный подход, сторонниками которого были Ленин и Чичерин. Последний за день до этой телеграммы доложил Ленину об успешном завершении переговоров в Эривани и заключении полпредом РСФСР в Армении Б. В. Леграном мирного договора с правительством этой закавказской республики.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 8. Д. 23. Л. 192-193.

¹⁹ Там же. Оп. 109. Д. 15. Л. 96.

²⁰ Там же. Л. 97.

* * *

Советизация Азербайджана и советско-турецкое сближение практически не оставляли шанса Армении, которая к середине 1920 г. оказалась во враждебном окружении. Сомнений в том, что Советская Россия предпримет активные шаги, не оставалось. Единственный вопрос — насколько скоро это произойдёт. Повод к началу такой операции дали сами армянские лидеры.

По условиям Севрского мирного договора, подписанного 10 августа 1920 г. союзниками с султанской Турцией, последняя обязывалась признать Армению как свободное и независимое государство. Вопрос об установлении линии армяно-турецкой границы передавался на третейское решение президента США Вудро Вильсона. Предполагалось, что граница пройдет по вилайетам Эрзурум, Трабзон, Ван и Битлис, в результате чего Армения получит выход к морю (по итогам арбитража Армения получала Ванский, Битлисский и большую часть Эрзурумского и Трабзонского вилайетов с городами Трабзон, Эрзинджан, Эрзурум, Муш, Ван и Битлис). Возглавляемое Мустафой Кемалем Великое Национальное Собрание Турции (ВНСТ) не желало признать такие территориальные потери и сразу объявило Севрский договор «несуществующим».

Ни Великобритания, ни Франция, ни США не собирались заниматься реализацией условий Севрского договора в регионе, однако они были явно не против попытки Армении, которая тем самым оттянет на себя часть вооружённых сил Турции, воевавших тогда с греками. Армянское политическое руководство, несмотря на крайне нестабильную ситуацию и экономический кризис, получив небольшую материальную помощь и гарантии дальнейшей поддержки от стран Антанты, осенью 1920 г. решила на военное противостояние с турками. Это решение носило авантюрный характер. Признал это впоследствии и один из лидеров Армении О. Качазнун, написавший, «что мы не знали о действительной силе турок и были слишком уверены в нашей. В этом заключается наша основная ошибка. Мы не боялись войны, будучи уверены в победе» [7, с. 155].

Поводом для армяно-турецкой войны послужило продвижение армянских частей в Олтинском округе, что вызвало мгновенную ответную реакцию Анкары. Неготовность Армении к серьёзному военному столкновению выяснилась очень скоро: 24 сентября армянские части перешли в наступление, однако уже 29-го вынуждены были оставить Саракамыш, а вскоре Ардаган и Кагызман. Обещанной помощи и поддержки от союзников не последовало, и ситуация становилась катастрофической. Как справедливо отмечает современный исследователь А. М. Фомин, «каждая держава готова была использовать армян и Армению в своих целях, но и с наименьшими потерями и затратами. И поскольку цена эффективного вмешательства в армянские дела для любой из западных держав была слишком высока, армяне оказались брошены на произвол судьбы. «Армянские» статьи Севрского договора с самого начала были «воздушным замком». И исчезновение этого «замка» у творцов договора особых сожалений не вызвало [8, с. 222]. Через месяц после начала турецкого наступления, 30 октября, пал Карс, 7 ноября — Александрополь. Потрёпанные армянские части отошли на Караклис, Баш-Абаран и Эривань, вслед за ними быстрым темпом шли турки, занявшие 12 ноября станцию Агин на линии железной дороги Александрополь — Эривань. Возникла угроза потери столицы Армении, что поставило бы руководство республики на колени перед врагом, отступить дальше было некуда.

15 ноября правительство Армении обратилось к Кемалю с предложением начать мирные переговоры, 18-го было заключено перемирие на турецких условиях. Переговоры о мире начались в захваченном турками Александрополе 26 ноября, и уже 2 декабря был подписан мирный договор, сокративший территорию республики до минимума. За Арменией остались только районы Эривани и озера Гокча, тогда как районы Нахичевана, Шаруры и Шах-тахты закреплялись за Турцией. Армения обязывалась отменить воинскую повинность и ограничить численность армии — 1 500 штыков, 20 пулеметов и 8 легких орудий. В свою очередь Турция получала право на свободный транзит и контроль над её железнодорожной сетью, а также возможность ведения военных операций на армянской территории. Подобный договор означал конец самостоятельной политики Армении.

Однако ещё до подписания этого договора судьба Армении была решена. В 1920 г. большевистское руководство завязало тесные партнёрские отношения с новой турецкой властью в лице Мустафы Кемала. Турки, находившиеся в крайне тяжелом положении, были жизненно заинтересованы в материально-технической помощи Советской России. Свой интерес в союзе и сотрудничестве они продемонстрировали в период советизации Азербайджана. На таком

благожелательном фоне в июле 1920 г. специальная турецкая делегация прибыла в Москву для переговоров о союзе и помощи.

Делегация Анкары имела твердое намерение «подписать договор о дружбе и обеспечить помощь необходимыми нам деньгами и военными материалами». С конца июля по конец августа шли встречи и переговоры, позволившие к 24 августа 1920 г. завершить подготовку проекта договора, который был незамедлительно парафирован главами делегаций [9, с. 21]. Одновременно турки получили согласие со стороны советского руководства на выделение значительной военно-технической помощи. Последняя была обещана лишь в случае содействия процессу советизации Закавказья. Первую партию оружия подготовили в Москве и Ростове и отправили под наблюдением члена турецкой делегации Осман-бея. Кроме того, в течение лета 1920 г. через Орджоникидзе представителям Анкары передали 6 тыс. винтовок, свыше 5 млн патронов, 17,6 тыс. снарядов [10, с. 675].

Советское руководство обещало Мустафе Кемалю и финансовую помощь в размере 5 млн золотых рублей. Член турецкой делегации Юсуф Кемаль-бей, вернувшись в сентябре в Турцию, смог захватить с собой первый «золотой» миллион. Помимо этого, тогда же в сентябре турки получили в Эрзеруме еще около 200 кг золота в слитках [10, с. 675].

Кемаль был заинтересован в появлении советско-турецкой линии соприкосновения, возможной лишь при советизации одной из двух независимых республик. Однако в Москве, несмотря на благоприятно складывавшуюся ситуацию, посматривали на турок с подозрением. Сталин в начале ноября писал Чичерину, что «если Александрополь будет взят», то «наиболее вероятной считаю комбинацию о максимальных требованиях ... во всяком случае придется действовать по обстановке. Все зависит от того, какую позицию займут турки в связи с переговорами с Антантой» [4, с. 166]. В другом послании Ленину и Чичерину Сталин, писавший совместно с Орджоникидзе, отмечал, что абсолютно необходима «немедленная отправка в Турцию к Кемалю полномочных лиц с целью рекогносцировки и информирования Москвы в срочном порядке» [4, с. 167]. Через несколько дней Москва в ответ на просьбу Эривани о посредничестве в переговорах с Турцией отправила в район боевых действий Б. Мдивани, что представлялось многим недостаточным для контроля над ситуацией. Сталин, сомневаясь в соблюдении Кемалем договоренностей, в телеграмме Ленину от 15 ноября замечал: «Возможно, что с Арменией уже опоздали, то есть её скупает Кемаль раньше, чем мы подоспеем...» [4, с. 167].

Этот шантаж не повлиял на позицию Ленина. 27 ноября по его инициативе было принято постановление политбюро ЦК РКП (б) о примирительной политике в отношении Армении и Грузии. В такой ситуации Сталин фактически подтолкнул Орджоникидзе к активным действиям. Именно последний взял на себя инициативу силовой советизации Армении. Возглавляемое им Кавбюро приказало ЦК компартии Армении начать вооружённое восстание и сформировать республиканский Ревком. В состав последнего вошли А. Нуридзян, А. Бекзадян, И. Довлатян, А. Мравян, С. Тер-Габриэлян и С. Касьян в качестве председателя. Одновременно в северные районы Армении был направлен «армянский» полк, сформированный из частей 11-й армии. Именно эти силы подняли 29 ноября восстание в северных районах республики — Делижанском и Каравансараевском. Были заняты районные центры — Делижан и Караван-Сарай, в котором Ревкомом была провозглашена советская власть в республике.

Орджоникидзе в тот же день телеграфировал Леграну и Мдивани о необходимости активизировать переговоры с группой дашнаков, согласных на советизацию страны в случае включения их в Ревком²¹. В тот же день в разговоре с членом РВС Кавказского фронта Трифоновым Орджоникидзе сообщил о продвижении «армянского» полка и просил учесть, что в официальных сводках информации о полке не будет, закончив разговор на весьма оптимистической ноте: «Турки настаивают на вводе наших войск в Армению для утверждения Советской власти, считая это гарантией своего тыла ... Положение становится совершенно ясным, нерискованным...»²². В подобном ключе была выдержана и телеграмма Ленину и Сталину (от того же числа): «Постановление Цека только что получил. Армянский Ревком, отправленный в район Казах для подготовительной работы, получив массу приговоров от крестьян района Караван Сарай, Дилижан с указанием, что власти нет, армия разбежалась, с просьбой прийти, ночью самостоятельно перешел границу и продолжает движение в Делижан, где, вероятно, будет провозглашена советская Армения. В связи [с] решением ЦК, не

²¹ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 14. Д. 37. Л. 1-2.

²² РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 14. Д. 37. Л. 1-2.

знаю, как быть, боюсь, что уже декларировали Советскую власть. Думаю, что всё пройдёт без особых затруднений»²³.

Из района Казах на территорию Армению вступили части 11-й Красной армии, которые быстро стали продвигаться в сторону Эривани. Правительство С. Врацяна фактически отказалось от власти, подав в отставку, и власть в столице Армянской республики перешла в руки левых дашнаков во главе с генералом Дро, который выразил готовность объявить в Армении советскую власть при условии вхождении левых дашнаков в состав нового правительства. Достаточно быстро была достигнута договорённость о введении в состав Армянского ревкома двух левых дашнаков в лице самого Дро и Тертеньяна, и 2 декабря была объявлена советская власть, которая до прихода Ревкома сохранялась в руках генерала Дро. Уже 4 декабря в Эривани появился авангард 11-й Красной армии вместе с Ревкомом, который взял власть в свои руки. Армения стала советской. За генералом Дро было сохранено лишь командование армянскими частями, до конца 1920 г. С приходом большевиков мгновенно затихли все территориальные споры между Арменией и Азербайджаном. Последний в лице Наримана Нариманова торжественно объявил, что «отныне Зангезур и Нахичевань являются неотъемлемой частью Советской Армении. Армянам Нагорного Карабаха представляется право самоопределиваться»²⁴. До полной советизации Закавказья оставался один шаг...

Sovietization of Armenia in 1920 and Sergo Ordzhonikidze

Vadim Mukhanov, Ph.D. (history), senior researcher,
Center for the Caucasian studies and regional security,
Institute for International Studies, MGIMO; Lead researcher,
Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences (RAS).

76 Vernadskogo Ave., 119454, Moscow. E-mail: vadim_muhanov@inbox.ru

Summary. *The article discusses the situation in the Caucasus that established by the summer of 1920, after the successful and rapid sovietization of Azerbaijan, as well as the actions of the Caucasus Bureau of the party, headed by Sergo Ordzhonikidze. Another focus of the article is the decision-making process in Moscow on the sovietization of Armenia and the relevant contacts with the new Turkish government of Mustafa Kemal. The article highlights the differences that existed within the Soviet leadership on the question of choosing the political line in relations with Armenia, and analyzes the position and actions of S. Ordzhonikidze, head of the Caucasian Bureau, who played a key role in the sovietization of the entire Transcaucasus region.*

Keywords: Armenia, Soviet Russia, Azerbaijan, Georgia, Turkey, Ordzhonikidze, Stalin.

Литература / References

1. Волхонский М. А., Муханов В. М. По следам Азербайджанской Демократической Республики. — М., 2007 [Volhonskij M. A., Muhanov V. M. Po sledam Azerbajdzhanskoj Demokraticheskoj Respubliki. — М., 2007; Volkhonsky M. A., Mukhanov V. M. In the footsteps of the Azerbaijan Democratic Republic. — М., 2007].
2. Муханов В. М. К истории советизации Закавказья (1920–1921 гг.) // Кавказский сборник. Т. 8 (40) / Под ред. В. В. Дегоева. — М., 2014 [Muhanov V. M. K istorii sovetizacii Zakavkaz'ja (1920–1921 gg.) // Kavkazskij sbornik. Т. 8 (40) / Pod red. V. V. Degoeva. — М., 2014; Mukhanov V. M. To the history of Sovietization of the Caucasus (1920–1921) // Caucasian collection. Vol. 8 (40) / ed. by V. V. Degoev. — М., 2014].
3. Жордания Н. Моя жизнь. — Стэнфорд, 1968 [Zhordaniya N. Moja zhizn'. — Stjenford, 1968; Jordania N. My life. — Stanford, 1968].
4. Большевицкое руководство. Переписка 1921–1927. Сборник документов. — М., 1996 [Bol'shevistskoe rukovodstvo. Perepiska 1921–1927. Sbornik dokumentov. — М., 1996; The Bolshevik leadership. Correspondence 1921–1927. A collection of documents. — М., 1996].

²³ Там же. Д. 33. Л. 2.

²⁴ Там же. Д. 37. Л. 1-2.

5. Мирный договор между Россией и Грузией. – М., 1920 [Mirnyj dogovor mezhdru Rossiej i Gruziej. – М., 1920; The Peace agreement between Russia and Georgia. – М., 1920].
6. Дни господства меньшевиков в Грузии. Документы и материалы. – Тифлис, 1931 [Dni gospodstva men'shevikov v Gruzii. Dokumenty i materialy. – Tiflis, 1931; The days of domination of the Mensheviks in Georgia. Documents and materials. – Tiflis, 1931].
7. Чохели А. И. Политика Франции в отношении Грузии в 1917–1921 гг. – Тбилиси, 1980 [Choheli A. I. Politika Francii v otnoshenii Gruzii v 1917–1921 gg. – Tbilisi, 1980; Chocheli A. I. French Policy towards Georgia in 1917–1921. – Tbilisi, 1980].
8. Фомин А. Армянский вопрос и дипломатия великих держав в 1918–1921 гг. // Кавказский сборник. Т. 5 (37) / Под ред. В. В. Дегоева. – М., 2008 [Fomin A. Armjanskij vopros i diplomatija velikih derzhav v 1918–1921 gg. // Kavkazskij sbornik. Т. 5 (37) / Pod red. V. V. Degoeva. – М., 2008; Fomin A. The Armenian question and the diplomacy of the Great powers in 1918–1921 // Caucasian collection. Vol. 5 (37) / ed. by V. V. Degoev. – М., 2008].
9. Кузнецова С. И. Установление советско-турецких отношений. – М., 1961 [Kuznecova S. I. Ustanovlenie sovetsko-tureckih otnoshenij. – М., 1961; Kuznetsov S. I. The establishment of the Soviet-Turkish relations. – М., 1961].
10. Документы внешней политики СССР. Т. 3. – М., 1959 [Dokumenty vneshnej politiki SSSR. Т. 3. – М., 1959; Documents of Soviet foreign policy. Vol. 3. – М., 1959].

А. В. Крылов

Еврейские экстремистские и террористические организации в Израиле

Крылов Александр Владимирович – д-р ист. наук,
вед. науч. сотр. Центра ближневосточных исследований
Института международных исследований МГИМО МИД России,
проф. Кафедры востоковедения МГИМО МИД России.
119954, Москва, просп. Вернадского, 76; E-mail: avkrylov2004@mail.ru

***Аннотация.** Настоящая статья является продолжением исследовательского материала, опубликованного в № 3 журнала «Международная аналитика» за 2016 г. и посвященного еврейским военизированным формированиям, которые действовали в Палестине до создания Государства Израиль в 1948 г. Первоначально законспирированные еврейские экстремистские организации выступали против политики сдерживания еврейской эмиграции, которая проводилась странами социалистического лагеря, прежде всего СССР. Некоторые ультраортодоксальные группы, как, например, «Союз золотов», использовали откровенно террористические методы в борьбе против развития Израиля как светского и демократического государства. После войны 1967 г. и оккупации арабских территорий ортодоксы-националисты, составившие авангард «Движения за Великий Израиль», создали законспирированную сеть экстремистских вооруженных организаций. С самого начала деятельность подобного рода группировок была несовместима с израильским законом «О борьбе с террором». Собирательное название этих групп на иврите – «махтерет», то есть «подполье». За всю историю поселений было зарегистрировано несколько десятков таких групп. Самые известные из них – «Ках» («Так») и «Кахане Хай» («Кахане жив»).*

Инициатором создания и идейным вдохновителем подпольных групп был американский раввин М. Кахане. Основанное им политическое поселенческое движение «Ках» действовало легально вплоть до наложения Верховным судом Израиля в 1988 г. запрета на участие списка его кандидатов в парламентских выборах в связи с обвинениями в отрицании демократической сущности Государства Израиль и пропаганде расизма. Деятельность «Ках» и «Кахане хай» была объявлена террористической и запрещена в США и некоторых других странах.

В статье также анализируются различные формы и методы, цели и задачи государственной израильской поселенческой политики, раскрывается противоправная деятельность наиболее известных партий и организаций, поддерживающих политику распространения израильской юрисдикции на оккупированных арабских территориях.

***Ключевые слова:** Израиль, иудаизм, арабо-израильский конфликт, израильские поселения, подпольные поселенческие организации, терроризм, «каханизм», «Ках», «Кахане хай».*

«Малхут Израэль»

«Малхут Израэль» («Израильское царство») – террористическая группа, действовавшая в Израиле в начале 1950-х гг. В Израиле группа больше известна как «Црифинское подполье» по названию военной базы в Црифине, где с 6 июля по 25 августа 1953 г. проходили заседания военного трибунала, созванного для вынесения судебного решения по делам о преступлениях, совершенных членами террористического подполья. Всего перед судом предстало 16 человек.

Лидер подполья, бывший член ЛЕХИ Яаков Херути, вовлекал в преступное сообщество своих друзей и соратников по боевому прошлому. Известно, что Я. Херути занимался в ЛЕХИ производством взрывчатых веществ и был направлен руководством организации в 1947 г. в Лондон для подготовки покушений на министра иностранных дел Э. Бевиная командующего британскими войсками в Палестине генерала Э. Баркера. Посланные Я. Херути письма с взрывчаткой были перехвачены агентами британской разведки.

В терактах уже в Израиле террористы из «Црифинского подполья» использовали оружие и взрывчатку, припрятанную бойцами ЛЕХИ до образования Израиля в 1948 г.

9 февраля 1953 г. члены террористической группы пробрались на территорию посольства СССР в Тель-Авиве и заложили 30-килограммовую бомбу. В результате взрыва сильно пострадало здание посольства, несколько сотрудников были ранены, в том числе посланник П. Ершов и его супруга. 12 февраля 1953 г. Советский Союз и все страны Восточного блока, кроме Болгарии, официально разорвали дипломатические отношения с Израилем¹.

В ходе судебных разбирательств не было доказано, что теракт в советском посольстве – дело рук участников «Црифинского подполья». Однако один из членов группы, Йосеф Манкес, позже проходивший по другому делу, признался, что бомбу заложили он и Я. Херути².

Трижды члены группы «Црифинского подполья» предпринимали в 1953 г. неудачные попытки осуществить взрыв на территории посольства Чехословакии в Тель-Авиве. Во время следствия они признались, что нападения на советскую и чехословацкую дипмиссии были ответной реакцией на «дело врачей» в СССР и «дело Сланского»³ в ЧССР.

Арестованные подпольщики сознались также, что это они несут ответственность за обстрел с израильской стороны иорданских пограничников, дислоцированных вдоль границы с Западным Иерусалимом⁴.

«Црифинское подполье» также намеревалось устранить тогдашнего канцлера Германии Конрада Аденауэра. Письмо с взрывчаткой, направленное в резиденцию канцлера, было перехвачено службой безопасности. На допросах подозреваемые в этом преступлении признались, что этой акцией они хотели выразить протест против подписания в начале 1952 г. договора о репарациях, в соответствии с которым Западная Германия должна была начать выплату денежных средств за ущерб, нанесённый евреям гитлеровским режимом [22, р. 175–176].

В апреле 1953 г. члены «Малхут Израэль», вооружённые железными прутьями, напали на известного американского скрипача Яшу Хейфеца, который во время гастролей в Израиле, несмотря на угрозы националистов, отказался исключить из своей концертной программы произведение Р. Штрауса.

26 мая 1953 г. член «Црифинского подполья» Я. Блюменталь, действуя по своей собственной инициативе, был задержан полицией при попытке заложить взрывчатку в здании министер-

¹ Правительство Израиля достаточно оперативно отреагировало на все требования советской стороны: «1. Арест виновных во взрыве бомбы в посольстве Советского Союза в Тель-Авиве; 2. Правительство Израиля всегда будет стремиться к дружеским отношениям с Советским Союзом; 3. Израиль не заключит военного союза и соглашений, направленных против СССР». Уже 17 июля 1953 г. дипломатические отношения были восстановлены в полном объёме.

² Взрыв в советской дипломатической миссии в Тель-Авиве 09.02.1953 // Военный Вестник Израиля. – 2007. 29 ноября.

³ «Дело Сланского» – судебный процесс в Чехословакии по обвинению 14 высокопоставленных деятелей компартии и правительственных чиновников в заговоре с целью свержения коммунистического режима и реставрации капитализма. Процесс проходил с 20 по 27 ноября 1952 г. Дело названо по имени Рудольфа Сланского, генерального секретаря компартии ЧССР, объявленного организатором заговора. 11 обвиняемых, включая Р. Ставского, были приговорены к смертной казни, остальные – к пожизненному заключению. Как и «дело врачей», «дело Сланского» носило характер откровенно антисемитской кампании, развернутой коммунистическими властями СССР и ряда стран советского блока в Восточной Европе.

⁴ По результатам первой арабо-израильской войны 1948–1949 гг. Иерусалим был разделён на две части: восточная была оккупирована Иорданией, западная находилась под контролем Израиля.

ства образования в Иерусалиме. Таким образом люди Я. Херути хотели выразить своё несогласие с правительственной политикой приобщения к системе светского образования детей из религиозных семей иммигрантов – выходцев из Северной Африки. Во время обысков на квартире Я. Блюменталю были найдены списки всех членов «Малхут Исраэль», и они тотчас были арестованы.

6 июля 1953 г. тогдашний начальник генштаба ЦАХАЛ генерал М. Маклеф созвал специальный военный трибунал, председателем которого был назначен глава Иерусалимского окружного суда полковник Б. Халеви. В 1961 г. он будет одним из трёх судей, вынесших смертный приговор нацистскому преступнику А. Эйхману.

Я. Херути был приговорен к 10 годам лишения свободы, наиболее активный исполнитель терактов Шимон Бахар – к 12 годам, остальные получили сроки от 1 года до 7 лет [24, р. 69].

24 апреля 1955 г., то есть менее чем через два года, все члены «подполья» были амнистированы указом тогдашнего премьер-министра и министра обороны Д. Бен-Гуриона по рекомендации, которая была дана юридическим советником правительства Х. Коэном. Однако история «Црифинского подполья» на этом не закончилась и вновь всплыла в марте 1958 г., когда было совершено убийство Рудольфа Кастнера, руководителя сионистского венгерского Комитета помощи и спасения евреев в годы Второй мировой войны. Р. Кастнер тесно сотрудничал в то время с начальником еврейского отдела гестапо А. Эйхманом и обеспечивал выборочную депортацию евреев из Венгрии в Палестину. В результате переговоров Р. Кастнера с нацистами были переправлены в Палестину 1 694 человека – в основном молодые мужчины и состоятельные бизнесмены, в то же время в венгерских концлагерях было уничтожено 476 тыс. евреев [5, р. 105]. В ходе расследования выяснилось, что в нападении на Р. Кастнера принимали участие Й. Манкес и ещё один бывший член ЛЕХИ Зеэв Экштейн. Оба были осуждены на пожизненное заключение. В июне 1961 г. Й. Манкес попросил встречи с представителями израильской прокуратуры, во время которой признал свою ответственность за организацию и приведение в действие взрывного устройств на территории советской дипмиссии.

«Брит а-канаим» («Союз зелотов»)⁵

«Союз зелотов» представлял собой еврейскую радикально-религиозную организацию, которая придерживалась строжайшей конспирации и действовала в Израиле в период 1950–1953 гг. против распространённой в то время тенденции к секуляризации только что созданного государства. В состав организации, которая насчитывала не более 35 человек входили студенты ешивы «Порат Йосеф» в Иерусалиме. Среди них были раввин Мордехай Элияху, будущий главный раввин сефардской общины Израиля, и Шломо Лоренц, член Кнессета (1961–1981 гг.) от религиозной партии «Агудат Исраэль» («Объединение Израиля»).

Здесь следует учитывать, что, когда создавалось Государство Израиль, ортодоксальные евреи, включая их основное объединение, «Агудат Исраэль», отказались признать его. Они считали, что подлинное государство Израиль может жить только по законам Галахи⁶. Вместе с тем до и после образования Израиля соотношение светских и религиозных ценностных ориентаций израильского общества никогда не менялось: только 10–15 % израильского населения строго следуют всем предписаниям и канонам иудаизма. Большинство основателей политического сионизма и первых иммигрантов были светскими людьми, стремившимися к построению либерально-демократического, основанного на принципах секуляризма, государства. Чтобы не обострять внутреннюю обстановку, сионистское руководство пошло на уступки религиозной общине и негласно поддержало «соглашение статус-кво» – исторический компромисс между всеми политическими силами страны. Это соглашение определяет, что суббота, основные религиозные праздники, посты и памятные дни будут выходными днями, и в эти дни не будут работать государственные и частные учреждения и предприятия, магази-

⁵ Зелоты («ревнители веры») – радикальное социально-политическое и религиозное течение в Иудее, возникшее во 2-й пол. I в. до н. э. Считали, что в борьбе против римского владычества допустимо использование любых методов и средств.

⁶ Галаха – свод иудейских религиозных законов и законодательных актов. Галаха, Агагада (Предание) и Гемарра (Окончание, то есть более поздние дополнения к Галахе) составляют Талмуд (Учение), который в IV–V вв. н. э. стал основой законодательства, судопроизводства и морально-этическим кодексом для верующих евреев.

ны, общественный транспорт. Кашрут⁷ будет соблюдаться повсеместно, религиозное ортодоксальное образование будет пользоваться полной автономией, бракоразводные дела будут находиться в компетенции раввинатских судов.

Значительная часть религиозных партий и организаций согласилась действовать в рамках «соглашения статус-кво», и сейчас религиозные структуры в Израиле тесно переплетены с государственными институтами и учреждениями и финансируются из государственного бюджета. Однако некоторые ультраортодоксальные группировки, как например: «а-Эда а-харедит» («Набожная община»), Сатмарские хасиды, «Наторей Карта» («Стражи города») и др., не признают Государство Израиль и его законов, игнорируют парламентские выборы, отвергают правительственные дотации, объявляют день независимости страны днём поста и покаяния, считая сам факт образования Израиля продолжающейся «катастрофой» еврейского народа.

К числу таких группировок относился и «Союз зелотов». В январе 1951 г. новые «ревнителли веры» взорвали несколько десятков автомобилей, владельцы которых передвигались на них в субботу, устроили пожар в здании автобусного гаража государственной транспортной компании «Эгед», разгромили несколько лавок, торговавших некошерными продуктами, и ресторан, работавший по субботам.

Наиболее амбициозный план «Союза зелотов» предусматривал приведение в действие взрывного устройства в здании Кнессета во время пленарного заседания, на котором обсуждался вопрос об обязательной службе девушек в регулярной израильской армии. Но из-за опасения, что взрыв может привести к большим жертвам, в итоге было решено бросить в зал заседания дымовую шашку и отключить электричество⁸. К этому времени в группу воинствующих ультраортодоксов были внедрены два агента израильской Общей службы безопасности ШАБАК, и до совершения теракта все члены были арестованы. Однако по решению суда вскоре почти все религиозные экстремисты были отпущены на свободу и лишь четверо приговорены к тюремному заключению от шести месяцев до года. Проведённое позже парламентское расследование феномена «Союза зелотов» показало, что входившие в группу ультраортодоксы ставили своей целью заменить светскую форму управления в Израиле на теократию, устроенную по законам Галахи [22, р. 35].

«Гуш эмуним»

«Гуш эмуним» («Блок верующих») – первая организация, которая поставила своей практической задачей объединить среди израильтян всех сторонников заселения оккупированных в 1967 г. арабских территорий путём создания на них сети поселений. Учредительное собрание организации прошло весной 1974 г. в поселении Кфар Эцион⁹. Инициаторами формирования нового поселенческого движения были учащиеся и преподаватели иерусалимской ешивы «Мерказ а-Рав». Возглавил движение р. Цви Йегуда Кук, сын р. Авраама Ицхака а-Коэна Кука (1865–1935), который, будучи главным раввином ашкеназийской общины¹⁰ Иерусалима, непосредственно руководил процессом создания первых поселений в Палестине и заселения страны еврейскими иммигрантами.

Теоретическое наследие р. А. И. Кука до сих пор является предметом изучения и практическим пособием для большинства израильских поселенцев, живущих за пределами границ, существовавших на 4 июня 1967 г. Из стен основанной им ешивы «Мерказ а-Рав» в Иерусалиме вышли сотни убеждённых сторонников идеи «неделимого Израиля». Многие из них сейчас принимают участие в формировании решений государственных органов Израиля и Верховно-

⁷ Кашрут – иудейские религиозные заповеди и разрешения.

⁸ What was the “Zealots’ Alliance”? Web Resource of the Israeli Knesset [Electronic resource]. – URL: http://knesset.gov.il/main/eng/trivia/trivia_details_eng.asp?t_id=29

⁹ Первое еврейское поселение, основанное на Западном берегу в 1934 г. и восстановленное ортодоксальными националистами сразу после оккупации палестинских территорий в июне 1967 г.

¹⁰ Еврейское население Израиля (Палестины до 1948 г.) принято разделять на три этнические группы: ашкеназы, или ашкеназийские евреи – выходцы из европейских стран, Северной и Южной Америки, ЮАР, Австралии и Новой Зеландии; сефарды, или восточные евреи – выходцы из стран Азии и Северной Африки, Испании и Балкан; цабра – уроженцы Израиля (Палестины до 1948 г.). Различия между сефардами и ашкеназами в Израиле сохраняются, в основном в подходе к соблюдению религиозных традиций и обычаев. В этой связи Верховный раввинат Израиля (а-Рабанут а-рашит), созданный во времена британского мандата в Палестине в 1921 г., до сих пор возглавляется двумя главными раввинами – сефардским и ашкеназийским.

го раввината страны, составляют ядро Совета поселений Иудеи и Самарии (ЙЕША) и Совета раввинов поселений. Раввин Кук одним из первых призвал участников еврейского заселения Палестины к вооружённой борьбе со всеми, кто противостоит созданию независимого национально-религиозного центра в «Эрец Исраэль»: «Мы должны быть вооружёнными в святой войне с Амалеком».

Первоначально движение находилось под покровительством Национально-религиозной партии (МАФДАЛ), которая входила в правительственную коалицию. Однако по настоянию р. Цви Й. Кука, заявившего в конце 1974 г., что «нет Гуш эмуним в партии МАФДАЛ, а есть только Гуш эмуним», произошло формальное отделение движения от МАФДАЛ [4, с. 24]. В организационном плане «Гуш эмуним» не имеет избранного руководящего органа, а возглавляется импровизированным секретариатом, что вполне отвечает определению, даваемому организации её членами, которые считают «Гуш эмуним» стихийным, движением без партийных билетов и партийных структур. На лидирующие позиции в «Гуш эмуним» выдвинулись молодые израильские раввины: глава поселенческого совета Кирьят-Арба р. М. Левингер, один из активистов создания блока поселений Гуш Эцион р. Х. Порат, идеолог и лидер религиозного молодёжно-сионистского движения «Бней Акива» Х. Друкман, р. Израэль Ариэль, бывший главный раввин поселения Ямит на Синае, основатель и руководитель Института Иерусалимского Храма, р. Дов Лиор, председатель Совета раввинов еврейских поселений ЙЕША и главный раввин поселения Кирьят-Арба и др. В многотысячных демонстрациях «Гуш эмуним» принимали участие будущие премьер-министры М. Бегин и А. Шарон, лидер правонационалистической партии «Техия» («Возрождение») Г. Коэн, член Кнессета от МАФДАЛ, министр социального обеспечения З. Хаммер и др.

После прихода к власти правого блока «Ликуд» в мае 1977 г. в октябре 1977 г. движение «Гуш эмуним» было официально признано правительством Израиля, а также ВСО и получило статус легального поселенческого движения. За несколько месяцев до официального признания руководство «Гуш эмуним» представило на рассмотрение правительства поселенческий план, рассчитанный на двадцатилетнюю перспективу. Предполагалось, что численность еврейского населения Западного берега (включая Иерусалим) увеличится и достигнет за этот период 1 млн человек, будут созданы два больших города, возле Хеврона и Наблуса (около 60 тыс. человек в каждом), несколько средних городов с населением 15–20 тыс. человек и сеть общинных поселенческих центров. Примечательно, что программу «Гуш эмуним» по заселению Западного берега поддержала целая группа руководящего состава Партии труда, включая Ш. Переса [11, р. 228–229].

Программа «Гуш эмуним» с энтузиазмом была поддержана международным сионистским движением. В начале 1978 г. директор департамента по делам поселений ВСО М. Дроблесс подготовил документ, который имел следующее название: «Генеральный план развития поселений в Иудее и Самарии, 1979–1983 гг.». План Дроблесса по сути представлял собой немного скорректированную программу «Гуш эмуним»; он был одобрен израильским правительством, и к его реализации были привлечены министерства жилищного строительства и сельского хозяйства. Из бюджета ВСО на финансовое обеспечение плана М. Дроблесса было выделено 54 млрд израильских фунтов (3,2 млрд долл. по ценам 1979 г.) [6, р. 96]. В период 1979–1983 гг. по плану М. Дроблесса было основано 105 поселений с числом жителей 22,8 тыс. человек [2, с. 297–308]. Большинство из появившихся в этот период поселений были созданы по инициативе активистов «Гуш эмуним». По некоторым оценкам израильских политологов, численность организации составляла около 150 тыс. человек [3, с. 471].

Сотрудничество основного поселенческого движения с ВСО привело к организационной перестройке «Гуш эмуним». В 1978 г. от «блока» отпочковалась организация «Амана» («Доверие»), которая занялась разработкой программ создания поселений, подбором кандидатов и направлением их в конкретные места жительства, обеспечением поселенцев всем необходимым, распределением фондов социальной помощи. «Амана» объединила все общинные поселенческие центры, основанные «Гуш эмуним», и объявила, что основная цель организации заключается в развитии таких же центров на Западном берегу, Голанских высотах и в секторе Газа. До сих пор члены «Аманы» идентифицируют себя с участниками поселенческого движения «Гуш эмуним». В рамках программ ВСО и правительств «Ликуда» активисты движения «Амана» с 1977 по

1992 г. создали около 60 поселений¹¹.

Члены «Гуш эмумим» и «Амана» возглавили многие местные поселковые и религиозные советы в поселениях Западного берега и Голанских высот, руководят деятельностью Совета поселений ЙЕША. Именно они определяют основные направления деятельности поселенческой инвестиционно-финансовой компании «Шева», круглосуточного радиоканала «Аруц-Шева» и печатного органа «Бэ-Шева». Помимо решения насущных хозяйственных проблем, члены «Амана» и Совета поселений на постоянной основе лоббируют интересы поселенческого движения в партийно-политических структурах, государственных инстанциях, в том числе в Кнессете и правительстве. Большинство членов Совета поселений ЙЕША, в том числе и нынешний его председатель, и член Кнессета р. Ури Ариэль либо участвовали в акциях «Гуш эмумим», либо полностью разделяют целевые установки этой организации.

После образования Совета поселений и движения «Амана» доминировавшие в лидерстве «Гуш эмумим» раввины приняли решение об объединении в рамках Ассоциации раввинов Иудеи и Самарии. Влияние этой организации среди поселенцев, особенно ортодоксальных евреев, значительно возросло на волне выступлений против первых территориальных уступок, на которые согласилось правительство М. Бегина в конце 1970-х гг.

Поселенцы выражали возмущение подписанием соглашений в Кэмп-Дэвиде. Эвакуации весной 1982 г. израильских поселений с Синайского полуострова, прежде всего из поселенческого центра Ямит, предшествовала бурная кампания неповиновения и сопротивления, в которой участвовали тысячи активистов поселенческого движения «Гуш эмумим».

В начале 1980 г. группа религиозных поселенцев, примыкавших в основном к «Гуш эмумим» и считавших, что правительственная политика в отношении поселенческого движения носит сдерживающий и неэффективный характер, создала законспирированную сеть экстремистских вооружённых организаций. С самого начала деятельность подобного рода группировок была не совместима с израильским законом «О борьбе с террором», поэтому они действовали в основном нелегально на территории Западного берега.

«Еврейское подполье»

«Еврейское подполье» — собирательное название разветвленной сети откровенно террористических групп, созданных в начале 1980-х гг. на базе «Гуш эмумим». Деятельность «подполья» направлялась главами поселенческих и религиозных советов, которые разделяли ультранационалистические и мессианско-религиозные взгляды р. Цви Кука и шовинистические программы созданной р. М. Кахане партии «Ках».

При прямом содействии властей подпольные ячейки получили доступ к оружию. С одобрения министерства обороны и по личному распоряжению бывшего начальника генштаба ЦАХАЛ Р. Эйтана поселенцам на палестинских территориях было позволено сформировать собственные милицейские отряды самообороны и даже сформировать военный штаб в поселении Кирьят-Арба. В результате участники подпольных групп получили доступ к стрелковому оружию, а взрывчатку, как позже выяснилось на следствии, они извлекали из мин, которые собирали на полях сражений на Голанских высотах.

Штаб «Еврейского подполья» разработал две оперативные цели: одна состояла в том, чтобы взорвать мечети Куббат ас-Сахра и Аль-Акса на Храмовой горе в Иерусалиме, другая — осуществить серию терактов на палестинских территориях для устрашения палестинского населения и создания для палестинцев таких условий, которые подталкивали их к решению покинуть свою родину [23, р. 144].

В состав «подполья» входили 25 человек [21, р. 171], все занимали руководящие должности в «Гуш эмумим» и поселенческих структурах. Основными фигурами и идейными вдохновителями организации были раввины из поселения Кирьят-Арба М. Левингер и Элизер Вальдман, а также Йегуда Эцион, один из основателей поселения Офра и ученик р. Цви Й. Кука. В штаб группы, помимо Й. Эциона, входили ещё три человека — М. Ливни, р. Й. Бен-Шушан и р. Дан Беэри. Они и привлекли к участию в организации остальных боевиков. Небезынтересно, что американские евреи из религиозно-националистических организаций собирали средства для

¹¹ В настоящее время на Западном берегу насчитывается 150 поселений, исключая Восточный Иерусалим, которые являются легальными с точки зрения израильского законодательства; ещё более 100 поселений относятся к числу т. н. нелегальных поселений. 35 еврейских поселений находятся на сирийских Голанских высотах. 18 поселений на Синайском п-ове были ликвидированы по решению израильского правительства в период 1979–1982 гг. и 21 — в Газе в 2005 г.

подпольной деятельности группы, обосновывая свою поддержку тем, что делали это по причине личной дружбы. Кроме того, «подпольщики» получали помощь от высокопоставленных чиновников военной администрации оккупированных территорий и двух членов Кнессета от «Ликуда» — М. Коэна-Авидова и Д. Шиланского [20, р. 124].

В 1980 г. штаб «Еврейского подполья» спланировал покушение на 13 членов Национального координационного совета — на тот момент основной палестинской организации, активно выступавшей против израильского режима на оккупированных территориях. Взрывчатку удалось заложить только в машины Басама Шакаа и Карима Халафа — мэров палестинских городов Наблус и Рамалла. В результате теракта обоим были ампутированы ноги.

26 июля 1983 г. трое боевиков из «Еврейского подполья», вооружённые автоматами и гранатами, совершили нападение на Исламский колледж в Хевроне. По версии членов преступной группы (именно так их охарактеризовал тогдашний премьер Израиля М. Бегин) [16, р. 182–183], это была акция возмездия за ранее совершенный теракт в здании ешивы в Хевроне, повлекший за собой гибель шестерых учащихся.

В декабре 1983 г. члены «подполья» намеревались заложить бомбы в местах расположения исламских святынь на Храмовой горе, мечетях Хеврона и арабских автобусах. Однако к этому времени агенты ШАБАК располагали полной информацией об организации и оперативно произвели аресты всех её участников. Израильский суд приговорил большинство членов «Еврейского подполья» к тюремному заключению сроком от 5 месяцев до 10 лет. М. Ливни, Ш. Нир и У. Шарбав — исполнители убийств, ответственные за теракт в Исламском колледже, — были приговорены к пожизненному заключению. Однако их срок заключения был вскоре сокращён по президентской амнистии до 24 лет, затем — до 15, а в 1989 г. — до 10 лет. В декабре 1990 г. все трое были освобождены из тюрьмы после 6 лет заключения.

Примечательно, что один из организаторов «Еврейского подполья», М. Ливни, вновь был осужден по приговору суда за участие в обстреле водителя арабского автобуса. Однако вскоре вновь был освобождён. Сейчас он преуспевающий бизнесмен, владелец предприятия по производству вина в Кирыят-Арба. Кроме того, он ежемесячно получает пособие от Бруклинского фонда поддержки Хеврона¹².

Проходивший по делу «Еврейского подполья» р. М. Левингер был судим в 1988 г. за убийство палестинского торговца, но провёл в тюрьме всего 5 месяцев и затем продолжил руководить советом поселения Кирыят-Арба. Раввин Э. Вальдман дважды избирался в Кнессет от партии «Техия», в 1984 и 1988 гг. Й. Эцион создал и управляет сейчас фондом поддержки восстановления Третьего Иерусалимского Храма «Хай вэ-Каям» («Жив и Существует»), который также призывает верующих евреев, вопреки галахическим запретам, подниматься на Храмовую Гору и молиться на ней.

«Ках»

«Ках» («Так») — наиболее массовое и экстремистское среди всех ультранационалистических объединений за «единый и неделимый Израиль», широко использовавшее расистские призывы и методы насилия как в отношении арабов, так и политических оппонентов. Проводившаяся израильскими правительствами М. Бегина (1977–1983 гг.) и И. Шамира (1983–1984 гг.; 1986–1992 гг.) политика «железного кулака» в отношении арабов оказала заметное влияние на рост активности «Ках» и других крайне правых организаций антиарабской направленности. М. Бегин предлагал сторонникам «Ках» вступить в его партию «Херут», но те проигнорировали его предложение, посчитав, что позиция правящей партии является чересчур мягкой в отношении палестинского вопроса.

«Ках» был основан американским раввином Меиром Кахане сразу после его иммиграции в Израиль в сентябре 1971 г. В США р. Кахане получил известность как лидер Лиги защиты евреев (The Jewish Defense League, JDL) — еврейской крайне правой религиозно-политической организации, действовавшей с 1968 г. По определению, которое было дано в официальном заявлении Антидиффамационной лиги, старейшей американско-еврейской общественно-полити-

¹² Blau U. Haaretz Investigation: U.S. Donors Gave Settlements More Than \$220 Million in Tax-exempt Funds Over Five Years // Haaretz, December 7, 2015.

ческой организации, противостоящей антисемитизму и другим формам нетерпимости по отношению к евреям, «М. Кахане последовательно проповедовал радикальную форму еврейского национализма с ярко выраженными проявлениями расизма, насилием и политическим экстремизмом»¹³.

М. Кахане в юности прошёл военную подготовку в лагере БЕЙТАР и некоторое время был главным редактором американской «бейтаровской» газеты «Тель-Хай». В 1958 г. М. Кахане стал общинным раввином в Ховард-Бич, однако был вскоре уволен из-за призывов к прихожанам соблюдать нормы ортодоксального иудаизма, который не пользуется широкой популярностью среди евреев США. В начале 1960-х гг. М. Кахане вёл двойную жизнь, скрываясь под именами Майкла Кинга, Дэвида Борака, Мартина Кинни, и есть доказательства, что он состоял на службе ФБР [15, р. 4, 61–63, 68, 78, 82].

На учредительном собрании Лиги защиты евреев, которое состоялось 18 июня 1968 г., присутствовали в основном члены американского отделения БЕЙТАР. Основная цель Лиги выразилась в следующей формуле: «устранить физическую угрозу еврейскому народу» [1, с. 219]. Символом организации стал сжатый кулак на фоне шестиконечной звезды; девизом – фраза «Никогда больше». ЛЗЕ открыла летний лагерь «Jedel», в котором еврейских детей обучали приёмам самообороны и обращению с оружием. В начале своего пути организация объединила около 1 тыс. единомышленников. На своем пике, в середине 1970-х гг., в её рядах значилось около 15 тыс. членов [18, р. 35]. В основном это были просионистски настроенные учащиеся еврейских религиозных школ, а также молодые евреи-иммигранты из семей диссидентов из СССР, которых М. Кахане брал под опеку. В окружении раввина Кахане находились такие известные личности, как М. Дымшиц и Э. Кузнецов, принимавшие участие в акции по захвату самолёта в аэропорту Ленинграда для выезда из СССР, будущий министр иностранных дел Израиля А. Либерман, один из лидеров ультранационалистической поселенческой группировки «Новые израильские правые» А. Эскин, сотрудник «Натив» Я. Кедми и др.

Культовые для ревизионистов-сионистов постулаты В. Жаботинского легли в основу политической программы ЛЗЕ, включавшую пять пунктов:

- «Любовь к еврейству» («Ахават Исраэль»), подразумевающая единство еврейского народа, объединённого чувством любви, сопереживания и сострадания за всех евреев.
- «Гордость» («Хадар») – чувство собственного достоинства и уважения к себе.
- «Железо» («Барзель») – проявление железной твердости и силы в отношении тех, кто угрожает существованию еврейского народа.
- «Дисциплина» («Мишмаат») – осознание того, что дело должно быть сделано, и сила воли, чтобы довести дело до конца.
- «Вера» («Мицват битахон») – вера в поддержку Всевышнего, которую он оказывает народу и Земле Израиля [1, с. 117–144].

Первоначально организация занималась подготовкой боевых молодёжных отрядов для защиты еврейских кварталов Бруклина и отражения антисемитских выходов со стороны хулиганов из афроамериканских и латиноамериканских кварталов. Однако М. Кахане вскоре осознал, что стычки с этническими группировками – это не уровень его политических амбиций. Активность ЛЗЕ была переориентирована на организацию и проведение шумных кампаний за предоставление евреям СССР права свободно эмигрировать в Израиль. Свою программу «Борьбы за освобождение советских евреев» М. Кахане безуспешно пытался изложить в 1971 г. на Брюссельской конференции по вопросам советского еврейства. Помимо регулярного проведения массовых демонстраций в Вашингтоне возле советского посольства, ЛЗЕ осуществила серию провокаций и нападений, в том числе с применением оружия, на советские дипломатические и торговые представительства в США и других странах. Объектами нападений боевиков ЛЗЕ были также палестинские и пропалестинские представительства в США, пацифистские и правозащитные организации, выступающие за права палестинцев и справедливое решение палестинского вопроса.

По данным Антидиффамационной лиги США, Лига Кахане совершила в период своей наибольшей активности более 150 акций насилия, которые являются с точки зрения американского законодательства преступлением и квалифицируются как «теракт» [8]. От рук членов ЛЗЕ погибли 7 человек и 22 были ранены [25, р. 15]. Десятки членов ЛЗЕ арестовывались американской полицией, а раввин Кахане в общей сложности провёл в американских тюрьмах около трёх лет [28, р. 250].

¹³About the Jewish Defense League: Web Resource of the Anti-Defamation League [Electronic resource]. – URL: http://archive.adl.org/extremism/jdl_chron.html#top

Согласно ежегодным отчётам ФБР, Лига защиты евреев «является экстремистской организацией, практикующей насильственные методы» [13].

В мае 1971 г. М. Кахане и ещё два десятка членов ЛЗЕ были арестованы ФБР за тайное производство взрывчатых веществ. М. Кахане был через день выпущен под залог, который внёс один из боссов итальянской мафии Нью-Йорка Джо Коломбо [19, р. 46]. Однако спустя месяц финансовый покровитель лидера ЛЗЕ был смертельно ранен, и М. Кахане решил перебраться в Израиль. С этого времени он периодически появлялся в США, где занимался в основном сбором денежных средств, которые теперь направлялись преимущественно для финансирования политической деятельности раввина в Израиле.

Финансовые источники ЛЗЕ всегда были тайной за семью печатями. Многие еврейские бизнесмены и влиятельные сионистские организации зачастую отказывались сотрудничать с раввином, послужной список которого больше подходил для криминального авторитета. Еще в 1970 г. руководство ВСО отклонило заявку ЛЗЕ на вступление в основную международную сионистскую организацию. Известно, что М. Кахане, благодаря незаурядному дару убеждения, организовывал сборы средств во время своих публичных выступлений на собраниях еврейской религиозной общественности и на проповедях в синагогах. Так, на благотворительном обеде в Бостоне в 1986 г. было собрано более чем 20 тыс. долл. [14, р. 26]. ЛЗЕ пользовалась симпатией и поддержкой некоторых еврейских бизнесменов, которые давали М. Кахане миллионы долларов [15, р. 124–125].

М. Кахане распоряжался тремя личными фондами: «Kach International», «The Institute for the Authentic Jewish Idea», «The Jewish Overview». Аудиторская проверка только одного фонда с причудливым названием «Институт подлинной еврейской идеи» показала, что в период 1980–1986 гг. он уплатил налоги с доходов на сумму 788 115 долл. Член израильского кабинета в 1980–1990-е гг. А. Рубинштейн признавал, что М. Кахане не составляло труда привести в Израиль 0,5 млрд долл., для того чтобы создать в стране полсотни своих филиалов¹⁴. Уже после иммиграции в Израиль он часто наведывался в Америку и объезжал штаты, где есть крупные еврейские общины, выступал с лекциями, организовывал обеды для богатых спонсоров, которые готовы были платить десятки тысяч долларов.

М. Кахане имел тесные связи с некоторыми американскими политиками, которые привлекали его как оратора для выступлений в поддержку во время избирательных кампаний. В списке покровителей ЛЗЕ значились имена конгрессмена Марио Бьяджи и сенатора Генри Джексона [25, р. 2]. Книги М. Кахане миллионными тиражами печатали наиболее известные американские издательские дома.

После эмиграции раввина Кахане из США большинство активистов ЛЗЕ последовали за ним в Израиль. Численность организации сократилась до 300 человек. ЛЗЕ пережила несколько расколов. Название «Лига защиты евреев» сохранилось только за группой из Лос-Анджелеса во главе с Ирвом Рубиным. Под его руководством ЛЗЕ вошла в список самых опасных экстремистских группировок на территории США: ФБР обвиняло ЛЗЕ в 37 террористических актах, совершенных в период 1977–1984 г. [26, р. 16–18].

Однако в 2001 г. И. Рубин был арестован по обвинению в подготовке взрыва мечети короля Фарука в Лос-Анджелесе. До этого он уже арестовывался 39 раз и обвинялся в убийстве¹⁵. Через год И. Рубин покончил жизнь самоубийством в тюрьме. Жена покойного преемника М. Кахане, Шелли Рубин, формально возглавляет ЛЗЕ, но многие активисты движения обвинили её в узурпации лидерских полномочий и покинули организацию. Судя по тому, что официальный сайт ЛЗЕ сейчас заблокирован, Лига окончательно распалась на несколько мелких групп («Еврейские защитники», «Объединённое еврейское подполье», «Еврейское действие» и др.). Наиболее известная группировка, выделившаяся из ЛЗЕ, — «Организация еврейской обороны».

При оформлении израильского гражданства М. Кахане указал, что он намеревается работать в системе образования [24, р. 189]. Он действительно приложил немало усилий для создания религиозной школы «Еврейская идея», которая стала кузницей молодых кадров для «Ках» и контролировавшейся этой партией сети экстремистских организаций, которые действовали на оккупированных территориях. Кроме того, используя свои организаторские способности, р. Кахане сформировал в основных вузах Израиля несколько студенческих экстремистских групп. «Харделим» («Религиозные националисты»), примкнувшие к радикальным молодёж-

¹⁴ Kahane's money tree // The Washington Post, November 8, 1987.

¹⁵ JDL Chairman Rubin Released in Murder Case // Los Angeles Times, March 11, 1992.

ным организациям «Еш» в университете Хайфы («Технион»), «Кастель» в Еврейском университете Иерусалима и «Мецада» в Тель-Авивском университете устраивали шумные демонстрации с требованием не допускать арабов в израильские вузы, устраивали погромы в помещениях арабских студенческих комитетов, избивали арабских учащихся.

В сентябре 1972 г. в ответ на нападение палестинских террористов на израильских спортсменов на Олимпиаде в Мюнхене р. Кахане вместе с бывшим активистом ЭЦЕЛ А. Паглиным (Гиди) спланировали акцию возмездия. Для этого они пытались провести из-за рубежа оружие, но были задержаны в аэропорту сотрудниками израильской спецслужбы. В результате оба были арестованы, а р. Кахане по решению суда был приговорен к двум годам лишения свободы (условно). После этого он арестовывался 62 раза, его ближайший помощник и заместитель Й. Даян – 28 раз.

«Ках» обвинялось в разработке плана взрыва мечети «Куббат ас-Сахра» на Храмовой горе, организации провокационных манифестаций возле исламских святынь в Иерусалиме и Хевроне¹⁶, в убийстве Эмиля Гринцвейга во время антивоенной демонстрации, устроенной движением «Мир – сегодня» против вторжения израильских войск в Ливан, в нападении на арабский автобус неподалеку от горы Герцель в Иерусалиме, в закладке мин-ловушек в Восточном Иерусалиме, поджоге автомашин в арабском квартале Абу-Тор и т. п.

На парламентских выборах 1973 г. М. Кахане впервые выдвинул список своих кандидатов, имевший название «Список лиги» (по всей видимости, подразумевалась «Лига защиты евреев»). Предполагалось, что список будет поддержан сторонниками израильского общественного движения «Тнуа ле-Эрец Исраэль шлема» («Движение за неделимый Израиль»)¹⁷, которое после войны 1967 г. вобрало многих представителей официального политического руководства, представителей культурной и научной элиты страны.

Программа партии «Ках», штаб-квартира которой разместилась в еврейском поселении Кирьят-Арба вблизи от Хеврона, отличалась крайним экстремизмом и неприкрытой расистской политической платформой. Она предусматривала полную аннексию Западного берега, сектора Газа, Голанских высот и Синайского полуострова, а также депортацию проживающих на этих землях арабов. В своих многочисленных интервью, выступлениях и заявлениях р. Кахане пропагандировал следующее: «Отсутствует какая-либо возможность совместного сосуществования арабов и евреев. Мы требуем выдворить всех арабов в страны арабского мира и запретить им селиться во всех районах Эрец Исраэль... Для того чтобы обуздать ассимиляцию и пресечь какие-либо связи евреев и неевреев, мы предлагаем разместить все инациональное население страны, включая неевреев, живущих в Израиле, в специально отведенных и изолированных районах, управляемых военными комендантами. Правительство не должно субсидировать эти районы»¹⁸. Основные принципы партии были изложены в приводимом ниже предвыборном объявлении:

- «Во всех школах должно быть введено традиционное еврейское образование;
- Государство Израиль несет ответственность за евреев СССР и арабских стран;
- Эмиграция арабов – единственное решение арабской проблемы;
- Израиль должен аннексировать освобожденные территории, которые будут заселяться евреями, и прежде всего разрешить заселение Хеврона;
- Израиль обязан принять любого еврея и не вправе выдавать евреев другим государствам;
- Для устранения социального неравенства следует опираться на еврейские нравственные ценности;
- Проповедники иных религий должны быть выдворены из страны;
- Общие еврейско-арабские детские летние лагеря должны быть запрещены, поскольку могут привести к ассимиляции;

¹⁶ Постановлением израильского суда М. Кахане было запрещено посещать Хеврон.

¹⁷ Сторонники «Движения за Великий Израиль» полагают, что «Земля Израиля» находится в пределах границ, отмеченных в Библии. В Ветхом Завете границы «земли обетованной» очерчены «от реки Египетской до великой реки Евфрат» (Быт. 15:18). В книге Исхода обозначены пределы протяженности «Эрец Исраэль» с юга на север: «от моря Черного (т. е. Красного моря) до моря Филистимского (Средиземного моря)» (Исх. 23:31). По Торе в пределах земли, отведенной для заселения коленами Израиля, указываются также Заирданье (территория современной Иордании) и южные районы Ливана и Сирии (Чис. 32:33–42; 34:3–12; Втор. 3:8–17).

¹⁸ Едиот ахронот, Маг 29, 1981 (на яз. иврит).

- Правительству следует уповать не только на военную силу, но, прежде всего, на Бога»¹⁹.

На выборах партия р. Кахане получила 12 800 голосов и не преодолела электорального барьера. После этого она поменяла название на «Ках» — именно этот призыв был изображён на эмблеме ЭЦЕЛ. Однако на выборах 1977 и 1981 гг. партия получила ещё меньше голосов избирателей.

Чтобы расширить массовую базу своего правоэкстремистского движения, преданные ему раввины (Й. Лернер, И. Ариэль, А. Толедано, А. Корн и др.) создали в поселениях несколько десятков молодёжных групп, которые выступали с лозунгом «Кахане к власти». Самые известные из них — ТНТ («Террор против террора»), «Ассоциация дальнейшего заселения и освоения Иудеи, Самарии, сектора Газа и Иорданской долины», «Комитет по обеспечению безопасности движения по дорогам Иудеи и Самарии», «Хашмунаим» («Хасмонеи», или «Последователи раввина Й. Лернера»), МААЦ («Отдел общественных работ»), «а-Емин а-амити» («Настоящие правые»), «Новые израильские правые», целый куст ячеек, объединённых общим названием «Движение за захват мечети Аль-Акса», и др. Эти группировки представляли собой вооружённые отряды из нескольких сот молодых националистов из религиозных поселений, отождествлявших себя с народной милицией. Боевики М. Кахане терроризировали население арабских деревень и организовывали провокации в местах, которые являются одновременно святыми для иудеев и мусульман, в основном в Хевроне у могилы Патриархов. В 1980 г. раввин М. Кахане был арестован на шесть месяцев за подготовку теракта в мечети на Храмовой горе.

Популярность р. Кахане среди поселенцев — религиозных сионистов — настолько возросла, что на выборах 1984 г., когда он был избран депутатом Кнессета, за него проголосовало около 25 тыс. израильтян [10, р. 4]. На предвыборном постере партии «Ках» были начертаны такие слова: «Отдай нам свой голос, и мы, в конце концов, займемся ими (понятно, арабами)» [17, р. 35]. «Смерть арабам» — плакатом с этим призывом приветствовали избрание М. Кахане в Кнессет его единомышленники [12, р. 14].

Накануне выборов 1984 г. Кахане подготовил и опубликовал детальную «программу трансфера арабов за пределы Эрец Исраэль»²⁰. О крайней расистской сущности движения «Ках» свидетельствовали законы, предложенные р. Кахане во время его депутатства в израильском парламенте: «О насильственной депортации неевреев, которые откажутся от статуса временно проживающего в Израиле иностранца», «О запрете неевреям жить в пределах Иерусалима», «О создании отдельных пляжей для евреев и неевреев», «О заключении в тюрьму сроком на 5 лет любого нееврея, сожительствующего с еврейкой».

Деятельность «Ках» на любом направлении и уровне была настолько преступной и противоправной, что подавляющее большинство депутатов Кнессета и израильских правительственных чиновников старались отмежеваться от связей с р. Кахане и его сторонниками. В октябре Центральная избирательная комиссия под председательством судьи Г. Баха проголосовала 18 голосами против 10 за отстранение движения «Ках» от участия в выборах, определив, что предвыборный список этого движения является «расистским и антидемократическим». В 1994 г., уже после смерти М. Кахане, «Ках» было объявлено решением израильского суда вне закона и включено в список запрещённых террористических организаций. «Ках» также запрещено в США, Канаде и странах Евросоюза [9, р. 102].

После запрета на политическую деятельность в Израиле р. Кахане вернулся в США. 5 ноября 1990 г. он был смертельно ранен в Манхэттене египтянином Эль Сайедом Нусейром, состоявшем в террористической организации «Аль-Каида».

Примечательно, что после прихода А. Шарона к власти в феврале 2001 г. идея трансфера палестинских арабов, то есть собственно то, что и предлагалось «Ках», уже не рассматривались многими израильскими политиками как нечто преступное или антидемократическое. А. Шарон часто называл в своих публичных выступлениях арабов «иностранцами, цепляющимися за чужие земли»²¹. Сейчас сторонники трансфера, разделяющие взгляды р. Кахане, являются депутатами Кнессета и влиятельными чиновниками госучреждений. Многие из них принципиально покупают дома и живут на Западном берегу или в Восточном Иерусалиме. Бывший член Кнессета от партии «Херут» М. Кляйнер в памфлете «Кто боится Кахане», в частности, пи-

¹⁹ Перевод с иврита предвыборного объявления «Списка лиги», напечатанного в израильской газете «Маарив» (1973 г. 26 сентября).

²⁰ Эта программа детально изложена в книге р. М. Кахане: *They Must Go.* — N.Y.: Grosset & Dunlap, 1981.

²¹ Зо а-дэрех, June 2, 1982 (на яз. иврит).

сал: «У национального лагеря есть сейчас в Кнессете почти 70 депутатов. Нет никакой причины не поддержать мой законопроект, отменяющий определение «Ках» террористической организацией. Не нужно обязательно быть членом «Ках» или соглашаться с его программой, чтобы смыть с израильского общества позор объявления этой организации как террористической»²². Бессменный лидер «Израэль бейтену» («Наш дом — Израиль») А. Либерман, проживающий в поселении Нокдим, всегда поддерживал программу депортации палестинских и израильских арабов²³.

Опрос израильского общественного мнения, проводившийся в течение четырёх лет (2001—2004 гг.) социологами научно-исследовательского Центра национальной безопасности при Хайфском университете под руководством профессора Г. Бен-Дора, показал, что более 60 % израильтян поддерживают идею трансфера. Если бы р. М. Кахане принял участие в выборах в 2000-х гг., то он смог бы провести в Кнессет не менее 20 своих сторонников²⁴.

«Кахане хай»

После убийства р. М. Кахане его сын Биньямин Зеэв Кахане, ортодоксальный раввин, получивший образование в ешиве «Мерказ а-Рав», по тактическим соображениям создал собственные ешиву и религиозно-националистическую организацию, которые назвал в честь своего отца — «а-Рав Кахане» («Раввин Кахане») и «Кахане хай» («Кахане жив»). «Ках» возглавил Барух Марзель, секретарь этого движения и самый ближайший человек из окружения р. Кахане. В 1984 г. Б. Марзель вместе с М. Кахане прошел от списка «Ках» в Кнессет. Б. Марзель окончил ешиву

в еврейском поселении Ямит на Синайском полуострове и принимал активное участие в организации и проведении манифестаций израильских противников подписания Кэмп-Дэвидских соглашений и вывода еврейских поселений с египетской территории. В 1992 г. «Ках» и «Кахане хай» пытались подать в Избирательную комиссию Израиля отдельные списки, однако им было отказано в регистрации.

Продолжая свою деятельность фактически в подполье, боевики «Ках» и «Кахане хай» в 1993 г. взяли на себя ответственность за несколько вооруженных нападений на палестинцев на Западном берегу, в результате которых четыре человека были убиты и двое ранены. Они совершили акт вандализма, осквернив непристойными надписями стены Троицкой церкви Русской духовной миссии в Иерусалиме. Служба общей безопасности Израиля раскрыла несколько планов подготовки «каханистами» взрывов в мечети Аль-Акса в Иерусалиме. В ноябре 1992 г. в связи с терактом на рынке в старом городе Иерусалима генеральный прокурор Израиля обвинил обе организации в подстрекательстве к терроризму и инициировал против них судебное разбирательство.

Спустя год Верховный суд Израиля БАГАЦ запретил деятельность «Ках» и «Кахане хай» как организаций, проповедующих откровенный расизм²⁵. Поводом для запрета стало дело американского еврея Б. Гольштейна — члена «Ках», убившего 25 февраля 1994 г. из автоматического оружия 29 человек, в том числе детей, и ранившего около 150 палестинских арабов во время молитвы в мечети Ибрагима у могилы Патриархов в Хевроне. Б. Гольштейн значился под третьим номером в списке партии «Ках» на выборах 1988 г. Репутация «Ках» и «Кахане хай» существенно подпортилась после того, как выяснилось, что Игаль Амир, совершивший покушение на премьер-министра И. Рабина, был членом террористической законспирированной группы ИЯЛ («Организация сражающихся иудеев»), имевшей прямые связи с «Ках». Кроме того, многие из тех, кто присоединился к политическим структурам р. Кахане на гребне электорального успеха в 1988 г., после запрета их деятельности переметнулись в другие ультранационалистические партии — «Цовет» («Перекрёсток»), «Техия» («Возрождение»), «Моледет» («Родина»), «Херут» («Свобода»), чьи политические программы мало отличались по своей идеологии и антиарабскому настрою от «Ках» — «Кахане хай».

²² Макор ришон, December 28, 2001 (на яз. иврит).

²³ Партия «Израэль Бейтену» [Электронный ресурс]. — URL: <http://ndi.org.il/53/0/article.html>

²⁴ Shragai N. We are not for the Kach, but we love Kahane // Haaretz, December 25, 2002.

²⁵ Israel Bans Kach, Kahane Chai Citing Them As Terrorist Groups // Jewish Telegraphic Agency, March 14, 1994.

Во второй половине 1990-х гг. «Ках», несмотря на то что имело сторонников в Израиле и США, официально прекратило свою деятельность, а численность «Кахане хай» никогда не превышала 100–150 человек [7, р. 166]. В 1998 г. Б. Кахане был отправлен в тюрьму на шесть месяцев по обвинению в организации терактов против палестинцев, подстрекательстве к насилию и проведении противозаконных демонстраций. После освобождения он пытался открыть в Иерусалиме «Центр распространения еврейской идеи», однако израильские власти наложили запрет на его деятельность. 31 декабря 2000 г. р. Б. Кахане и его супруга были убиты в результате теракта, совершённого палестинскими боевиками из «Подразделения 17» (спецподразделение ФАТХ). Несмотря на то что «каханизм» как идеология по-прежнему имеет фанатичных почитателей, в том числе среди русскоязычных евреев, движение «Ках» – «Кахане хай» как организационное объединение прекратило существование.

ЛЕХАВА

ЛЕХАВА (одновременно означает на иврите слово «Пламя» и акроним фразы «Запрет ассимиляции евреев на земле Израиля») – израильское ультраправое националистическое движение протеста против любого проявления еврейской ассимиляции, любых личных или деловых отношений между евреями и неевреями как в Израиле, так и в других странах мира. Движение опирается на расистские идеологические принципы, сформулированные раввином М. Кахане.

Организацию основал и возглавляет Бен-Цион Гопштейн, ученик М. Кахане, член совета еврейского поселения Кирьят-Арба на оккупированном Западном берегу. В 1990 г. он был арестован по подозрению в убийстве палестинской семейной пары, но был отпущен из-за недостаточности улик. Неоднократно арестовывался также за участие в маршах протеста, которые проводились под эгидой запрещённой в Израиле партии «Ках»²⁶. Сейчас Б. Гопштейн является директором поселенческого издательства «Хелма», которое, по крайней мере в 2005–2013 гг., находилось на государственном финансовом обеспечении и получало 175 тыс. в долларовом выражении ежегодно²⁷. Он же организовал демонстрацию протеста в одном из парков Иерусалима против совместного пользования лавочками для отдыха евреями и неевреями. При этом демонстранты держали лозунги с надписями «Смерть арабам» и «Мухаммед мертв». Активными сторонниками этого расистского движения, а его численность составляет несколько сот человек, стали слушатели и выпускники религиозных школ в еврейских поселениях на оккупированных палестинских территориях, то есть те же «харделим» – религиозные националисты.

ЛЕХАВА получила известность в 2010 г. после отправки за подписью её членов открытого письма на имя еврейской израильской супермодели Бар Рафаэли, призывая её разорвать свои отношения с американским актёром Леонардо Ди Каприо, который является католиком. Позже такое же письмо с осуждением было направлено Марку Цукербергу и его супруге китайке Присцилле Чан.

В декабре 2010 г. молодежная группа еврейских ортодоксов от имени ЛЕХАВА растирала открытое письмо, в котором содержался призыв к евреям не наниматься на работу к неевреям, а женщинам-еврейкам остерегаться контактов с арабами, так как тем самым «евреи отторгают себя от священной расы». Письмо было опубликовано в израильской независимой газете «Гаарец» и вызвало широкую общественную дискуссию. Примечательно, что в ходе дискуссии был проведён опрос общественного мнения, по результатам которого выяснилось, что 44 % израильтян поддерживают призыв противников еврейской ассимиляции²⁸.

В ноябре 2014 г. четыре активиста ЛЕХАВА были арестованы в городе Петах-Тиква во время распространения пропагандистских материалов с призывами к сегрегации по расовому признаку. В том же году ортодоксы-националисты устроили акцию протеста против свадьбы араба и еврейки, жителей Яффо. Араб-мусульманин Махмуд Мансур и принявшая ислам перед свадьбой еврейка Морель Малка после пяти лет совместной жизни приняли решение сочетаться бра-

²⁶ A Strange Kind of Mercy // Haaretz, Mai 27, 2011.

²⁷ Love in the Time of Racism: The New, Dangerous Low in the Campaign to Stop Interracial Relationships // Haaretz, March 25, 2013.

²⁸ Rabbis' Wives Urge Israeli Women: Stay Away From Arab Men // Haaretz, December 28, 2010.

ком. Тогда Окружной суд города Ришон ле-Циона за несколько часов до свадьбы удовлетворил просьбу, поданную лидером ЛЕХАВА, провести у зала торжеств, где отмечали бракосочетание, акцию протеста, в которой приняли участие около 200 человек. В декабре 2014 г. трое членов ЛЕХАВА были арестованы и обвинены в поджоге Центра еврейско-арабского образования в Иерусалиме «Яд ба-Яд» («Рука об руку»), однако вскоре были отпущены из-за недостатка улик.

В 2015 г. Б. Гопштейн призвал к уничтожению христианских церквей в Израиле. В своей статье, опубликованной на сайте израильских ультраортодоксов «Кукер», он требовал искоренения в Израиле всех христианских праздников и изгнания христиан из страны, которых он сравнил с идолопоклонниками и вампирами²⁹. Несколько лет назад израильскому журналисту Лиат Бар-Ставу удалось внедриться в ряды ЛЕХАВА и описать методы сбора досье на «ненадёжных евреев» и травли тех, кто не соответствовал критерию еврейской идентичности и модели поведения еврея в понимании Б. Гопштейна и его единомышленников³⁰.

Полностью противоправная деятельность организации ЛЕХАВА была раскрыта в докладе «Расизм и гендерное неравенство в Израиле», составленном двумя религиозными израильскими правозащитными организациями – Израильским центром реформ религии и государства и Израильским движением за реформы и прогрессивный иудаизм³¹.

Развернувшаяся сейчас в израильском обществе дискуссия вокруг движения ЛЕХАВА не осталась без внимания политиков самого высокого ранга. Президент Израиля Реувен Ривлин назвал израильтян, поддерживающих движение ЛЕХАВА, «грызунами, подтачивающими фундамент израильского демократического общества»³². Министр обороны Моше Яалон заявил, что правительство рассматривает возможность включения ЛЕХАВА в список террористических организаций, запрещённых в Израиле³³.

Однако у израильских сторонников сегрегации по национально-религиозному принципу есть и свои высокие покровители, например, нынешний министр сельского хозяйства и председатель совета еврейских поселений ЙЕША раввин Ури Ариэль. Главный раввин сефардской общины Израиля и член Кнессета от партии ШАС Ицхак Йосеф, выступивший с субботней проповедью 27 марта 2016 г., указал на то, что неевреям по законам Галахи запрещено жить на Земле Израиля. Те же неевреи, которые находятся в Израиле, должны лишь прислуживать евреям³⁴.

Вместо заключения

Запрещение деятельности в Израиле подпольных террористических групп и ультранационалистических политических движений «Ках» и «Кахане хай», о которых шла речь выше, воспринималось в стране ещё в конце прошлого века чуть ли не как торжество демократии. Однако за полувековую историю израильской оккупации арабских территорий сформировалось устойчивое большинство, которое склонно поддерживать идеи, сформулированные религиозно-националистическими лидерами поселенческого движения, разделять их убежденность в том, что вытеснение и даже уничтожение коренного нееврейского населения является богоугодным и вполне допустимым с точки зрения религиозной морали деянием. По мнению некоторых раввинов, участвующих в поселенческом движении, согласие на возврат хотя бы части территорий, над которыми Израиль установил свой контроль в июне 1967 г., есть преступление, заслуживающее смерти. К числу поселенцев, взращённых на этих воззрениях, относится, безусловно, Игаль Амир, член движения «Ках» с тринадцати лет, – убийца премьер-министра И. Рабина.

Сейчас каждый девятый, имеющий израильское гражданство, является поселенцем, проживающим на оккупированных территориях. Последние выборы свидетельствуют, что еврейский электорат в израильском обществе настроен в поддержку тех партий и политических движений, которые отстаивают принцип «неделимости Эрец Исраэль», то есть не допускают каких-либо уступок арабам по территориальному вопросу. Некогда натянутые отношения меж-

²⁹ Rabbis' Wives Urge Israeli Women: Stay Away From Arab Men // Haaretz, December 28, 2010.

³⁰ Bar-Stav Liat. Inside radical right-wing group Lehava // Ediot Achronot, March 1, 2015.

³¹ Racism and Gender in Israel [Electronic resource]. – URL: <http://www.datumedina.org.il/>; Over vocal protest, Arab-Jewish wedding goes ahead // The Times of Israel, August 17, 2014.

³² Over vocal protest, Arab-Jewish wedding goes ahead // The Times of Israel, August 17, 2014.

³³ Ya'alon asks legal experts if he can ban Lehava Jewish extremist organization // The Jerusalem Post, January 4, 2015.

³⁴ Sephardi Chief Rabbi Says non-Jews Forbidden From Living in the Land of Israel // Haaretz, March 28, 2016.

ду правительством и активистами поселенческого движения, грозившие ещё в начале 2000-х гг. перерасти в ожесточённые столкновения, полностью нормализовались. Наблюдается слаженность действий правительства и поселенцев: одни щедро раздают разрешения на строительство в поселениях, другие активно мобилизуют своих сторонников к участию в поселенческом движении.

По сути, политическая программа религиозной партии «а-Байт а-йегуди» («Еврейский Дом»), а эта партия сейчас является ключевой составной частью правительственной коалиции, мало чем отличается от той, с которой шёл на выборы раввин М. Кахане в 1988 г. Вот основные программные установки «Еврейского Дома»: «Партия верит в основной принцип религиозного сионизма – Земля Израиля для народа Израиля... Границы Израиля простираются от берегов реки Иордан до Средиземного моря; никакое палестинское государство не будет создано в рамках этих границ Израиля. Иерусалим – вечная столица Израиля, он и никогда не должен быть разделен. Еврейские поселения на всей территории Эрец Исраэль жизненно важны для нашей безопасности, и любое будущее мирное соглашение должно гарантировать сохранность существующих поселений, как и то, что они останутся под израильским суверенитетом; Голанские высоты – неотъемлемая часть Израиля, и они должны оставаться под израильским суверенитетом; партия выступает против предоставления арабам “права на возвращение”... Партия считает, что поселенческое движение исполняет заповеди Всевышнего, и она клянется всемерно участвовать в этом движении и выступать против любых попыток остановить поселенческую деятельность. Партия будет лоббировать создание новых поселений и расширение существующих поселений в Галилее, на Голанских высотах, в Иудее и Самарии (Западный берег р. Иордан), Иорданской Долине и Негеве. Партия будет содействовать увеличению численности еврейского населения в Иудее и Самарии...»³⁵.

Как видно, то, что ещё недавно шокировало израильское общество, сейчас является для него приемлемым. Подпольные экстремистские организации перестали громко о себе заявлять не в результате того, что против них были предприняты серьёзные меры противодействия, а в силу того, что политические платформы легально действующих правонационалистических партий и движений отвечают политическим запросам израильтян, участвующих в программах освоения оккупированных арабских территорий.

Jewish extremist and terrorist organizations in Israel

Alexander V. Krylov, PhD (History), Senior Researcher,
Middle East Studies Center,
Institute for International Studies, MGIMO-University,
Professor of the Oriental Studies Department of MGIMO-University,
Moscow, E-mail: avkrylov2004@mail.ru

***Summary.** This article is an extension of the research material published in the previous issue of the Journal “International Analytics” (2016, vol. 3 (17), p. 45–58), and focused on the activity of the Jewish paramilitary groups in Palestine before the establishment of the State of Israel in 1948. Originally the conspiratorial Jewish extremist organization opposed the policy of the Jewish immigration restraint which had been carried out by the socialist countries, especially the USSR. Some ultra-Orthodox groups, such as the Union of Zealots, used openly the terrorist methods in the struggle against the development of Israel as a secular and democratic state. After the war of 1967 and the Israeli occupation of the Arab territories the orthodox-nationalists, who formed the vanguard of the “Movement for Greater Israel”, created an underground network of extremist armed organizations. From the beginning, the activities of these groups were contrary to the Israeli Law on the Fight against Terror. The term commonly used for the Jewish underground groups in Hebrew is “mahteret”. There have been several dozen groups of this kind in the history of the Israeli settlements movement. The most famous of them are “Kach” (“Thus”) and “Kahane Chai” (“Kahane Lives”).*

The initiator and inspirer of the “Jewish Underground” was an American Orthodox Rabbi Meir Kahane. He founded a political settlement party “Kach” which had legally existed until in 1988 a ban on the list of its

³⁵ Едиот ахронот, March 2, 2009.

candidates in the parliamentary elections was imposed by the Supreme Court of Israel because of the accusations of the denial of the democratic character of the state of Israel and the promotion of racism. The activities of both organizations were declared terrorist and banned in the USA and some other countries.

The article analyses religious, philosophical and political routes of the modern ideology of Israeli orthodox nationalists who participate in the settlement movement on the occupied Arab territories as well as the illegal activities of the most famous parties and organizations supporting the policy of the extension of the Israeli jurisdiction over the occupied Arab territories.

Keywords: *Israel, Judaism, the Arab-Israeli conflict, Israeli settlements, settlers' underground organizations, terrorism, "kahanism", "Kach", "Kahane Hai".*

Литература / References

1. *Кахане М.* Никогда больше. — Нью-Йорк: Пирамид букс, 1971. [*Kahane M.* Nikogda bol'she. N'ju-Jork: Pyramid buks, 1971; *Kahane M.* Never again. — N.Y.: Pyramid Books, 1971].
2. *Крылов А. В.* Израильские поселения на оккупированных арабских территориях (1967–2007 гг.). — М.: МГИМО—Университет, 2011. С. 297–308. [*Krylov A.V.* Izrail'skie poselenija na okkupirovannyh arabskikh territorijah (1967–2007). — М.: МГИМО—Университет, 2011, s. 297–308; *Krylov A.V.* Israeli settlements in the occupied Arab territories (1967–2007). — М.: МГИМО- University, 2011, p. 297–308].
3. *Нойбергер Б.* Власть и политика в Государстве Израиль. Часть 7–8. — Рамат-Авив: Изд-во Открытого ун-та в Тель-Авиве, 1996. [*Nojberger B.* Vlast' i politika v gosudarstve Izrail'. Chast' 7–8. — Ramat-Aviv: Izd-vo Otkrytogo un-ta v Tel'-Avive, 1996; *Neurberger B.* Power and politics in the State of Israel. Part 7–8. — Ramat-Aviv: The Open University of Israel, 1996].
4. *Шпринцак Э.* Гуш эмуним: вершина айсберга политического экстремизма // Государство, власть и международные отношения. 1981. № 17. С. 24 (на яз. иврит). [*Sprinzak E.* Gush Emunim: Top of the iceberg of political extremism // State, power and international relations. 1981. № 17 (in Hebrew)].
5. *Arendt H.* Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil. — N.Y.: Penguin Classic, 1963.
6. *Aronson G.* Creating Facts: Israel, Palestinians and the West Bank. — Washington: Institute for Palestine Studies, 1987.
7. *Atkins S. E.* Encyclopedia of Modern Worldwide Extremists and Extremist Groups. — London: Greenwood Press, 2004.
8. Chronology: The Jewish Defense League 1969–1995. Web Resource of the Anti-Defamation League [Electronic resource]. — URL: http://archive.adl.org/extremism/jdl_chron.html#top
9. Country Reports on Terrorism 2004. Washington: US Department of State, Office of the Coordinator for Counterterrorism. April 2005.
10. *David B., Capitanchik D. B.* A Guide to the Israeli General Election 1984 // IJA Research Reports. — London. No. 8. July 1984.
11. *Eldar A. Zertal I.* Lords of the Land: The War for Israel's Settlements in the Occupied Territories, 1967–2007. — N.Y.: Nation Books, 2007.
12. Extremism in the Name of Religion. The Violent Legacy of Meir Kahane / AntiDefamation League Report. — N.Y., 1994.
13. FBI Report: Terrorism 2000/2001. Washington: the US Department of Justice [Electronic resource]. — URL: <https://www.fbi.gov/stats-services/publications/terror/terrorism-2000-2001>
14. *Friedman R.* Nice Jewish Boys with Bombs: The Return of the JDL // Village Voice. — New York, May 6, 1986.
15. *Friedman R.* The False Prophet. — London: Faber and Faber, 1990.
16. Hebron Islamic College attack (1983) // Dictionary of Modern Arab History. — N.Y.: Routledge, 2010.
17. *Herzog H.* The Contest of Symbols: The Sociology of Election Campaigns through Israeli Ephemera. — Cambridge: Harvard University Press, 1987.
18. *Hewitt C.* Understanding Terrorism in America: From the Klan to Al Qaeda. — N.Y.: Routledge, 2002.
19. *Kotler Y.* Heil Kahane! — N.Y.: Adama, 1986.
20. *Masalha N.* Imperial Israel and the Palestinians: The Politics of Expansion. — London: Pluto Press, 2000.
21. *Moreh D.* The Gatekeepers: Inside Israel's Internal Security Agency. — N.Y.: Skyhorse Publishing, 2015.
22. *Pedahzur A., Perliger A.* Jewish Terrorism in Israel. — N.Y.: Columbia University Press, 2009.
23. Religious Radicalism in the Greater Middle East. Ramat-Gan, Israel: BESA Studies in International Security, 1997.
24. *Sprinzak E.* Brother against Brother: Violence and Extremism in Israeli Politics from "Altalena" to the Rabin Assassination. — N.Y.: Simon & Schuster ed., 1999.

-
25. Terrorism in the United States and the Potential Threat to Nuclear Facilities. Santa Monica, California: The Rand Publications Series, January 1986.
 26. Terrorist Research: FBI Analysis of Terrorist Incidents and Terrorist-Related Activities in the United States. – Washington: US Department of Justice, 1985.
 27. The Kach Movement – Background. – Jerusalem: Ministry of Foreign Affairs of the State of Israel, March 1994.
 28. *Wigoder G.* Dictionary of Jewish Biography. – N.Y.: Simon & Schuster, 1991.

Michael Share

Trump, Russia, and China: The First 100 Days*

Michael Share, Department of History,
University of Macau Macau, China

Summary. On April 30 the United States and the World marked the 100th day in office of Donald Trump as President of the United States. The first 100 days are considered as a key indicator of the fortunes for a new President's program. This article briefly reviews the 2016 campaign and election, the 11 week transition period, his first 100 days, a brief examination of both American-Russian relations and Sino-American relations, and lastly, what the future bodes for each under a Trump Presidency. The 100 Day period has been chaotic, shifting, and at times incoherent. He has made 180 degree shifts toward many major issues, including Russia and China, which has only confused numerous world leaders, including Presidents Putin and Xi. There has been a definite disconnection between what Trump says about Russia, and what his advisors and cabinet officials say. So far Trump has conducted a highly personalized and transactional foreign policy. All is up for negotiation at this a huge turning point in American foreign policy, the greatest one since 1945. Given all the world's instabilities today, a rapprochement between the United States and Russia is a truly worthwhile objective, and should be strongly pursued.

Keywords: Donald Trump, the first 100 days, the 2016 American campaign for President, foreign policy, American-Russian relations, Sino-American relations, Vladimir Putin, Xi Jinping, US-Russia rapprochement.

*** От редакции.**

В этом номере мы предлагаем вниманию читателей «Международной аналитики» статью (на языке оригинала) американского историка Майкла Шэра «Трамп, Россия и Китай: первые 100 дней».

Майкл Шэр, в настоящее время профессор (part-time) Университета Макао, много работал в российских архивах, выступал в Москве и Санкт-Петербурге. Публикуемая ниже статья, любезно предоставленная автором, основана на докладе, сделанном им в апреле 2017 г. в посольстве Российской Федерации в Таиланде.

В сферу научных интересов Шэра входит история политики Российской империи/Советского Союза/Российской Федерации в отношении периферии Китая – то есть, прежде всего, Гонконга, Макао и Тайваня, хотя он занимался и политической историей западных частей этой периферии¹. Все эти регионы объединяет то, что в них сталкивались интересы России и других держав, проводивших, в особенности в тот период, когда субъектность китайского государства была ослаблена, свои версии «китайской политики». Ее различным этапам и эпизодам посвящена книга Шэра «Где сталкивались империи», опубликованная в 2007 г.²

¹ См., например, его статью: Share M. The Russian Civil War in Chinese Turkestan (Xinjiang), 1918–1921: A Little Known and Explored Front // Europe-Asia Studies, Vol. 62 (2010), No. 3, p. 389–420. URL: <http://sites.bu.edu/revolutionaryrussia/files/2013/09/Russian-Civil-War-in-Xinjiang.pdf>

² Share M. B. Where Empires Collided: Russian and Soviet Relations with Hong Kong, Taiwan and Macao. – Hong Kong: The Chinese University Press, 2007.

Давний интерес автора к «взаимоотношениям России и Запада на Востоке» реализуется в ней применительно к событиям новейшей истории и прежде всего к первым внешнеполитическим шагам президента США Д. Трампа на фоне роста могущества КНР.

Разумеется, динамика современной мировой политики и тем более не слишком устоявшейся политики нового президента США такова, что осуществлять ее оперативный мониторинг на страницах журнала с ежеквартальной периодичностью невозможно. Однако сама по себе неожиданность поворотов этой политики делает попытки их оценки и трактовки на конкретных временных срезах (а именно такая оценка и трактовка, конечно, субъективная и не отменяющая многих других альтернативных взглядов на отношения в треугольнике США – Россия – Китай, и предложена Майклом Шэром по случаю традиционного стодневного рубежа нового американского президента) представляющими несомненный интерес с точки зрения фиксации развивающейся у нас на глазах политической истории.

30 marked the 100th day since Donald J. Trump was inaugurated President of the United States. Following one of the greatest upsets in US political history, Donald Trump was elected last November in a race many, hitherto reliable polling agencies, thought Hilary Clinton was certain to win. One, *Huffington Post* declared she was 99 % certain to be elected¹. While Democrat Hilary Clinton took the popular vote by almost a three million-vote margin, Trump took a majority in the Electoral College, which is the decisive factor in the US Presidential election.

Traditionally the first 100 days of a new President is considered a key indicator of the fortunes for the President's program. In this paper the author will briefly review the campaign and election, Trump's first 100 days, a brief examination of both American-Russian relations and American-Chinese relations, and lastly, what the future bodes for each under a Trump Presidency.

The American campaign for President, first for nomination, and then for election, was unprecedented in its personal intensity, and in the views expressed by all sides. While former Secretary of State Hilary Clinton took the Democratic Party nomination as predicted, her race to the nomination was not the easy path that had been forecast. She faced strong competition from a hitherto little-known Democratic Socialist, septuagenarian US Senator from a small state, Bernie Sanders. That race, not settled until a month before the nominating Convention, should have foreshadowed that she would not have the smooth path toward victory, which she and her campaign advisors thought. The Republican nomination started with an unprecedented number of candidates. At one point, 17 people sought the Party's nomination, which became a bitterly and deeply personal contested race. Out of the slugfest, Donald Trump, a New York City property developer, billionaire, and television celebrity, with no prior experience in government or military service, emerged as the Republican candidate, only weeks prior to his party's nominating Convention.

The Clinton-Trump race reached an intensity not seen in modern US political history. While policy differences were stark, personal issues took precedence. Trump campaign people claimed Clinton through her misuse of her e-mail server, and allegedly causing the deaths of the American Ambassador and his three bodyguards in Benghazi, Libya, was a criminal as crowds at Trump's campaign-rallies shouted: "Lock her up". Clinton campaign people declared that Trump was a narcissist, racist, sexist, anti-Islamic, anti-Hispanic, etc. as a video surfaced in October of Trump bragging about his sexual conquests. The Director of the FBI (Federal Bureau of Investigation) intervened in the election by sending two letters again in October declaring, first, there was an FBI investigation into possible Clinton law breaking, and then that there was not. His unprecedented intervention likely kept thousands of Clinton voters home, perhaps costing her the election. The personal and vicious attacks by both sides made most people wish the election was over, as dislikes regarding each candidate exceeded 50 %, again, another unprecedented fact about this remarkable Presidential election².

Almost all political pundits in each political party were convinced Hilary Clinton would be elected President on November 8. Thus, when the impossible happened, and Trump won, albeit by a narrow margin, people on all sides were stunned in the greatest upset in Presidential history since the 1948 Truman victory over Dewey. It was a huge repudiation of Clinton, and in fact, the Democratic Party establishment. Trump won by appealing to working class white people, living in the American South and upper mid-West states, who have felt left out in the world-wide drive for Globalization, as well as a reaction against former

¹ Huffington Post. November 7, 2016. URL: http://www.huffingtonpost.com/entry/polls-hillary-clinton-win_us_5821074ce4b0e80b02cc2a94

² Ibidem.

President Obama and the so-called Washington Establishment by many Americans. Furthermore, Hillary Clinton ran a bad campaign, taking states, and regions, and voters for granted, and exhibited arrogance that this was her turn for the Presidency. Clinton never reached out to millions of voters, who felt neglected. Her close ties to Wall Street bankers and investors, and the huge sums she received for speeches to crowds of wealthy people convinced many she did not know the problems of ordinary Americans. The election showed the country is divided between rural and urban areas, with Clinton taking both the liberal and cosmopolitan East and West Coasts, and numerous cities in between, and Trump the rest of the country³.

The transition period, from the November 8, until the inauguration on January 20, almost 11 weeks, proved just as tumultuous. Donald Trump appointed a far-right wing and controversial cabinet and advisory team, several of who pledged to destroy the agencies they now headed. Approving many of these appointees has proved very slow and complicated, as the Democrats have contested most nominees. One especially controversial choice was Trump's selection of General Michael Flynn as his National Security Advisor. Trump engaged in twitter wars against numerous people and organizations, which caused figures in both political parties to question his judgment and temperament. Trump reiterated his promises to build a "tall and beautiful" wall along the US-Mexican border, curb immigration, deport undocumented migrants, particularly those guilty of crimes, end the admission of all Syrian refugees, reenact high tariff barriers, particularly against Mexico and China, end the Trans-Pacific Partnership Agreement, renegotiate the NAFTA and possibly NATO treaties in what he said would be an "America First" agenda.

On January 20, Donald Trump was inaugurated the 45th President of the United States, delivering a short, nationalistic, and fiery Inaugural Address warning that American wealth had been "ripped from homes and redistributed around the world", and that now was the time to put "America first". Thousands of people took part in anti-Trump protests in Washington, DC, and across America⁴. Those protests continued the next day with a millions strong Women's march in cities across the United States, and indeed in a number of world capitals. In his first three months as President, Donald Trump has tried to carry out a number of his campaign promises:

1. He said he would start building a 40-foot (13 meter) wall all along the Mexican border. He has requested a billion dollars from Congress to begin construction. Mexico has reiterated it will not pay one penny toward this wall.
2. Trump said he would end "illegal immigration and suspend immigration from terror problem regions"—basically Moslem countries. Twice Trump tried to enact strict curbs on immigration or visits from 6 or 7 largely Moslem countries in the Middle East and North Africa. Twice his executive orders have been tied up in the courts through challenges by states, most recently Hawaii⁵.
3. He has said he would deport illegal immigrants already in the US, and tighten border security. Deportation of illegal immigrants, including children who have lived most of their lives in the US, has been stepped up. He has requested in his upcoming budget funds for a larger border force, as well as more judges to head deportation court hearings.
4. Trump vowed to "repeal and replace" "Obamacare", a health plan enacted under his predecessor. Trump's healthcare plan, essentially designed and pushed by the Speaker of the House of Representatives, Paul Ryan, had to be withdrawn before facing certain rejection, due to its provisions, which would cost some 16 million people their insurance, and raise premiums on older, poorer, and more rural Americans, all largely Trump voters. This was a humiliating defeat for Trump, one that has weakened him politically. Only this week on the eve of his 100th day was a new attempt to resurrect Ryan's health plan rejected once again by Republicans in the House of Representatives⁶.
5. Trump pledged to nominate a staunch Conservative to the Supreme Court to fill a vacancy created by the death of Antonio Scalia, over one year ago. Trump nominated a very qualified and distinguished young Conservative, Neil Gorsuch, who was approved by the US Senate on

³ Politico.com. November 15, 2016. URL: <http://www.politico.com/magazine/tag/2016/2>

⁴ Politico.com. Trump's Inaugural Address Annotated. January 20, 2017. URL: <http://www.politico.com/story/2017/01/2017-trump-inaugural-address-what-he-said-what-he-meant-233926>

⁵ Politico.com. Hawaii Federal Judge sets Hearing on Blocking New Trump Travel Ban March 8, 2017. URL: <http://www.politico.com/story/2017/03/hawaii-federal-hearing-trump-travel-ban-235833>

⁶ Huffington Post. April 27, 2017. URL: http://www.huffingtonpost.com/entry/news-roundup-for-april-27-2017_us_590219d0e4b0768c2682e3bc

- April 7 following a Democratic Party filibuster, crushed only when the Republicans changed the Senate rules allowing a simple majority vote, instead of the previous 60 vote number in the 100 seat Senate⁷.
6. Trump has vowed to defeat and destroy ISIS, the major terrorist organization. Trump has stepped up his bombing campaigns in Syria, Yemen, and Iraq, as well as deploying small numbers of combat troops in Syria. ISIS, while weakened, is still powerful. Trump has promised to work with Russia and other countries in fighting and defeating ISIS. That, too, has not happened due to both domestic and foreign factors. Those factors included the firing of his National Security Advisor, Gen. Michael Flynn, for lying to the Vice President Mike Pence about his ties to foreign governments, including Russia and Turkey. Then, in a reversal of previous policy statements on Syria, and in reaction to a horrific sarin chemical attack, Trump on April 7 launched a cruise missile attack on a Syrian government air base causing extensive damage, infuriating Russia, one of Assad's main supporters. Russia's Foreign Ministry characterized the attack as an act of aggression that would have grave consequences. The world waits to see what Trump will do next in Syria and the entire Middle East. It is easy to get into a war, but much harder to get out. His policy, or lack of policy, in the Middle East is contradictory. Will Donald Trump reduce worldwide commitments in his "America First" policy, or will he expand them as Republican neo-Conservatives, who seem to be playing a greater role, wish? We simply don't know.
 7. Trump has promised to renegotiate or abandon several trading blocs, including the Trans-Pacific Partnership (TPP), NAFTA (North America Free Trade Association), and renegotiate bilateral treaties with Japan, China, Mexico and other countries whom Trump believes are taking advantage of the US. Trump did abandon the TPP, and will likely renegotiate several bilateral treaties. Trump met Xi Jinping, President of China, on April 6-8, and possible, new American tariffs came up for discussion. Trump recently abandoned yet another campaign call that China was a "currency manipulator". Following telephone calls with the Presidents of Mexico and Canada, Trump quietly abandoned his long trumpeted plans to leave NAFTA⁸.
 8. Trump said he will "cancel job-killing restrictions on the production of American energy", including natural gas, oil and coal; although many have pointed out that there will be no new jobs in coal, as its decline is due more to market forces than to regulations. He also promised to withdraw from the Paris Agreement on Climate change enacted last year. Trump is cancelling quickly restrictions on oil and coal production, and has appointed "climate change deniers" to key positions, including the head of the Environmental Protection Agency (EPA). Trump has approved the Keystone Oil pipeline project running from Canada through the United States, a plan Obama stopped.
 9. Trump promised to "drain the swamp" of Washington political establishment figures, focusing his anger on lobbyists. Yet Trump has admitted his team is full of Washington insiders⁹.

Trump's record at the end of this three month period, at best is a mixed one, at worst chaotic, contradictory, and incoherent. This record is partly the result of Washington's increasing absorption into the claim that the Russian government meddled and perhaps tilted the US election in favor of Donald Trump.

Increasingly, as his Presidency goes into his fourth month, Donald Trump and a number of top administration, and former administration and campaign officials have been bogged down by questions about his campaign's potential ties to Russia, as well as Moscow's alleged role in hacking the Democratic National Committee (DNC), and a number of top-level Clinton campaign officials. Recently, it also emerged that a number of these Trump officials and former officials, including Gen. Flynn, Attorney General Jeff Sessions, and son-in-law and senior advisor Jared Kushner met with Russian Ambassador Sergei Kislyak. The alleged purpose was to damage Clinton and boost Trump's bid for election. Paul Manafort, Trump's campaign manager, resigned last August after questions arose about his ties to Russia, and in particular, with the deposed Ukrainian President Viktor Yanukovich. Sessions rescued himself in early March from any investigation into Trump associates' contacts with Russia. Flynn was fired for misleading Pence. Those are the facts. In this ever-increasing scandal that is taking more and more of this very new administration's time and energy, there is a lot of smoke, but little real fire. Whether this will be a "cancer growing on the

⁷ Politico.com. April 7, 2017 URL: <http://www.politico.com/blogs/donald-trump-administration/2017/04/trump-schedule-today-white-house-236993>

⁸ Huffington Post. April 27, 2017. URL: <http://www.politico.com/story/2017/04/27/trump-schedule-today-white-house-237683>

⁹ Politico.com. Trump Winning GOP Converts with Cabinet Picks, December 10, 2016. URL: <http://www.politico.com/story/2016/12/trump-cabinet-picks-gop-converts-232450>

body of the Presidency”, as Watergate was described over 40 years ago, remains to be seen¹⁰.

Let me comment now on some of these allegations, and then on their implications for American-Russian relations.

1. Trump has lavished praise on President Putin. He has said that Putin is a strong leader, very smart, and declared it would be good to cooperate with Russia. All are true statements. All, in fact, pale in comparison with what Franklin Roosevelt said about “Uncle Joe” Stalin, Nixon about Brezhnev, and Bill Clinton about Yeltsin. The American media, print, television, and internet sites have demonized Putin in a way that I do not remember since the United States demonized Khrushchev over a half century ago. Even that, such as Khrushchev’s banging his shoes on the table at the UN in 1960, was done in a more mocking tone than the current hatred I see day and night against the Russian leader, calling him a murderer and thug, almost an agent of Satan, who is out to destroy the United States, the West, and the entire post-World War II settlement.
2. Trump and his associates have had business dealings with Russian oligarchs. Yes, but so have many other American corporations, such as General Electric, Morgan Stanley, Starbucks, and McDonalds¹¹.
3. There is no factual evidence presented, as of yet, that Putin ordered the hacking of the Democratic National Committee (DNC), or an actual Kremlin operation on Trump’s behalf.
4. Gen. Michael Flynn, Paul Manafort, Attorney General Sessions, Jared Kushner, Carter Page, etc. have met with Russian officials, including the Ambassador, prior to them taking current office. So what? What is wrong with meeting and talking with Russian officials? Obama’s Russian advisor and Ambassador Michael McFaul visited Moscow in 2008 for talks with Russian officials¹². To this author it smacks of 1950s McCarthyism when people were denounced as Communists for meeting Soviet officials. Some of those people, from various occupations, lost their jobs and even went to prison, their lives destroyed forever.

What does this scandal mean for American-Russian relations? What is the current state of relations between these two great states? We must remember, that these two issues: Alleged Russian interference with the US election, and improving American-Russian relations are separate. Unlike China, Russia is not an emerging peer competitor to the United States. Russia is a regional power struggling to retain part of its former sphere of influence. Russia could be, and should be an ally of the United States in the fight against international terrorism and Islamic extremism¹³. Recently so-called “lone-wolf” terrorists have attacked London, Stockholm, and St. Petersburg. Having good relations with Iran, Russia could act as a mediator between the two countries, should the Trump administration want better relations¹⁴. Russia, the United States, and indeed the world seek a non-nuclear armed Iran. A third area of cooperation would be working with Russia’s ally China, as well as Japan and South Korea, to curb North Korean nuclear ambitions. Fourth, there can be no settlement of the Syrian Civil War, and the future of Syria, without the cooperation of the United States and Russia. Each country is crucial in reaching a lasting peace agreement. Unilateral actions by either country will not help the path toward critical negotiations as the war enters its sixth year with some 500,000 deaths, and millions of refugees and injured civilians. There are thus several areas where American-Russian cooperation would ease international tensions, and where the two countries have mutual goals. Perhaps the reader can think of other trouble spots, such as climate change.

The fact is recent American policy in the former Soviet Union has been a failure. The United States and NATO did not fight and will not fight for Georgia, or the Ukraine¹⁵. Neither country will be admitted into either NATO, or the EU. Syria has also been a failure for the United States and its allies, as they do not have a coherent or consistent policy there. They cannot decide between unseating President Bashar Assad, or wanting to contain the Jihadists, who want to destroy him. Regarding the future of the Ukraine, both can work toward implementing the Minsk Accord agreement of February 2016. A compromise would

¹⁰ Brainyquote.com. John Dean. “I began by telling the President that there was a cancer growing on the Presidency and that if the cancer was not removed the President himself would be killed by it.” URL: <http://www.quotes.net/quote/6227>

¹¹ Cohen S. F. Why We Must Oppose the Kremlin Baiting Against Trump // Nation. February 22, 2017. URL: <https://www.thenation.com/article/why-we-must-oppose-the-kremlin-baiting-against-trump/>

¹² Ibidem.

¹³ Lieven A. Why Trump is Right on Russia // International New York Times, February 14, 2017, p. 17. URL: <https://www.nytimes.com/2017/02/14/opinion/why-trump-is-right-on-russia.html> (Рус. пер.: Ливен Анатолий. Почему Трамп прав в отношении России. URL: <http://inosmi.ru/politic/20170215/238733176.html>)

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Ibidem.

likely include a demilitarization of the Eastern Ukraine, provides full autonomy for the region, and having the truce secured through United Nations peacekeepers. Russian annexation of the Crimea should be accepted¹⁶. The fact is that Russia will not give it up short of a loss in a war. America and Europe should recognize that fact, and end sanctions.

Russia's actions in these matters may be questionable; but are overwhelmingly reactive to what the West has done. Here I refer to the "March East" that NATO and the EU have conducted in Eastern Europe and the former Soviet Union since the collapse of the Soviet Union in 1991. When Gorbachev and US Secretary of State James Baker met in February 1990 to end the Cold War, and discussed the reunification of Germany, they agreed unofficially that there would be no eastward march of NATO. Specifically Baker assured Gorbachev that if Soviet forces withdrew from Eastern Europe, NATO would not move in to replace them. Baker told Gorbachev: "Not even one inch". German Chancellor Helmut Kohl gave similar assurances [1]. Those oral pledges have long been violated. The West fails to understand the unique and supreme historic, ethnic, cultural, and strategic importance the Ukraine holds for Russia¹⁷. While Russia is not happy at the West's violations of its oral agreements, and stationing airplanes and troops in the three Baltic republics, Russia has no territorial interest there, and will not intervene in the Baltic region.

China may be a sticking point. China and the United States have enjoyed nearly 40 years of relatively stable diplomatic relations. It is the most crucial relationship in the world today¹⁸. One specialist drawing from history noted that when a defending global power faces a challenge to its supremacy by a rising power, as Britain did one hundred years ago from Germany, war often results¹⁹. We are now commemorating the 100th anniversary of World War I. Tensions have flared from time-to-time between China and the United States. The pro-democracy protests in Tiananmen Square in spring 1989, the deployment of an American aircraft carrier in the Taiwan Strait in 1996, and the American bombing of China's Belgrade embassy in 1999 were some of the biggest tests, but these tensions proved manageable. Since taking office, Trump has pulled back from the hardline language he used during and immediately after the Presidential campaign last year, when he threatened to label China a "currency manipulator", raise tariffs by 45 % on Chinese imports, which would likely cause a trade war, and militarily stop China re-provisioning its bases in the South China Sea. On April 6 to 8, Xi Jinping and Donald Trump met at Trump's "Southern White House" in Mar-a-Lago, Florida, a summit both recognize would be a "very difficult one". They discussed numerous issues, including Syria, North Korea, trade, the South China Sea, and America's role in East Asia. This summit could well determine the relationship between the two great powers for the next four years. The summit conference went better than expected²⁰. Trump dropped his anti-China rhetoric, accepted an invitation to visit China, and both sides agreed to tackle trade imbalances, and bilateral relations were stabilized. Yet few agreements were signed, and a deep gap still exists between the two powers regarding the Korean peninsula. As experts noted, the Syrian bombing during the midst of talks distracted the Trump team and American media. The Americans may seek to use Russia to get compromises from China, but Russia will not play along.

Russia has defended what it regards as her vital national interests. Russia opposed the American invasion, and war in Iraq in 2003, opposed the overthrow of Col. el-Gaddafi in Libya in 2011, and currently, opposes any overthrow of Assad in Syria. In Russia's eyes, all have led to chaos and jihad. Given all the world's instability, a rapprochement between Russia and the United States is a truly worthwhile objective²¹. It has a great capacity to relieve tensions, combat poverty, and save lives. However, the issue of a Russian-American rapprochement within the current political climate in the United States has become so toxic that the two Presidents cannot schedule any meeting or talk. The author leaves you with the question: Why not talk? We talked during the darkest days of the Cold War. What is different about today? While the writer does not agree that relations between Russia and the United States are at "an all-time low", relations are at its lowest level since 1973, when the two nations almost went to a nuclear conflagration during the Israeli-Arab War that year. Therefore, it is in the interest of both countries, and indeed the world, for relations to improve between these two great states. As we commemorate the 150th anniversary of the sale of Alaska to the United States in 1867, we should remember that sale was recognition for Russian support

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Lieven A. Why Trump is Right... p. 17.

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ CNN. Fareed Zakaria GPS. March 20, 2017. URL: <http://podcast.cnn.com/fareed-zakaria-gps/episode/all/3m0KewVpkR%3Ca%20class>

²⁰ Politico.com. April 8, 2017

²¹ Jenkins S. If Trump's Goal is Friendship with Russia, it's a Prize Worth Lying For // The Guardian. 03.03.2017. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/mar/03/likes-russia-trump-obama>

of the North in its struggle against the South during the American Civil War, and American appreciation for that support.

At the end of Donald Trump's three months in office we can say that the 100 day period has been chaotic, shifting, and at times incoherent. There is a definite disconnect between what Trump says about Russia and what his advisors and cabinet officials say. Here the writer would include very tough recent comments by the Secretary of Defense James Mattis, UN Ambassador Nikki Haley, Secretary of State Rex Tillerson, and his new National Security Advisor Admiral McMaster. It seems that to achieve an "America First" foreign policy, Trump will conduct a highly personalized and transactional foreign policy. Nothing is accepted: be it old alliances, treaties, friendships, and hatreds. All is up for negotiation in a huge break in American foreign policy from what has been a bipartisan world vision approach since the end of World War II. Trump has taken foreign policy to its most realpolitik moment in generations, playing down issues of human rights or democracy that animated his predecessors for the past 40 years. His "America First" approach focuses not on how other nations treat their people, but on what they can do for the United States.

But as noted a bit earlier, even that bedrock from his Presidential campaign, "America First", was challenged as US missiles hit a Syrian air base, an action Republican neo-Conservatives, who favored intervention in the Iraq War and elsewhere in the Middle East, cheered. Furthermore, this foreign affairs novice President at his news conference on April 12 reversed himself 180 degrees on NATO – "no longer obsolete", China—no longer a "currency manipulator", and Syria – "Assad is a butcher". Never has an American President reversed himself so quickly on so many issues at one time²². The only consistent feature, the author would say, is that Trump did not personally criticize Putin, leaving a slim sliver of hope for future American-Russian relations. Given all the world's instabilities today – Syria, Korea, the South China Sea, floods of migrants and refugees, the Ukraine— a rapprochement between America and Russia is a truly worthwhile objective. Its capacity to relieve tensions, relieve resources, combat poverty, and save lives is colossal.

Трамп, Россия и Китай: первые 100 дней

Майкл Шэр, профессор, департамент истории,
Университет Макао. Макао, КНР.

Аннотация. 30 апреля 2017 г. Соединенные Штаты и мир отметили 100 дней пребывания Дональда Трампа на посту президента США. Первые 100 принято рассматривать как основной показатель того, какой будет будущая президентская программа. В статье кратко обсуждается предвыборная кампания и президентские выборы 2016 г. и 11-недельный переходный период; вкратце рассматриваются американо-российские и китайско-американские отношения и, наконец, их перспективы в период президентства Трампа. Действия американского президента в течение прошедших 100 дней были хаотичными, изменчивыми и порою непоследовательными. Он на 180 градусов менял свои подходы к важнейшим проблемам, включая отношения с Россией и Китаем, что только озадачивало многих мировых лидеров, включая президента Путина и председателя Си. То, что говорил и говорит о России Трамп, сильно отличается от того, что говорили и говорят о ней его советники и члены кабинета. Пока что Трамп проводит в высокой степени персонализированную и допускающую всяческие сделки политику. Предметом переговоров может быть все, и это самый значительный с 1945 г. перелом в американской внешней политике. С учетом всех нестабильностей сегодняшнего мира сближение между Соединенными Штатами и Россией является воистину стоящей того целью, и эту цель надлежит активно преследовать.

Ключевые слова: Дональд Трамп, первые 100 дней президентская кампания 2016 г., внешняя политика, российско-американские отношения, американо-китайские отношения, В.В. Путин, Си Цзиньпин, российско-американское сближение.

References / Литература

1. *Conradi P.* Who Lost Russia? How the World Entered a New Cold War. – London: Oneworld Publications, 2017.
2. Foreign Affairs. Entire Issue. May–June 2017.

²² *Baker P.* Trump's Shift on Russia Brings about Whiplash // New York Times. April 13, p. 1. URL: <https://www.nytimes.com/2017/04/11/world/europe/russia-putin-trump.html>

Виталий Яковлевич Воробьев (1944–2017)

10 мая в 2017 г. в Пекине скоропостижно скончался старший научный сотрудник Центра исследований Восточной Азии и ШОС Института международных исследований, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, известный российский дипломат Виталий Яковлевич Воробьев.

Виталий Яковлевич родился 1 августа в 1944 г. в Москве. В 1967 г. окончил МГИМО МИД СССР. С 1967 г. — на дипломатической службе. Работал на различных должностях в центральном аппарате Министерства иностранных дел и за рубежом. В 1989–1990 гг. — заведующий отделом Управления социалистических стран Азии. В 1990–1993 гг. — советник-посланник Посольства СССР, России в КНР.

Дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации присвоен в июне 1993 г.

В 1993–1998 гг. — Чрезвычайный и Полномочный Посол в Малайзии и по совместительству в государстве Бруней-Даруссалам. В 1998–2006 гг. — посол по особым поручениям — специальный представитель Президента Российской Федерации по делам Шанхайской организации сотрудничества. В 2007–2010 гг. — Чрезвычайный и Полномочный Посол России на Филиппинах и Республике Палау (по совместительству).

Виталий Яковлевич Воробьев был признанным экспертом по вопросам российско-китайских отношений, истории формирования российско-китайской границы, он принимал непосредственное участие в разработке концепции Шанхайской организации сотрудничества. Он внес значительный вклад в улучшение российско-китайских отношений, в особенности в решение пограничных проблем, которыми он занимался длительное время, сначала в качестве члена, а затем — главы российской делегации на пограничных переговорах. Он также был автором идеи создания Форума ШОС — «второй дорожки» Организации, объединяющей ведущие научные центры государств-членов.

С 2011 г. Виталий Яковлевич работал в Центре исследований Восточной Азии и ШОС, за это время им написано большое количество аналитических материалов и научных статей по проблематике ШОС, российско-китайским отношениям, внутренней и внешней политики Китая. Виталий Яковлевич с большим интересом отнесся к новому виду деятельности — научной работе — и с большим желанием делился своими обширными знаниями и бесценным опытом с научной общественностью.

Для Центра сотрудничество с таким человеком, как Виталий Яковлевич, было огромной честью и бесценной возможностью прикоснуться к живой истории российско-китайских отношений. Обладая фундаментальными знаниями по китайской и восточноазиатской проблематике, он был широко образованным человеком, ярким представителем российской дипломатической школы. Особенно важно для Центра было то, что он активно участвовал в подготовке молодых сотрудников.

Нам будет не хватать Виталия Яковлевича. Заменить его невозможно. Но мы будем стараться использовать то наследие, которое он нам оставил, для развития научно-аналитического потенциала Центра.

Центр исследований Восточной Азии и ШОС

Учредитель
Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение
высшего профессионального образования
«Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ПИ № ФС 77-65736 от 20 мая 2016 г.

Редактор – *В. И. Шанкина*
Технический редактор – *Е. П. Конюхова*
Дизайн, компьютерная вёрстка – *К. Г. Шанкин*

Адрес редакции: 119454, г. Москва,
проспект Вернадского, д. 76, комн. 4184.
Тел./факс: 8 (495) 434-20-44.
Адрес электронной почты: ktsmi@mgimo.ru
Тираж 500. Заказ №

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России
119454, Москва, просп. Вернадского, 76.